

ИНТЕРНАТСКИЕ

МСТИТЕЛИ
Любовь и дети Ханум

Юрий
Темирбулат-Самойлов

Юрий Темирбулат-Самойлов Интернатские. Мстители. Любовь и дети Ханум

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69175387
SelfPub; 2023*

Аннотация

В трилогии «Интернатские» автор не просто описывает малоисследованный современниками пласт общественной жизни – неоднозначную действительность в советских школах-интернатах 1960-х и 1970-х годов, но и на примере судеб героев анализирует сложнейшие нюансы порывов человеческой (и не только) души в критических, «цейтнотных» ситуациях.

Содержание

Юрий Темирбулат- Самойлов

Интернатские. Мстители. Любовь и дети Ханум

Вместо пролога

Однажды тёплой урожайной осенью мы с моим старинным, ещё со школьных лет приятелем Каримом сидели на террасе придорожной чайханы у окраины такого же древнего, как и окружающие горы, узбекского кишлака, наслаждаясь неспешной беседой под лёгкое журчание бегущей вблизи речушки и едва уловимый шелест листьев склонившихся к самой воде плакучих ив. День подходил к концу, солнце садилось всё ниже и, прежде чем совсем закатиться за горизонт, словно приостановилось в немом вопросе: «Спокойно ли вы провожаете этот день, люди? Могу ли я оставить вас до рассвета?»

За нашим столом было более чем спокойно. Карим гостеприимно потчевал меня сразу всем ассортиментом местной национальной кухни: шашлыком из баранины, самсой, мантами; уже была убрана опорожнённая посуда из-под лагмана и коронного блюда любого узбекского пиршества – плова. Фруктов, и восточных сладостей вроде разных сортов халвы

и рахат-лукума было столько, что с лихвой хватило бы на несколько застолий с числом гостей также в несколько раз большим, нежели пара таких не очень-то и великих едоков, как мы с Каримом. Апофеозом ужина готовилась стать великолепно дыня-торпеда минимум в полпуда весом, в гордом одиночестве ждущая своего часа в глубинах объёмного буфетного холодильника, ибо знатоки высокосортную дыню поедают исключительно отдельно от прочих яств, желатель-но не до и не во время, а после основного меню обеда или ужина, дабы ни с чем, ни с какими другими, пусть тоже весьма достойными деликатесами, не смешивать её несравнен-ные аромат и вкус..

В обычных условиях нормальному человеку столько всего съесть в один присест – ни, ни, ни... категорически невозможно. Но когда, раз в несколько лет, я на недельку-другую возвращаюсь в страну моего детства, то в первую очередь мчусь к кому-нибудь из своих старых, уважающих хороший стол друзей-приятелей, вместе с которыми совершаю своеобразное турне по заведениям общепита с давнишней доброй репутацией, где в полной мере вкушаю прелести восточного гостеприимства. Выражаясь языком современной молодёжи – «отрываюсь по полной», с каждым разом находя всё большее подтверждение научной гипотезе о безгранич-ности возможностей человеческого организма.

Подливая в мою пиалу очередную порцию ароматного зе-лёного чая, Карим вдруг наклонился ко мне и, кивнув в сто-

рону главного входа в чайхану, тихо произнёс:

– Глянь-ка! Только прошу не слишком реагировать, или хотя бы не выдавать своей реакции. Потом всё объясню.

Повернувшись по направлению взгляда Карима, я увидел странное существо, с какой-то ритуальной торжественностью поднимающееся по ступенькам крыльца. То ли мужчина, то ли женщина, оно, невзирая на ещё почти по-летнему жаркую погоду, было облачено в длинный и широкий брезентовый плащ-балахон с поднятым капюшоном. Лицо его надёжно маскировалось большими тёмными очками, на ногах блестели глубокие резиновые калоши. В руках, прижимая к груди, существо несло объёмный бумажный свёрток.

– Что за бесовщина?.. – с трудом выдавил я из себя мгновенно пересохшими губами.

– Чего? – не расслышав моего лепета, переспросил шёпотом Карим.

– Что это за чучело, спрашиваю, – я старался быть максимально спокойным, помня о его просьбе «не реагировать».

В ответ мой приятель поднёс к своим губам указательный палец:

– Ч-ш-ш!..

В меркнущих лучах заходящего солнца всё это выглядело довольно зловеще и, вместе с тем, интригующе. Захотелось выпить чего-нибудь покрепче, нежели зелёный чай. Карим с готовностью пододвинул мне пузатый бокал со стандартной дозой коньяка. Выпив, я почему-то начал сильно икать. Ка-

рим тут же порекомендовал испытанный способ избавления от этой напасти: набрать полные лёгкие воздуха и не дышать, сколько

стерплю. Идеально – не меньше минуты. Тогда точно всё как рукой снимет.

Пока я, надувшись, отсчитывал в уме секунды, не забывая выпученными от напряжения глазами отслеживать продвижение по территории чайханы капюшона, Карим успел полупшёпотом рассказать не первой свежести, но как нельзя лучше, по его мнению, подходящий к данной ситуации анекдот:

– *Тук, тук, тук!*

– *Кто там?*

– *Это я – смерть твоя.*

– *Ну, и что?*

– *Ну, и всё...*

Я поперхнулся, непроизвольно прервав процедуру народной медицины, чинимую над собой. Карим плеснул мне ещё коньяку, после чего моя икота прекратилась так же «вдруг», как и началась.

Тем временем существо, которое я в душе уже успел окрестить «Смерть моя», подошло к зеркалу у вешалки в углу зала и развернуло свёрток, в котором оказались изящная дамская сумочка и в тон ей лакированные женские туфли классической формы на каблуках-шпильках. Такие были очень модны, если мне не изменяет память, ещё в 60-е годы, и назывались, кажется, «лодочки». Сняв очки, скинув брезен-

товый балахон, калоши, и обувшись в принесённые туфли, существо преобразилось кардинально, оказавшись вполне светской и, хоть и пожилой, но ещё довольно привлекательной дамой. Со странным, однако, навевающим безотчётный ужас взглядом.

Расположившись за свободным столиком, попив немного чаю, женщина встала и уверенной походкой, держа под мышкой сумочку, направилась из зала на террасу, прямо в нашу сторону. Мне опять неудержимо захотелось выпить. И опять Карим, будучи в отличие от меня совершенно спокойным и даже весёлым, выручил очередной дозой любимого мною «Камю».

Когда незнакомка на ходу открыла сумочку и сунула в неё руку, я струхнул окончательно, приготовившись в качестве самообороны применить всё, чему меня когда-то учили в армии в пределах программы общефизической подготовки, да время от времени, по собственному желанию, и после неё для поддержания какой-никакой формы доморощенные тренеры по восточным единоборствам, и что в нужный момент всегда начисто забывал, особенно будучи хоть под малейшим хмельком. Карим, сдерживая смех, положил руку на моё плечо и прошептал:

– Не дёргайся, всё в порядке!

Затем он вышел из-за стола и подался навстречу женщине с вежливым приветствием:

– Салам алейкум, ханум!

Не говоря ни слова в ответ, на ходу вынул из сумочки пачку сигарет и положив её на стол, она спокойно уселась на предложенный Каримом стул, благосклонно дождалась, пока ей нальют в вовремя подставленный подоспевшим официантом бокал вдвое-трое большую, чем обычная пятидесятиграммовая ресторанный, порцию коньяка, залпом выпила, пошарила взглядом по столу, нашла на нём среди прочих сладостей плитку шоколада, ловко, одной рукой (чувствовалась явная её привычка к этому лакомству, как, очевидно, и к коньяку) распечатала, отломилась чуть не половину, со вкусом закусила, и только тогда так же спокойно произнесла:

– Спички вот опять забыла дома. Дай, думаю, у солидных людей огоньком разживусь. А у тебя, Карим, я вижу, гости?

– Школьный друг, журналист-международник из Москвы. Профессор. Всё больше по заграницам работает – в Соединённых Штатах, например.

– По-моему, я тебя знаю, сынок... сердце моё обмануть трудно...

Незнакомка вперила в меня взгляд, от которого мороз пошёл по коже. Взяв мои руки в свои, повернула их ладонями вверх, задумчиво пошевелила губами. Потом снова уставилась в мои глаза, точнее, как мне показалось, в переносицу, словно выискивая что-то прямо меж глаз.

Застыв под её взглядом как парализованный, я, с трудом преодолевая страх, граничащий с мистическим ужасом, почувствовал, что мы с этой более чем странной женщи-

ной вроде бы и вправду знакомы. Представив её поредевшие седые волосы густыми и волнистыми чёрными, выцветшие чуть раскосые полубезумные глаза на смуглом скуластеньком лице – озорными карими, а вместо чёрного вечернего европейского платья яркое национальное, чуть не вскрикнул. Неужели это та самая, известная в своё время на всю Голодную степь¹ «Тамарка-шофёрка» – мать моего трагически погибшего много лет назад друга?

– Я вас тоже, кажется, помню, – пролепетал я.

– Извините, я что-то устала...

Женщина сникла, так и не закурив поднялась из-за стола и, не прощаясь, ушла из чайханы, собрав в кучу и забрав с собой всё верхнее, нарядившись в которое, пришла сюда.

Мы с Каримом некоторое время сидели молча, думая, судя по настроению, об одном и том же. Так оно, скорее всего, и было, потому что, как только он заговорил, мне показалось, что я ждал как раз этих самых слов:

– Не обижайся, друг мой, на неё за то, что не узнала тебя и не кинулась в объятия. Не в себе она, как ты наверняка понял с первого взгляда, и до нас с тобой ей, по большому счёту, – как во-он до той тусклой лампочки.

– ?..

¹ Глинисто-солончаковая пустыня в Средней Азии (Узбекистан, Юж. Казахстан, левобережье р. Сырдарья). В 1950-60 годах путем строительства оросительных каналов активно обводнялась, что позволило превратить бесплодную пустыню в крупный район хлопководства. Возникло множество новых совхозов, города Гулистан, Янгиер.

– Да не прикидывайся, что ничего не понимаешь! Я же вижу – ты узнал её и в целом правильно оценил её состояние.

– Ну, и что?.. – как в твоём «умном» анекдоте...

– Как что, Илюх?!

– Хорошо, заинтригован, сдаюсь! Но я с удовольствием узнал бы о ней хотя бы столько, сколько знаешь ты, Карим. Если что-то такое интересное знаешь, конечно.

– Не к праздничному столу, дорогой Илья Николаевич, был бы сейчас

мой рассказ, при всём моём уважении к твоему, наряду с дружески-человеческой заинтересованностью, ещё и сугубо профессиональному исследовательскому зуду. А если совсем серьёзно, то мне и самому в этой истории ещё не всё ясно. – Карим налил две полные стопки поданной по его сигналу чайханщиком водки и предложил помянуть всех тех наших близких друзей, кто не дожил до сегодняшнего дня.

– Помянем... – задумавшись, я даже не почувствовал вкуса водки, выпив её как воду.

– Понимаешь, дружище, – не притронувшись, как и я, к закуске, Карим, налил ещё по одной, – я никогда не смогу примириться с тем, что дети нередко умирают раньше своих родителей, что хорошие люди гибнут чаще, чем негодяи, что некоторые убийцы так и остаются безнаказанными, мало того – ещё и благоденствуют по жизни. Такое положение вещей несправедливо в корне!

– Но ведь не ты же виноват во всём этом, Каримчик.

– Отчасти и я. И ты. Виноваты все те из нас, кто хоть в какой-то мере претендует на статус порядочного человека. Если бы мы не ставили тогда Валеджана одного, не разъехались кто в институт, кто в армию...

– Ну, в армию, извини меня – священный долг, плюс закон... не открутишься. Тут сложно обвинять кого-то. А вот в остальном... институт, например, училище военное могли бы и подождать. Опять – до той же армии...

– Ну, словом, если бы хоть кто-то из друзей оказался рядом, то, возможно, многое сейчас было бы по-другому. И он мог бы теперь сидеть здесь с нами, за этим столом вместе со своей матерью, которую ты только что изволил видеть, и которая так тебя напугала некоторыми своими, мягко говоря, странностями.

– Именно, «мягко говоря», – слабо защищался я от колкой иронии друга, не совсем ещё придя в себя после контакта с «Тамаркой-шофёркой».

– Конечно, – продолжал Карим, не обращая внимания на мои

самооправдательные вклинивания в его речь, – сестёр его уже тогда было, я уверен, не вернуть, но как-то помочь восстановить справедливость мы наверняка могли.

– Как сестёр?! Откуда не вернуть?.. Подожди, Карим! – мне не хотелось верить в то, что я слышал. Защемило в груди. Друзья, помнится, писали мне ещё в армию о гибели Валерки (так мы в детстве переименовывали на русский лад

имена многих сверстников турецких национальностей: Сабир – Сашка, Юнус – Юрка, Валеджан – Валерка и так далее), пытавшегося в одиночку спасти от похитителей своих сестёр-близняшек. Подробностей, правда, не знал никто – потому, наверное, и преступников тогда найти не удалось... но о смерти кого-либо из этих сестёр я и мысли не допускал – слишком много личного было у меня связано с ними обеими в юности. – Что же тогда всё-таки произошло, Карим? Расскажи, если, всё-таки, что-то знаешь, не томи душу! Неужели та ситуация так до сих пор и не прояснилась?

– Вот, давай-ка, дорогой мой, вместе её и проясним. Ты теперь крупный учёный, известный журналист со связями, в том числе и на высоких уровнях, способный добывать через разные ваши каналы недоступную для простых смертных информацию. Как вы там пишете: «Наш источник в правоохранительных органах сообщил...»

– Ну, не настолько уж я и всесильный, хотя охотно пожертвовал бы отпуском ради такого дела. Но хоть в общих-то чертах можешь ты, наконец, рассказать, что знаешь обо всём этом? – забытая, казалось, боль души моей засадила в сердце с новой силой.

– Весело заканчивается наш с тобой сегодняшней пир, Илья, – увидев, как я поморщился от сердечной боли, грустно покачал головой Карим. – Ну, ладно, в нескольких словах и с одним условием: сегодня ты отдыхаешь, согласно первоначальному настрою, на полную, как говорится, катушку, а

завтра сообща обдумаем план действий. Хоп?

– Майли², я весь внимание.

– Времени с тех пор прошло сам знаешь, сколько, но до сих пор среди местных старожилов витают уже превратившиеся в легенду так и не устаревшие слухи о нераскрытом официальными следственными органами злодейском похищении двух красавиц близняшек одним высокопоставленным мерзавцем. Ты догадываешься, надеюсь, о каком мерзавце речь. Подельники этого гада будто бы уничтожили и Валеджана, в одиночку взявшегося распутать предполагаемое убийство одной сестры и кинувшегося спасти вторую, выследив однажды, как ту увозили в машине, и которую, по всей вероятности, ждала участь первой.

– А милиция, прокуратура? Да и, если помнишь, после исчезновения девчонок не только специалисты-оперативники, но и мы с братом искали их как могли, пока отец не увёз нас обоих на новое место жительства, далеко отсюда. Неужели так всё и заглохло?

– В этом деле много тёмного. Оно могло остаться нераскрытым по разным причинам. Вспомни, что тогда творилось из-за наплыва приезжих со всей страны на заработки в «Голодностепстрой» и другие «строи». Едва ли не половина из тех приезжих – выпущенные на свободу уголовники.

– Да-а, деньги здесь зарабатывались действительно немалые...

² Ладно, хорошо (узб.)

– В том-то и беда. За хорошие деньги здесь можно было, как, наверное, всегда и везде, особенно если ты каким-то образом близок к власти, спрятать концы в воду после совершения какого хочешь преступления.

– Но, прости, не такого же!..

– Хотелось бы так думать, да некоторая осведомлённость не даёт. Как у вас в большой журналистике говорят – «эксклюзивная». Кое-что мне удалось выяснить почти сразу после гибели Валеджана, но дальше началось непонятное. Как бы случайно я то в автомобильную аварию попадал, то, однажды, возвращаясь из гостей в соседнем районе, где меня мало кто знал, и находясь в не так уж и тяжёлом подпитии, был втянут в какой-то странный, явно инсценированный уличный скандал, во время которого задержан и жестоко избит милиционерами. Пришлось надолго притихнуть.

– Значит, весь этот маскарад нашей сумасшедшей тётъ Тамары...

– Ты угадал. Прямое следствие тех событий. Сейчас, судя по практически нулевому приближению к истине прочих соискателей, только ей одной, да и то находящейся в сумеречном состоянии сознания, и известна более или менее полная картина. Остальным, если кто ещё жив – лишь фрагментами. Но и об этих остальных пытавшихся что-то выяснить и что-то помнящих людях мало что известно – кто они, где они сейчас, и что конкретно хранит их память. Так что, придётся нам с тобой, – если ты, конечно, подтверждаешь, что не

против, – попотеть.

– Попотеем, куда ж деваться. Ты о тётъ Тамаре поподробней, пожалуйста, Карим. Невтерпёж мне, хоть убей...

– Ладненько, слушай и запоминай. Все здесь давно привыкли к ней как к тихой сумасшедшей, регулярно посещающей эту чайхану в одном и том же, независимо от времени года и погоды, странном наряде, в котором ты её сегодня видел – грубом мужском плаще, тёмных очках, калошах. Но мало кто догадывается, что эта мрачная внешность для неё – символ мести. Именно в этом, или, во всяком случае, таком же одеянии почти тридцать лет назад она выследила и чуть не настигла злодея – организатора, по её мнению, похищения девчонок. Была отвратительная декабрьская погода: грязь со снегом, туман. Обутая в глубокие калоши, одетая в широкий плащ-балахон с поднятым капюшоном, нацепив тёмные очки – видимо, чтобы её не узнали случайно встреченные знакомые, она пробралась во двор дома мерзавца, и... лучше бы она ослепла: по двору из дома к воротам группа милиционеров тащила волоком уже не способного сопротивляться, избитого в кровь её сыночка Валеджана. Бросившись в истерике вперёд, она схватилась за грудь и потеряла сознание.

– Она тебе сама всё это рассказала? Очень уж живописно ты, Карим, рисуешь картину.

– Кое-что узнал непосредственно от неё, а что-то – от тех людей, что увозили её с этого двора в больницу.

– В какую больницу-то хоть? Районного, скажем уровня,

или захолустную участковую?

– Сначала – в центральную районную. А вскоре после госпитализации, когда она в буйстве начала колошматить окружающих и кричать, что всё равно убьёт «эту сволочь» и «Аллах всех покарает за моих детей», увезли в психиатричку, где она лечилась больше года. Когда вышла, узнала, что Валеджана судили и приговорили за нападение на человека к полутора годам лишения свободы с отбыванием срока в ближайшей от дома колонии, и скоро он должен был выйти на свободу. Вот, собственно, и...

– Дальше!

– Ишь, какой ты приткий! Я и сам не меньше твоего хотел бы знать, что дальше. Известно только, что одновременно с задержанием Валеджана «скорая» увезла в больницу хозяина дома, на которого мальчишка напал. Это был директор местной заготконторы. Защищаясь, он выставил вперёд руки, в ладони которых Валеджан, как минимум по разу в каждую, успел сильно ткнуть ножом. Исхитрился он также остриём ножа достать директора промеж глаз, и угораздил аккурат в переносицу.

– То-то она всё мои ладони разглядывала, и в переносицу уставилась так, что я чуть не обделался со страху... шрамы, что ли, выискивала? Но какая здесь со мной-то связь может быть?

– С тобой как раз никакой связи, успокойся. И погоди, не сбивай, не гони лошадей – дойдём и до шрамов, узнать о

которых не только для неё, а и

вообще ни для кого не проблема – их не спрячешь, это тебе любой, даже захудалый, криминалист подтвердит. Это заграничная медицина давно и широко пробавляется пластической хирургией, дорогостоящей, между прочим, а у нас это дело пока не очень... А вот, каким образом мать Валеджана могла разузнать о подробностях схватки между ним и директором заготконторы – тайна, покрытая мраком, ведь с сыном она, говорят, так и не смогла потом увидеться: освободившись из колонии, он погиб почти сразу, известие о чём и повлекло очередную её отpravку в стационар

психбольницы в состоянии сильного помешательства.

– Постоянный пациент психушек – незавидная доля, прямо скажем... и полный крест на человеческой репутации вообще.

– Не перебивай, Илюха! Ты ведь сам наверняка не терпишь, когда студенты разговаривают на твоих профессорских лекциях, или слушатели на других мероприятиях нагло встречаются в твои монологи... Значит, пробыв и на этот раз в психиатричке год с лишним, выписавшись оттуда с сознанием отчасти прояснённым и узнав, что расследование дела о похищении её дочерей, объединённого с делом об убийстве Валеджана, непонятно почему приостановлено, Тамарка-ханум, как называли её друзья и близкие знакомые, задалась твёрдой целью: расправиться с организатором всего клубка этих злодейств самолично. Выяснив, видимо, путём консуль-

таций у врачей, что шрамы, следы от швов и прочих серьёзных повреждений кожного покрова человека вообще имеют свойство сохраняться на его теле в течение всей жизни, а это значит, в частности, что оставшиеся в результате нападения Валеджана шрамы на ладонях директора заготконторы, как и точечный шрам на переносице, вряд ли когда-нибудь исчезнут, она попутно разузнала ещё об одной особой примете этого человека: глаза у него были разного цвета – один серого, другой – зелёного.

– Прошла, одним словом, курс судебной медицины. Ну, молодец, тётка!.. А ещё сумасшедшая...

– Может, всё-таки помолчишь? Или замолчу я!

– Всё, Карим, молчу, не сердись, говори, пожалуйста.

– Прекрасно понимая (не такая уж она и сумасшедшая, за исключением отдельных вспышек агрессии в адрес предполагаемых душегубов), что ещё раз в дом директора ей проникнуть вряд ли удастся из-за наверняка усиленных им теперь мер безопасности, она поехала на приём к жившей в другом конце республики известной ворожее-ясновидящей, – ну, или колдунье, ведьме, я слабо разбираюсь в той ненаучной иерархии, – чтоб хотя бы с помощью магии как можно ближе подойти к истине по печальным событиям с детьми, убедиться в объективности собственных догадок, а убедившись, выследить супостата вне его дома, и – уничтожить.

– Неужели в век просвещённого атеизма, особенно в на-

шей стране с идеологией отрицания всяческих чудес кто-то ещё верит в какие-то колдовские силы и обращается за помощью к разным шаманам-шарлатанам, – опять недисциплинированно вклиниваясь в речь своего друга, усмехнулся я.

– Во-первых, прижмёт – побежишь не только к «шаману-шарлатану», как

ты выражаешься, а и к самому чёрту. А во-вторых... не всё так просто и однозначно, как вам, современным учёным-атеистам, иногда кажется, – на этот раз безболезненно проглотил Карим мой очередной слушательский проступок. – Бывает, что нетрадиционными методами распутываются настолько сложные преступления, что диву даёшься. К счастью, мне удалось познакомиться с той колдуньей, которая и сегодня ещё жива, и, обладая потрясающей памятью, помнит в подробностях визиты к ней, в том числе и многолетней давности, многих клиентов, а уж таких заметных людей, как мать Валеджана – сам Бог велел. Она честно, без малейшей утайки даже в мелочах, мне всё рассказала. Причём – под магнитофонную запись, что у колдунов по меньшей мере не приветствуется.

Короче говоря, при встрече бабка, взвесив в руке узелок с золотыми украшениями и тому подобными драгоценностями, скопленными Тамарой за всю жизнь, засуетилась перед ней, как перед царицей. За такое вознаграждение стоило не только добросовестно поработать по проблеме клиента, рассказав ему всё, что можно и чего нельзя, но и облизать его

с головы до пят.

– Мужчина, которым ты интересуешься, – заявила после серии колдовских манипуляций старая ведьма, – очень, кстати, богатый и солидной внешности, любит, приезжая специально для этого издалека, посещать чайхану у речки с плакучими ивами по берегам. Но человек он занятой и бывает там нечасто. А когда бывает – пирует с размахом. Глаза у него, как ты уже где-то и без меня разузнала, разные, и, видимо, тяготясь этим досадным для него промахом природы, на людях он обычно надевает затемнённые очки. На обеих его ладонях, и это ты тоже уже знаешь, – заметные шрамы, по причине чего, тоже не желая демонстрировать людям свои пусть небольшие, но увечья, руки он обычно на стол не кладёт, и почти всё время, когда не ест и не пьёт, перебирает чётки. Ну, и на переносице, как тебе опять же известно – шрам в виде большой точки.

– Все эти шрамы ему оставил на память мой покойный сыночек Валеджан, – углубившись слегка помутневшим взглядом куда-то внутрь самой себя, прервала старуху Тамара. – Как будто знал, что я буду разыскивать убийцу, и хотел помочь мне – ведь по этим шрамам найду мерзавца хоть под землёй.

– Ты и об этом знаешь? Но, если со шрамами всё очевидно даже для глупого – они на открытых частях тела, и долго скрывать их от людей просто невозможно, то подробности их происхождения, если раны наносились без свидетелей, до-

ступны не всякому даже ясновидящему, а не то что беспомощным в загадках такого уровня государственным сыщикам. Да и я ничего подобного тебе пока не говорила.

– А ты что – пуп земли? И без тебя люди совсем никакие, не способны ни думать, ни сопоставлять факты, события, обстоятельства, разные красноречивые мелочи? Ну, ладно, рассказывай, как твои коллеги гадалки говорят – что было, что будет, и чем сердце успокоится...

– Ай, какая ты умная, прелесть моя! Я как раз хотела сказать тебе, что логически ты всё правильно вычислила, и у меня нашла только подтверждение своим умозаключениям. Но... это по тем моментам, которые в прошлом. А вот в отношении того, что будет впереди, тут, милая, – сложнее. Многие путают, не различают нашего брата по профессиональному признаку. Гадалки, например, – картёжные, на кофейной гуще, хироманты по ладони и тому подобные «прорицатели», несть им числа, вплоть до шатающихся по улицам и за гроши предлагающих всем желающим свои услуги – вовсе не мои коллеги, это самый низкий ранг в нашей таблице, если можно так выразиться. Здесь больше угадывание (обрати внимание – от слова «наугад») по психологическому портрету клиента. И в этой среде – больше всего псевдо-гадалок, шарлатанов, мелких жуликов. Ясновидящие – серьёзное, но и среди них не всякому дано правдиво, а главное – точно предсказывать...

– И что же, в таком случае, относительно моей конкретной

судьбы – исполнения желаний, достижения целей, – будет? Ответ «правдиво и точно», если ты такая уникальная.

– Прости старуху за излишнюю, может быть, говорливость, но почему-то запала ты сразу, с первой минуты, мне в душу, и хочется не просто помочь тебе узнать правду, которую ты ищешь, но и скорректировать события под твои желания, не вмешиваясь в эти желания. А вмешаться, желая тебе добра, очень хочется...

– Позволь уж мне оставаться хозяйкой хотя бы в этом. Так что же, всё-таки, будет, товарищ, ой извини, здесь наше общепринятое советское «товарищ», наверное, не совсем уместно – вы ведь люди, как говорится, не от мира сего... – госпожа ясновидящая.

– Разреши и мне, в свою очередь, досказать своё разъяснение до конца. Я и не ясновидящая, хотя имею достаточные способности, и неплохо владею и их ремеслом. Те могут многое видеть, но реально влиять на события – удел лишь наиболее, а в отдельных случаях, особо посвящённых. В частности, это маги, ведьмы, колдуны. Некоторые из них, как и самые способные ясновидящие и астрологи – люди известные и уважаемые, даже бывает, с мировым именем.

– И ты – из этой самой сильной и, значит – страшной когорты? Не зря, видно, слава о тебе по всей республике ходит...

– Про сильное-страшное ты, бриллиантовая моя, верно заметила. Потому и стараемся мы, по возможности, отгово-

ритель каждого своего посетителя от необдуманных шагов...
ведь за всё приходится, так или иначе,

платить – небо не обманешь. И, не подкупишь...

– Я всё обдумала, иных решений не будет. Давай, ближе к делу о том мужчине, по душу которого я к тебе пришла.

– Ну, скажу я тебе... вижу, не с добром его ищешь, хотя и он тебя, не спорю, сильно обидел. Помни, однако: судьба твоя, так уж predeterminedено свыше, полностью зависит от тебя самой. Забудешь об этом человеке, простишь – проживёшь, слава Аллаху, долго. Причинишь ему зло – как минимум такое же точно зло получишь в ответ. Причём, скорее всего –

сразу же, немедленно. Так что, подумай, прежде чем на что-то решишься.

– Допустим, решила...

– Ты хорошо подумала?

– Да. И ещё раз повторяю: других решений не будет.

Старуха вздохнула, отошла в угол комнаты, повозилась-позвякала какими-то чашками-плошками и вернулась с маленькой пиалой в руке:

– Тогда выпей-ка вот этого отвару. Это сильное, заряженное магической энергией средство – одного глотка достаточно, чтобы замысленное тобой рано или поздно обязательно свершилось.

– Лучше рано, чем поздно.

– А это уже как звёзды распорядятся. Главное – конечный

результат задан, и с этого момента предопределён.

– Ты ещё и астролог?.. А вообще, прости за любопытство, ты какая?

– Имеешь в виду – белая или чёрная?

– Да, я не очень в этом разбираюсь, но, говорят, маги, ведьмы... есть чёрные, то есть злые и корыстные, и есть противоположные им – белые...

– В данном случае это не суть важно. Тебе ведь нужен результат, да? Или, всё-таки – вывеска?

– Результат, конечно... прости, старая, за бестактный вопрос. Понимаю, кто захочет – сам скажет.

– Вот и хорошо, что понимаешь. Главное в таких делах, как наше с тобой – результат, и только результат, а процесс... он лишь в любовных утехах и прочих грешных удовольствиях, вроде обжорства, например, важен. Так что иди по тому пути, на который решилась, прямо, и никуда не сворачивай.

– Спасибо за аудиенцию, но, разреши ещё вопрос напоследок?

– Если он не касается недозволенной простому смертному информации...

– Вас милиция, власти не преследуют? Ведь ваша деятельность, да и вообще мистика всякая идёт откровенно вразрез с идеологией нашего материалистического государства, строящего коммунизм, в котором ни Богу, ни чёрту место не предусмотрено? На костре, конечно, не сожгут – не те времена, но посадить или сослать, куда Макар телят не гонял...

– Э-э-э, драгоценная моя... на этот счёт можешь быть спокойна – ни меня, ни моих собратьев по ремеслу никто никогда не тронет. Если бы ты знала, сколько высоких чинов регулярно пользуется нашими услугами! Ко мне, например, вся, считай, руководящая районная партийно-советская верхушка тайком друг от друга захаживает! Приезжают и издалека разные люди, в том числе знаменитости разные, и о-очень большие начальники – у многих в жизни непонятные проблемы возникают, трудно разрешимые без вмешательства магических сил...

– А ты сам-то, Карим, – опять, в который уже раз, не удержался я, чтобы не перебить и не подковырнуть приятеля, – как коммунист, веришь во всю эту чушь? Сдаётся мне, что, по меньшей мере, не отрицаешь...

– А я, между прочим, даже и не рядовой коммунист. Карим Умурдзакович Умурдзаков³, да будет тебе известно – ещё и секретарь первичной партийной организации школы! Коммунистом живу уже с четверть века, и коммунистом умру. И наша мораль полностью совпадает с божественной, о каком бы атеизме, возведённом в ранг государственной политики, ни разглагольствовали наши вожди с официальных трибун.

– То есть?..

– То есть, на этой грешной земле мы, настоящие, а не но-

³ По старой национальной традиции многим узбекам-мужчинам давалась фамилия, производная от имени отца, потому и совпадающая с отчеством

менклатурные коммунисты боремся за всеобщую справедливость подобно тому, как божественные силы стараются вершить её там, наверху, в масштабах вселенной. А ты сам разве не такой как я? Только не лицемерь, ответь честно, – здесь не кафедра университета, а дружеское застолье, где тебя не продадут...

– Ну, если честно, я просто стараюсь жить по правде, по-человечески. Тьфу, чуть, в тон тебе, не сказал «по-божески»...

– А ты не тьфукай, когда о таких высоких материях рассуждаешь! Значит, по-божески, говоришь? Вот, то-то же. И так же, как мы с тобой, самые разные люди вносят каждый свой вклад в построение общей гармонии.

– В том числе и колдуны?

– В том числе и колдуны, как бы тебе ни хотелось думать обратное.

– Хорошо, товарищ парторг школы, и чем же кончился поход тёти Тамары к ворожее-ясновидящей-ведьме-колдунье и так далее?

– Старуха вроде как сказала, что, дескать, обращаются к нам, посвящённым в тайны вселенной, со своими проблемами болячками многие, но за тебя, золотко, я буду переживать особенно, хоть это и не в наших правилах – волноваться за кого-то вообще...

Тамарка-ханум поняла, что умрёт сразу, как только выполнит свою миссию, с готовностью в душе согласилась с

этим и, уточнив у колдуньи ещё раз координаты чайханы, в которой должно произойти главное событие её оставшейся жизни, распрощалась с ней.

– Да-а, Карим, из тебя великий сценарист мог бы получиться. Излагаешь так красочно и правдоподобно, что слушатель, внимая тебе, как будто готовый фильм смотрит. Может, не поздно ещё переквалифицироваться из провинциальных учителей в мастера мирового кинематографа, или хотя бы –

центрального отечественного?

– Поздно, Илюха.

– Что так?

– Не смогу я уже, пока живой, бросить свою работу, которая давно, много лет для меня плоть и кровь, как говорится, и – естественное состояние души; никогда не брошу своих учеников – мальчишек и девчонок, которые верят мне зачастую больше, чем родителям и другим близким людям... Но, при всём том, – можешь, конечно, смеяться, – а и в самом деле я изначально настолько проникся темой нашего с тобой настоящего разговора, что как подробнейший рассказ старухи-колдуньи, так и всё услышанное из других источников в течение почти полных трёх десятков лет, врезалось в мою память накрепко, и действительно легко могу представить события в виде полнометражного фильма. Как будто в тех событиях сам участвовал теснейшим образом. Да и – *правдоподобность с правдивостью* давай-ка, не будем смешивать.

Я излагаю именно правдиво, честно, как и та сразу полюбившая в тётю Тамару как родную дочь колдунья... так что, не опускай меня, пожалуйста, до уровня фантазёра-выдумщика.

– Что ж, простите великодушно, уважаемый учитель Карим, ничего, кроме искреннего уважения и понимания, такой ответ не заслуживает. Беру своё кинопредложение обратно. Продолжай, пожалуйста...

– Спасибо за разрешение, вы очень любезны, профессор Илюха. Продолжаю... в общем, с тех пор, то есть после столь жизнеопределяющего общения со старой ведьмой, наша с тобой тётя Тамара вот уже много лет, проживая в маленьком, стоящем особняком недалеко от этого кишлака домишке-кибитке недалеко от этого кишлака, как только узнаёт, одной ей известным образом, что в этой самой чайхане, где мы с тобой сейчас находимся, появился новый заезжий солидный гость, идёт сюда. Всегда – в том же наряде, что и в момент первой её попытки мести. С одним и тем же извинением за забытые дома спички просит у «объекта» прикурить, высматривает под любым предлогом, вплоть до предложения погадать, цвет его глаз и шрамы на переносице и обеих ладонях. Вот тебе и объяснение того внимания, с которым она разглядывала некоторые фрагменты твоей внешности и от чего ты, по собственному признанию, чуть в страхе не наложил в штаны.

– Ну, не так уж я и испугался...

– Охотно верю – не струсил, а так... переволновался чуток. Но, в любом случае – на сегодня всё, лично я выдохся. И ты, вижу, – тоже. Так что, давай теперь, Илюха, напьёмся – резюмировал и впрямь явно эмоционально подуставший Карим.

Я безоговорочно поддержал приятеля в его желании: уж один-то относительно беззаботный вечер перед таким непростым делом, какое нам предстояло в связи с сегодняшней затеей, подарить себе мы имеем полное право. Тем более что дружеский пир, посвящённый встрече после очередного, не в один год, расставания, уже и так был, не считая некоторых заминок, в разгаре.

На следующий день я созвонился по международной телефонной связи с редакцией своего журнала и с университетом, в котором планировал прочитать курс лекций, и попросил в журнале дополнительный отпуск, а в университете тайм-аут по личным обстоятельствам, чувствуя, что основного времени моего «отдыха» на наше с Каримом задуманное расследование может не хватить. Согласие обеих организаций, хоть и с некоторым недовольством их руководителей, было получено.

У Карима же с дополнительным отпуском ничего не вышло, да иначе и быть не могло: начался учебный год. Работая завучем местной средней школы, он фактически «тянул»

в ней всю руководящую работу, нередко замещая и директора, и некоторых учителей, штат которых никогда не был укомплектован полностью. И, конечно же, коменданта... Эта на редкость плодовитая даже для среднеазиатской сельской местности женщина – орденоносная мать-героиня регулярно уходила в декретные отпуска. Но, всякий раз – ненадолго. Обычно, уйдя перед самыми родами, она очень скоро, с очередным грудным младенцем на руках, возвращалась на работу. Уж никак ей не хотелось надолго расставаться с таким хлебным местом: ведь при школе был интернат, а при нём – столовая с продуктовым складом. А в обязанности коменданта, кроме поддержания в порядке учебного и спальных корпусов, входила ещё и выдача продуктов. Ну, какая мать такого многочисленного семейства, как у неё, даже если половина её чад – те, что достигли школьного возраста, благополучно пребывает на официальном иждивении у государства, то есть, учится и воспитывается, всячески обихаживается в этом же интернате, откажется от такого тёплого местечка! В периоды же её коротких вынужденных отлучек – буквально до роддома и обратно – продукты выдавал и неплохо управлялся с остальным немалым и беспокойным хозяйством безотказный и честный Карим-ака.

Но первую очередь, конечно, жила за Каримом как за каменной стеной молодая, красивая, энергичная и высокообразованная директриса Мукарама Юлдашевна, не только плодотворно готовившаяся к защите кандидатской диссер-

тации, но и регулярно публиковавшая умные статьи по специальности в областных газетах и центральных научно-педагогических журналах. Из-за необходимости присутствовать на бесчисленных конференциях, пленумах, съездах и прочих ответственных общественно-политических мероприятиях, куда её неизменно и, похоже, с удовольствием приглашали руководители республиканской системы народного образования, она почти постоянно находилась в разъездах, появляясь в своём директорском кабинете как редкий солнечный луч в беспросветно-суетливых школьных буднях.

В этот солнечный луч был тайно и поголовно влюблён весь контингент мальчишек-старшеклассников, с томлением ждавший её возвращения из каждого очередного вояжа. Появившись, весёлая Мукарама быстренько организовывала ряд контрольных работ по своей любимой математике, ставила всем, кроме отъявленных оболтусов, хорошие оценки, давала обычный и привычный инструктаж завучу Кариму Умурдзаковичу, и... упархивала, как красивая экзотическая бабочка, в следующее приятно-полезное путешествие. А Карим-ака, вздохнув, опять и опять безропотно брался за бразды правления.

Во всей округе не было, пожалуй, человека, который хоть раз не обратился бы за советом или помощью к «Укитувчи»⁴ – этому педагогу с большой буквы. Только так его и называли местные жители, независимо от их возраста, служебного и

⁴ Учитель (узб.)

общественного положения. Для учеников же и коллег-педагогов он был просто Карим-ака, который знает и умеет всё.

В неизменной классической чёрно-белой тубетейке и белоснежной национальной рубахе навыпуск, Укитувчи давно стал в этих краях своеобразным символом справедливости. Где бы он ни появлялся, всегда вызывал у окружающих стремление если не быть, то хотя бы казаться лучше. Грубияны в его присутствии демонстрировали вежливость, подвыпившие притворялись трезвыми, прохиндеи и развратники, напустив на лица выражение самой невинности, принимались благочинно рассуждать о нравственности, а набедокурившие подростки испытывали нечто вроде уколов совести и смиренно обещали исправиться. Обыкновенные же, приличные люди чувствовали себя рядом с ним комфортно, и вели себя соответствующим образом – естественно и спокойно. Ему доверяли, с ним советовались по житейским вопросам любой сложности.

Такой сподвижник в поисках истины, при всей его занятости, был для меня сущим кладом. И во многом благодаря именно ему, Кариму, к концу моего дополнительного отпуска в нашем распоряжении было исчерпывающее досье по интересующим нас с ним событиям.

Итак, что же рассказали люди и документы?..

В середине 1950-х годов, когда одним из важнейших направлений в экономическом развитии советского государства провозглашалось освоение целинных и залежных земель, в обычном узбекском селе в семье счастливых молодожёнов Амирхана и Тамары Азимовых ровно через девять месяцев после свадьбы родилась тройня – две девочки и мальчик. Девчонок назвали Гульнаррой и Динарой, их братика – Валеджаном.

Ещё не отшумел грандиозный той⁵ по этому поводу, а романтически настроенные муж и жена уже крепко задумались, как наиболее пристойно решить проблему временного расставания с новорожденными. Ведь для настоящих комсомольцев, недавно окончивших шоферские курсы и выбирающих жизненный путь, целина – дело чести. Но жить в возведённом наспех бараке или брезентовой палатке с младенцами, да ещё сразу тремя – слишком сложное, да и рискованное для здоровья малюток дело. Мысль же оставить их, ради немедленного отбытия, на руках престарелых родителей Амирхана, по здравому рассуждению отпала сама собой: малюткам в первые месяцы жизненно необходима материнская грудь. Скрепя сердце, решили с полгодика потерпеть, довольствуясь прослушиванием радиопередач и чтением газетных репортажей о трудовых свершениях молодых целинников там, где творится сегодня история создания несокрушимого хлебно-продовольственного могущества великой стра-

⁵ Пир (узб.)

ны.

Едва выдержав эти полгода, начали паковать чемоданы. Но проблема разлуки усугубилась теперь ещё и другой естественной причиной – день ото дня неудержимо росла нежность и крепла родительская любовь к поначалу наперебой кричащим, требуя к себе практически круглосуточного внимания, затем всё активнее что-то лопочущим человечкам. Хорошенькие голосистые девчушки всё больше становились похожими на своего стройного, с гордой посадкой головы, гладкокожего и кудрявого отца Амирхана, а энергичный, крепенький Валеджан начинал проявлять в себе многие черты матери – своенравие, требовательность, грубоватую, но яркую красоту лица, гибкость и силу тела. Сердца молодых разрывались, но о том, чтобы отступить, речь не заходила принципиально. Иначе, как же они смогут причислить себя к славному племени советских комсомольцев-добровольцев, о которых

сложено и слагается столько хороших патриотических песен?

Так что, никакие душевные колебания, при всей их естественности, не могли кардинально повлиять на планы молодых супругов, а посему единогласно было решено: безусловно подчиниться пламенному патриотическому порыву, но надолго младенцев не оставлять и, как только обустроятся на новом месте, забрать их к себе. Ведь целина – не на один день. В её новых совхозах обязательно будут строиться не

только уютные просторные жилые дома, но и детские сады, школы. Пусть не всё сразу, но – обязательно. Да и хорошие заработки занимали в мечтах и планах будущих целинников не последнее место. Профессия у них – одна из лучших, высокооплачиваемых, и со временем они сумеют обеспечить своим детям по-настоящему счастливую жизнь.

II

Не задалось, увы, целинное счастье Азимовых. И, как это ни обидно, виной всему явились именно те молодость и красота, которые уже сами по себе считаются счастьем человеческим...

Так уж, с самого зарождения человечества, складывалось бытие земное, что рядом с великой красотой всегда шли по жизни великие испытания – в виде собственных искушений в ответ на льстивое внимание и восторги поклонников, или же опасностей со стороны, порождаемых завистью некрасивых соперниц и соперников, богатых или просто влиятельных сластолюбцев, порочностью извращенцев. И вся многовековая история целых стран и народов вряд ли может похвастать множеством случаев, когда в одной и той же чьей-то судьбе мирно уживались красота и счастье. А если природа, расщедрившись, одаривает прекрасной внешностью сразу обоих влюбленных, то и испытания на их долю выпадают гораздо-гораздо большие.

Исключением из этой невесёлого жизненного расклада не

удалость, как это ни печально, стать и такой гармонично-яркой и жизнелюбивой, обожавшей друг друга и мечтавшей о честном трудовом счастье супружеской

паре, как Тамара и Амирхан родом из благословенной Ферганской долины⁶.

III

Прибыв по комсомольской путёвке в один из вновь созданных казахстанских целинных совхозов в горячую пору уборочной страды, молодые, не отдохнув с дороги, сразу же окунулись в гущу событий. Амирхан принял освободившийся после какого-то испугавшегося трудностей и позорно бежавшего с целины маменькина сынка совсем новенький грузовик-полуторку, на котором они с Тamarой, сменяя друг друга, круглосуточно возили с поля на элеватор зерно невиданного доселе урожая.

До конца уборочной они толком и не виделись, встречаясь урывками в моменты пересменок, когда передавали друг другу машину. Питались в импровизированных столовых на полевых станах, спали, в соответствии со сложившимся рабочим графиком, по очереди в выделенной им комнатке семейного барака. И всё же, несмотря на перенапряжённый ритм начала своей трудовой целинной жизни и полное по-

⁶ Межгорная плодородная, с благоприятным климатом впадина на территории нескольких областей Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Благодаря уникальным природным условиям для ведения сельского хозяйства имеет самую высокую плотность населения в Средней Азии и одну из самых высоких в мире.

ка отсутствие жизни личной, считали свою судьбу на первых порах удавшейся.

IV

Торжественное подведение итогов жатвы местные власти решили приурочить к празднованию годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В предпраздничный вечер накануне традиционной демонстрации трудящихся, готовящихся завтра с флагами и транспарантами пройти нарядными колоннами по центральной площади и главным улицам райцентра, районный Дом культуры был заполнен целинниками до отказа. Из областного центра и столицы республики прибыло по такому случаю высокое начальство. У парадного входа и в холле играли духовые оркестры. Настроение царило приподнятое. Каждый из присутствовавших чувствовал себя именинником – никто из них не посрамил чести целинника-первопроходца. Ведь те, кто сплеховал, либо давно разбежались-разъехались, либо остались в этот вечер дома. Здесь же, в этом празднично убранном зале, собралось сейчас достойное большинство.

После нескольких произнесённых официальными лицами приветственных речей, часто прерываемых аплодисментами, председательствующий с видом человека, преподносящего обществу приятный сюрприз, объявил:

– А теперь слово предоставляется орденоносцу, Герою Советского Союза и Социалистического труда, в недалё-

ком прошлом не только славно повоевавшему гвардейскому офицеру-командиру переднего края, но и, когда Родине понадобился его талант строителя, в тяжелейших боевых условиях – под артогнём и авиабомбёжками противника восстанавливавшему повреждённые и строившему новые аэродромы для наших славных соколов, бомбивших ненавистного врага вплоть до его фашистского логова – Берлина, а ныне начальнику главного управления строительства целинных совхозов Артемию Ивановичу Богатырёву!

Зал буквально взорвался овацией, красноречиво свидетельствующей о доброй славе и огромном авторитете среди целинников вышедшего к трибуне высокого широкоплечего мужчины в кителе военного покроя, с лёгкой сединой на висках и двумя золотыми геройскими звездами на груди.

– Товарищи!.. – заметно волнуясь, и с облегчением дождавшись тишины, начал Артемий Богатырёв. – Разрешите от имени нашего главка и от себя лично поздравить вас с большой, самой мирной на свете победой. Хотя впереди ещё немало самоотверженной работы, трудовых героических дней и бессонных ночей, главное можно смело считать свершившимся: целина, прибавляющая миллионы пудов хлеба в закрома нашей любимой Родины, поднята! И сделано это вашими золотыми руками, дорогие мои...

Переждав очередной шквал аплодисментов, немного оправившийся от

волнения оратор продолжал более спокойным, выровняв-

шимся голосом:

– Золотые руки и горячие сердца, светлые устремления и преданность идеалам коммунизма – основная отличительная черта чудесного племени молодых строителей нового общества. Вот сейчас я вижу в зале очень много молодёжи. Большинство даже. А ведь многие из присутствующих, отправляясь по зову сердца покорять целинные земли, оставили дома близких, любимых и даже малолетних детей. Например, среди вас сейчас находится супружеская пара, незадолго до отъезда на целину сыгравшая свадьбу и родившая на свет аж целую тройню! Это – члены комсомольско-молодёжной бригады шоферов Тамара и Амирхан Азимовы, победители социалистического соревнования на перевозке зерна нового урожая. С удовольствием сообщаю, что оба за свои трудовые достижения представлены, в числе лучших из лучших, к правительственным наградам. А от руководства главка хочу прямо сейчас вручить им ключи от квартиры номер один в новом, только что сданном в эксплуатацию доме. И ещё... – подняв руку, приостановил нарастающие из зала рукоплескания оратор, – с ещё большим удовольствием я уступаю своё место в президиуме сегодняшнего торжественного собрания этим достойным представителям советской молодёжи. Тамара и Амирхан, прошу на сцену!

Зал уже не сдерживал аплодисментов, провожая восторженными взглядами с трудом узнаваемую молодую красивую пару, которая, смущаясь от столь неожиданного внима-

ния к себе такой уймы народа, продвигалась по среднему проходу зала от задних рядов к сцене. До сих пор их видели только порознь, чумазых и в пропылённой рабочей одежде, его – в кепке набекрень, её – в плотной белой косынке, хоть в какой-то мере, да спасающей голову от перегрева палящим солнцем. Сейчас она была в расшитой цветными узорами светлой праздничной тюбетейке, из-под которой тяжело свисали роскошные чёрные косы, в ярком узбекском народном платье, с насурьмлёнными бровями и румянощёкая. Высокогрудая, с гибким станом и крутыми бёдрами Тамара, казалось, не шла, а изящно плыла сквозь море людей, которых всех сразу любила сейчас почти как оставленных дома тройняшек. И чувство это, судя по разлившейся в зале атмосфере доброжелательности, нескончаемым улыбкам и подбадривающим выкрикам, было искренне взаимным. Позади, чуть сбоку, нежно поддерживая её под руку, двигался высокий стройный смуглый красавец в новом костюме, с аккуратно постриженными чёрными усами и в ярком, не совсем умело повязанном галстуке.

Как только они поднялись на сцену, сидевшие в президиуме солидные мужчины встали и по очереди пожали им руки, а Артемий Богатырёв вручил по почётной грамоте и ключи от квартиры. После чего обнял и от души крепко расцеловал сначала Тамару, потом Амирхана, предложил им, как и обещал, места в президиуме, в том числе и одно из этих мест – своё, а сам под шум новой волны рукоплесканий скромно

спустился в зал.

Эх, Артемий, Артемий! Всем ты хорош: и силен, и умён. Не раз перехитрил ты смерть на поле боя, а, пройдя через всю грязь и жестокость

войны, не утратил благородства души. Не оставил ты и свою израненную и покалеченную, превратившуюся в беспомощного инвалида боевую подругу, в отличие от поступавших совсем наоборот многих других фронтовиков, избалованных послевоенной нехваткой здоровых мужчин при небывалом обилии изголодавшихся без мужской ласки красивых женщин. А тут... продержавшись столько лет, дрогнуло-таки твоё закалённое сердце, допустило запавшую в него искру, способную, разгоревшись до жаркого пламени, спалить в пепел и само сердце, и разум.

Но вовсе не в этом главная твоя ошибка, Артемий, если вообще правомерно считать ошибкой то, что человеческому разуму никак не подвластно – допускать или не допускать к своему сердцу, принимать или не принимать дарованное Богом чувство. Нет, конечно, ничего тут от тебя, как и от любого иного, хоть трижды стойкого и порядочного мужчины, окажись он на твоём месте, не зависело бы ни при каких обстоятельствах. Промах твой – а вот тут уже от ума кое-что зависит! – немного в другом: негоже прилюдно целовать азиатскую женщину, да ещё в присутствии её собственного мужа. Даже – по такой уважительной причине и такому официально-торжественному поводу, как сегодня.

Ты не заметил, как почернел вдруг лицом Амирхан? А ведь следовало тебе, умудрённому жизненным опытом, знать, что кровь предков, текущая в жилах мусульманских мужчин, ой как сильна своей генетической памятью к тем временам, когда посторонний не имел права к чужой жене не то что прикоснуться, а даже видеть её лица. Ну, что ж, посмотрим, что будет дальше...

V

Счастливая Тамара не чуяла под собой ног от радости, когда они с мужем возвращались поздно вечером в ставший вдруг таким неинтересным барак. Неужели у них теперь есть свой угол – целая квартира, в которую они могут вселиться хоть завтра, прямо в праздничный день? И прямо с той же послепраздничной ночи она имеет полную возможность не спеша и досыта налюбоваться со своим сладкоголосым красавцем Амиром, не стесняясь, как было до этого, громко (возможно – притворно) храпящих за тонкими стенами барачных соседей!

Не замечая какого-то необычного сопения непривычно молчавшего всю дорогу мужа, Тамара обернулась и крепко прижалась к нему:

– Ой, Амирка, как я тебя люблю! Теперь ты сможешь свободно и сколько угодно, хоть во весь голос, распевать дома песни, репетировать для своей художественной самодеятельности. А главное, деточек наших привезём... как только са-

дик достроят. Как я по ним соскучилась!

– Поживём – увидим... – уязвлённая мужская гордость Амирхана, перед глазами которого всё ещё упорно стояла сцена их поздравления в Доме культуры, когда ставший отныне ненавистным большой начальник целовал ЕГО жену, пыталась бороться с нежной страстью к ней.

– Что случилось, Амирхан? – упавшим голосом, ничего не понимая, еле выговорила Тамара. – Тебе плохо?

– Да нет, всё хорошо, и даже очень. Особенно тебе и этому... Герою.

– А-а, вот ты о чём. Чудак! – облегчённо вздохнула она, убедившись, что муж, слава Аллаху, не заболел, а всего лишь нелепо ревнует к совершенно безобидному эпизоду. – Ведь не я же его обняла... а у них, наверное, так принято, когда поздравляют. Этот, как его – протокол.

– Меня такие протоколы не устраивают! Если без них не обойтись, давай уедем. Поживём пока опять у моих родителей, потом построим свой дом, будешь детей воспитывать. А я без дела не останусь, шофера везде нужны.

– Ты с ума сошёл? Интересная жизнь здесь, на целине, только начинается!

– Интересная для кого?

– Для нас с тобой и для детей наших, которых уже есть куда привезти. Ну, успокойся, пожалуйста. Пусть ещё кто-то ко мне только попробует приблизиться, хоть с медалькой обещанной, хоть с орденом... мигом забудет, зачем подходил! Я

ведь только тебя одного воспринимаю как мужчину, и ты это прекрасно знаешь. Ну, пойдём скорее домой! Я так истосковалась по настоящей, ничем не сдерживаемой твоей нежности, Амирка, за время этой насквозь прослушиваемой и во все щели просматриваемой барачной жизни, не могу больше ждать... даже переезда в новую квартиру. Пошли же!..

Амирхан, как ни изощрялся подольше попроявлять мужскую суровость, всё же не устоял под ласками жены. Вспыхнувшая несколько часов назад в его душе жгучая ревность теперь и самому ему представлялась несерьёзной и, едва добравшись до своей комнаты в бараке, они наконец-то решились не обращать внимания на всё слышавших, как им не без причин казалось, соседей и на всю ночь отдались той сладчайшей страсти, с которой любили друг друга с первого мгновения их знакомства и хотели любить вечно.

VI

После новоселья Азимовы вплотную занялись ремонтом, приведением в

безукоризненное рабочее состояние своего грузовика, основательно

основательно потрёпанного в ходе уборочной и последующих осенних сельхозработ. Когда, наконец, был достроен и открыт давно обещанный властями детский сад с яслями для самых маленьких, съездили на несколько дней на родину в Узбекистан, где надарили кучу подарков родственникам и

друзьям, забрали детей, нажитое за короткую супружескую жизнь небогатое добро и, вернувшись в свой целинный совхоз, некоторое время жили хоть и, будучи занятыми от зари до зари, нелегко, но – относительно тихо и спокойно.

Долго, однако, такое тихое спокойствие продолжаться не могло согласно элементарной логике: как интересные во многих отношениях, сильные, незаурядные личности, Амирхан и Тамара просто не могли быть не востребованы общественно-политической жизнью, особенно в стране, активно строившей коммунистическое завтра. Он, обладавший прекрасным голосом и абсолютным музыкальным слухом, был замечен руководством отдела культуры райисполкома и, получив соответствующее приглашение с обещанием всяческих льгот, стал все без исключения вечера пропадать на спевках патронируемого районным управлением сельского хозяйства хора, в составе которого исполнял нередко сольные партии, совмещая эти занятия с репетициями народного театра, где как талантливый, хоть и без специального образования, исполнитель различных, в том числе и заглавных, а то и главных ролей быстро набирал вес. Она – волевая, рассудительная и трезвомыслящая даже в сложных ситуациях работница, быстро выросшая до должности бригадира шоферской бригады, серьёзная мать, да ещё и обаятельная красавица, была избрана секретарём совхозного комитета комсомола. Одновременно оба вступили кандидата-

ми в члены КПСС⁷. Жизнь сделалась ещё интенсивнее, без малейших просветов, которые можно было бы назвать досугом, свободным временем...

Однажды, нежданно-негаданно, Тамару пригласил на индивидуальную непротокольную беседу секретарь партийного комитета совхоза, по сути и традиционно в советской административно-управленческой иерархии – комиссар, второй человек на предприятии, и с некоторой грустцой в голосе повёл разговор, судя по интонации – явно не желаемый для него самого, но, видимо, обязательный как директива, спущенная негласно «сверху», и не просто сверху, а, как вывилось впоследствии – через районное руководство из высших эшелонов областной власти.

– Понимаешь, Тамарочка, жизнь – такая уж не совсем и не всегда справедливая штука... лучших людей из любой организации всегда стараются забрать себе организации вышестоящие. Вот и вы с Амирханом, что вполне закономерно и естественно, приглянулись там, в верхах. А мы, ваше тутошнее начальство, вложившее в вас душу и сердце, сами здесь в вас нуждаемся как в передовиках производства и способных общественниках, полюбили вас как родных. И товарищи по работе вас уважают, ценят.

– Спасибо, конечно, на добром слове, – насторожилась Тамара, – но, причём здесь какие-то верха? Да мы ж только обживаться начали. Нам здесь

⁷ Коммунистическая партия Советского Союза (1922-1991 гг.)

нравится – работа хорошая, по общественной части очень даже нескучно, дети пристроены, соседи хорошие, которые всегда и с детьми, если надо побудут, и по хозяйству помогут, и вообще... кто кого забирает-то? И куда?

– Ну, с детьми вы и в городе не пропадёте, там ещё и лучше для них условия будут.

– Какой город, о чём вы?

– Областной центр.

– А целина? Мы зачем сюда ехали? За романтикой, осваивать новые земли, давать стране рекордные урожаи хлеба и всё такое. А городов и в нашем Узбекистане полно – хороших, красивых и... каких хочешь.

– Да никто у вас целину не отбирает, Тамара. Областной целинный город – это тот же передний край борьбы за рекордные урожаи, и, надо полагать, значительно серьёзнее, чем наш маленький совхоз. А суть вопроса вот в чём. Твоего Амирхана на одной из репетиций слышали гости из области, и обнаружили в нём большое дарование. Хотят пригласить в город и, немного подучив, принять артистом в настоящий, может, даже, академический театр.

– А я?

– Не пугайся, никто тебя с любимым разлучать не собирается. Тебе могут предложить в том же областном центре работу на легковой автомашине «Победа». Квартиру, как семье с тремя малолетними детьми, дадут сразу. Благоустроенную, с ванной и тёплым туалетом, с газовой плитой на кух-

не. Бельё тебе будет стирать машина, а если не захочешь и на машинке – сдашь в прачечную, где мигом и дёшево отстирают-погладят, будь здоров... ну и другие удобства, не то, что здесь...

– А мне, всё-таки, и здесь неплохо...

– Не будь эгоисткой, Тамара, ты ведь не такая. Поговори-ка, лучше, с Амирханом.

– А почему вы сами ему обо всё этом не скажете?

– Дело в том, что он, как мы уже успели заметить, мягко говоря, ревнив. А возить на «Победе», как понимаешь, тебе придётся большого начальника – мужчину. Других вакансий на легковых машинах на сегодня, к сожалению, в этом городе нет. Предлагать же грубую работу на тяжёлых машинах не хотят, поскольку ты, как-никак, очень красива, и лучше бы подольше сохранила свою женственность – для своего же мужа и детей. Ведь грузовик, и ты, вероятно, чувствуешь это сама, постепенно, но неумолимо огрубляет. С годами женщина вообще становится похожей на мужика, делается своей, а вернее, что совсем уже ненормально, – своим в мужской рабочей среде. Таким, понимаешь, гибридом – жено-мужик. И любой, даже самый что ни на есть любящий муж в такой ситуации может со временем непроизвольно потянуться к более нежным представительницам вашего прекрасного пола.

– Да никогда в жизни! Вы плохо знаете моего Амира! Чтобы он за чужой

юбкой погнался?.. – готова была расплакаться Тамара, ин-

туитивно, в то же время, понимая житейскую правоту староро коммуниста.

Парторг промолчал. Тамара восприняла эту паузу как сигнал к

окончанию разговора.

– Хорошо, я поговорю с ним, – грустно выдавила она из себя на прощание. – Только не торопите, пожалуйста. Дайте нам время созреть для такого решения.

– К сожалению, Тамара, времени на раздумья не так уж много. Неделя – максимум. Руководство театра, как и области в целом, может в любой момент поменяться, а у нового, как водится – новые заботы, новые люди... Амирхан же – артист, как говорится, от Бога. Грех своими руками лишать его правильной судьбы. Вот, видишь, партийный работник, атеист, а заговорил с вашими проблемами как поп: Бог, грех... ну, в общем, ступай и помни, что ваша более удачная судьба – в твоих руках.

VII

Через несколько дней, погрузив пожитки в ставшую уже почти родной полуторку, Азимовы переезжали на новое место. Управлявший машиной Амирхан, в котором подспудно боролись между собой страстное желание стать артистом и «упёртое», в связи с противоречивым характером, нежелание расставаться с профессией шофёра, был задумчив и рассеян. Тамара, готовая ради любимого хоть ползком ползти

на край света, и не меньше его обожавшая езду за рулём любой, даже самой непритязательной автомашины, грустившая при расставании со своим первым в жизни собственным «углом», была, тем не менее, собранна и сосредоточенна – дети требовали недремлющего материнского ока.

На её плечи и легло, в основном, обустройство по приезду в город: налаживание семейного быта в непривычно просторной благоустроенной квартире, оформление детей в ясли. Пока Амирхан утрясал свои первоочередные творческие вопросы с руководством театра, она успела обежать и объехать полгорода и разузнать, в каких магазинах лучше покупать питание для детей, где и какие есть службы быта и заведения культурного досуга, способствующие всестороннему и гармоничному развитию женской личности. Помня разговор с совхозным парторгом, она меньше всего хотела теперь быть «своим среди шоферов жено-мужиком».

Незнакомого ей пока начальника, которого она в качестве персонального водителя должна будет возить на «Победе», перед самым их с Амирханом приездом вызвали на совещание в Москву, и у неё было три-четыре дня до выхода на работу, которые и потратила, само собой разумеется, с максимальной пользой для семьи – исключительно на домашние дела. Всё складывалось прекрасно. Но когда Тамара в назначенное время явилась по назначенному адресу, то испытала настоящий шок – её новым начальником оказался только что возглавивший обком партии Артемий Иванович Богатырёв.

И ездить ей предстоит уже не на «Победе», а на более шикарном представительском автомобиле «Зим».

Нешуточным, причём, наверное, более тяжёлым шоком явилось это обстоятельство и для Амирхана, узнавшего о таком коварном повороте судьбы вечером же по окончании первого рабочего дня Тамары от неё самой.

– Ловко, ничего не скажешь! Заманили дурака театром...
– Амирхан еле сдерживал ярость.

– Амирка, любимый, поверь, я тоже ни чуточки не знала, кого придётся возить. Ну, ради детей наших, не обижай меня подозрениями. Хочешь, я завтра же уволюсь, и уедем назад в совхоз? Нас примут.

– Да я не тебя подозреваю. Красивой шофёрки этому гаду захотелось! Чтобы в любое время, как приспичит, вызывать на работу якобы по служебной необходимости, и – наслаждаться. Ведь таким тузам не смеет отказать ни одна, если хочет в тёплом месте работать. У-ух, ненавижу!

– Пожалуйста, успокойся! Я ведь и на самом же деле считаю классным водителем. Вот, отдел кадров, чтобы обеспечить меня, к тому же и как многодетную мать, не очень тяжёлой физически работой, взял да и устроил сюда. Богатырёв даже сам вроде как удивился при встрече. Какая, говорит, приятная неожиданность!

– Приятная, говорит? Неожиданность, говорит? Ну, ладно, раз им в обкоме нужен просто классный спец, то предложишь зав-

тра же меня на своё место. А тебе подыщем другую работу, или, в крайнем случае, дома посидишь, с детьми – этот труд тоже нелёгкий, и не менее полезный для общества, чем возить толстопузых начальников.

– А как же театр? Ты что, Амирка?

– Театр подождёт. Буду, пока, по мере возможности, заниматься в художественной самодеятельности. Есть ещё народный непрофессиональный театр – как у нас в районе был, только посильнее, конечно. Надеюсь, смогу выкраивать время ещё и на учёбу, ведь у такого большого начальства, как твой Богатырёв, всегда найдутся сменные шофера.

– Ну, почему – мой? Опять ты... – выскочило у Тамары, но она тут же осторожно смолкла. Спорить с мужем в таком его настроении было бесполезно. Судя по накалу страстей, на карту, более чем вероятно, была поставлена их семейная жизнь. А жизни этой без Амирхана она для себя не мыслила. Тамара здраво решила не усугублять обстановку, и... согласилась – пусть муж займёт её место за рулём богатырёвской машины, если тот не будет против. Никто ничего в таком случае не потеряет – Богатырёв обретёт в лице Амирхана ничуть не худшего, а может, даже, и лучшего, чем Тамара, водителя. Тамара же, перейдя на какую-нибудь работу попроще, получит больше возможности быть с детьми. А за семьёй, если ничего по большому счёту не изменится, наверняка сохранятся и только что полученная прекрасная квартира, жизнь в которой казалась раем по сравнению со всем

тем, что было раньше, и хороший детсад. Да и прочие, так неожиданно-удачно выпавшие на их долю блага, терять в одночасье не хотелось.

Богатырёв на удивление благожелательно и без лишних расспросов воспринял предложение Тамары заменить её Амирханом. И даже составил ей протекцию, благодаря которой она оформилась на необременительную работу водителем дежурной машины в одном из малозаметных, не отличающихся бурной деятельностью учреждений неподалёку от своего дома. И жизнь опять потекла своим естественным спокойным руслом.

VIII

Сидя вечером в своём огромном кабинете руководителя целинной области, который он занял всего пару дней назад, и нервно выкуривая без перерыва одну папиросу за другой, Артемий Иванович пребывал в расстроенных чувствах. Проработав всего-навсего одну смену, вдруг объявила, что не может больше быть его персональным водителем, Тамара Азимова. А ведь из-за назначения её на эту должность он рисковал потерять свою: слишком уж сильно хотел постоянно видеть рядом с собой эту фантастически красивую и невероятно чистой души женщину, для чего и использовал, впервые в жизни в личных целях, всё своё влияние как высокого руководителя и жизненно-дипломатический опыт некоторых нижестоящих работников идеологического фронта. И это, в свою очередь, наверняка не осталось незамеченным

для недоброжелателей, каковых всегда достаточно у любого успешного политического или общественного деятеля, а уж у должностного лица его уровня – и подавно... и которые в удобный для них момент всегда подбросят «наверх» компрометирующую это должностное лицо информацию. Последствия таких доносов чаще всего предсказуемы – добром дело кончается очень редко.

А может, лучше было бы поручить в тот день поздравление Азимовых с вручением ключей от квартиры кому-нибудь из подчинённых по главку, и ничего бы этого не было – ни внезапно вспыхнувшего чувства, ни страха за карьеру?.. Ну уж, нет! То, что, помимо чисто прагматических душевных терзаний, он сейчас испытывал по отношению к этой божественной женщине, милее и дороже всего, чем только может одарить человека жизнь. Такими подарками судьбы нормальные люди не разбрасываются. А он – не безумец. В своих глазах, конечно. В мнении же окружающих – кто знает...

О причинах её отказа работать с ним бок о бок Тамара просила не расспрашивать, а вместо себя предложила «лучшего шофёра всей целины» – своего мужа Амирхана. Мгновенно смекнув, в чём дело, Артемий Иванович потому-то без лишних слов и распорядился уволить Тамару переводом на какую-нибудь необременительную шоферскую работу где-нибудь поближе к её дому, а в штат на освободившееся место зачислить Амирхана Азимова. Такой вариант развития

событий был хотя и не из самых приятных для Артемия Ивановича, но всё же лучшим, нежели полное исчезновение Тамары из поля его зрения. Ревнивый Амирхан всегда будет рядом, за рулём персональной машины Богатырёва, и поводов для подпитки его подозрений не будет никаких хотя бы в рабочее время, занимающее практически весь день. А раз Амирхан здесь, то и Тамара – в этом городе, где-то недалеко, и можно будет, хотя бы иногда, видеть её... а если повезёт, то и – о, счастье! – пообщаться. Пусть редко, пусть на коротке, если уж сорвалась совместная работа из-за такого дикого нрава её мужа, но даже мимолётное общение с предметом обожания даст ему, Артемию, крошку счастья, о природе которого он до этого, оказывается, мало что знал по настоящему.

Наиболее точным определением данного состояния Богатырёва было бы,

наверное, классическое «седина в бороду – бес в ребро» или, в более щадящем варианте, просто – «бес попутал». Хотя... если учесть его безупречное прошлое, классика тут, пожалуй, отдыхает...

Как многократно за послевоенное десятилетие писалось в газетных очерках о «настоящем коммунисте» Артемии Ивановиче Богатырёве, жизнь его состоялась и оценена обществом как поучительно-насыщенная, интересная, полезная для народа и даже героическая. За плечами – успешная учёба в университете, славный боевой путь, ряд ответственных

должностей после войны, множество наград за заслуги перед Отечеством, а добропорядочная женитьба ещё до войны увенчалась рождением двоих детей – сына и дочери, теперь уже взрослых, с собственными сложившимися судьбами. После известия о трагической гибели жены под бомбёжкой в первые дни войны, Артемий (он думал, что вместе с женой погибли и дети) перестал быть осторожным, без особой необходимости лез под пули и однажды был тяжело ранен. Вынесла его с поля боя на себе и выходила медсестра Нина... но сама Нина в последующих боях, увы, не убереглась, и вот, теперь она, беспомощный инвалид, у него на руках...

Ну, ладно, судьба, если верить всем его общественно-политическим характеристикам, по большому счёту, если не считать некоторых тягот по женской части, удалась... а были ли он хоть чуть-чуть счастлив? Да и что такое «чуть-чуть»? Счастье – оно или есть, или его нет. Его благородная верность венчанной с ним кровью и так жестоко покалеченной на войне второй жене Нине, которую он не бросил и по сей день, казалась ему сейчас бледной потугой выглядеть лучше, чем он есть. А ведь этот акт верности раньше возвышал его в собственных глазах, и любые попытки даже интереснейших во всех отношениях женщин сблизиться с ним он категорично пресекал: об измене жене и речи быть не могло. Будучи прикованной к постели, она оставалась для него другом номер один.

Прежнее отношение ко всему этому, чем дальше, тем больше выглядело, по его собственной оценке, дешёвым фарсом. Любви на самом деле давно уже нет. Нет волнующей страсти, острого желания встреч... есть только сохранившееся уважение. И ещё – жалость, которая, как ни банально это звучит, никогда не заменит любовь. Любовь, пиком которой по рациональному замыслу земной природы является зарождение новой жизни. А процедура этого зарождения заключается в великом наслаждении от слияния разнополюсных тел, разных начал – мужского и женского. Всё остальное – миф. Ну, какая может быть любовь к немощному, измученному болями телу – этой уставшей от такой жизни, иссохшей умирающей оболочке души? Уважение к личности – да. Благодарность за всё хорошее в прошлом – да. Чувство сыновьего или родительского, супружеского, наконец, долга – да, да, да. А вот... любовь между мужчиной и женщиной как взаимное притяжение для продолжения рода – это нечто иное...

IX

Всё свободное от шоферской работы время Амирхан проводил в

народном театре. Домой возвращался чаще всего поздно вечером или даже за полночь, когда малыши уже давно спали. Спали они и рано утром, когда отец уходил, борясь с желанием перецеловать их личики, ручки и ножки, сдерживае-

мым лишь опасением нарушить сладкий безмятежный младенческий сон. Воскресные дни так же, как и будние вечера, были до предела заполнены бесконечными репетициями или концертными выступлениями. То есть, если рассматривать события объективно, то с детьми молодой родитель, можно сказать, и не общался. С женой же – только по ночам на супружеском ложе...

Тамара, наоборот, посвятила детям весь свой досуг, забывая их, здоровеньких и жизнерадостных, после работы из яслей, и ни на минуту не расслабляясь до следующего утра, когда скрепя сердце передавала их на целый день в руки ясельных нянечек. Иначе говоря – вкладывала в дочурок и

сына свои физические и душевные силы без остатка. На парикмахерские, ателье мод, библиотеки, кино и музеи, вопреки её наивным ожиданиям, не только ни капли сил, но и ни часочка времени уже не оставалось. А так грезилось после вынужденного переезда в город приобщиться к образу жизни современных культурных женщин, стать настоящей дамой, чтобы быть для своего любимого Амира привлекательной всесторонне, а не только в постели, как в последнее время!

Но... грёзы грёзами, а дети есть дети. Ради их здоровья и спокойствия она отказалась бы от отдыха совсем, готовая не только поступиться собственным здоровьем и красотой, но и без колебаний отдать свою жизнь, если это им хоть в чём-то поможет. А умный и любящий Амир это обязательно

поймёт и оценит! И никогда не взглянет на другую женщину, чего когда-то необоснованно опасался добрый совхозный парторг, прощальный разговор с которым почему-то не выходил у неё из головы.

Как ни грустно, а парторг, в конечном итоге, оказался прав: если мужчине постоянно в течение трудового дня приходится общаться со многими женщинами, по роду своей работы и в силу образа жизни более ухоженными, холёными и интеллигентными, чем собственная жена, которую видишь лишь урывками, да и то в затрапезном виде – простеньком домашнем платице, вечно невыспавшуюся и уставшую, у него почти неизбежно возникают какие-то побочные симпатии, соблазны, от которых не всякий способен отмахнуться. А если при этом ты ещё и сам хорош собой и поневоле возбуждаешь интерес к себе со стороны особ другого пола?.. Да если, вдобавок, с кем-то из таких особ, помимо чисто служебных контактов, у тебя есть какое-то общее хобби, совместное любимое занятие? Тогда – всё... пиши, пропал...

Словом, не миновала чаша сия и Амирхана. Возникло у него влечение к весёлой и общительной белокурой Риточке – одной из секретарш его начальника Богатырёва. По вечерам и в выходные дни Риточка вместе с Амирханом с упоением репетировала в народном театре и самодеятельном хоре. У них хорошо получалось пение дуэтом, и художественные руководители всё чаще задействовали их в совместных выступлениях в концертных программах и спектаклях. А позд-

ними вечерами после репетиций или выступлений Амирхан, как истинный джентльмен, провожал Риточку до её дома.

Она жила одна в отдельной квартире, была обеспечена материально, недурна собой и хорошо воспитана. В то же время – довольно начитанна и остроумна, с ней было не скучно. Вдобавок ко всем прочим перелестям, от неё постоянно исходил сногшибательный аромат дорогих духов. Этот аромат своей дурманящей силой затмевал даже, в моменты его ощущения, тот манящий природный запах тела красавицы-жены Тамары, который во все иные, не связанные с Риточкой, моменты жизни был для Амирхана приятнейшим из запахов, существующих в природе.

И через некоторое время произошло то, что просто не могло не произойти. В один из поздних, особо промозглых зимних вечеров Рита, будучи девушкой доброй и, в рамках приличия, гостеприимной, пригласила продрогшего до костей Амирхана к себе погреться за чашкой горячего чая. Потом ещё раз, и ещё... и, в конце концов, однажды Амирхан, впервые за свою с Тамарой супружескую жизнь, если не считать их посменной работы на уборке урожая минувшим летом, не пришёл домой ночевать. Не спавшей всю эту холодную во многих смыслах ночь жене объяснил, что задержался якобы по служебным делам – была, дескать, неотложная загородная поездка с начальством, а позвонить и предупредить не успел...

Такие случаи, похожие один на другой, как их дети-близ-

нецы, со временем стали повторяться систематически: никаких предупреждений об изменении обычного распорядка – работа, репетиция и... внезапное исчезновение. Тамара понимала, что руководитель области, амирханов начальник, в отличие от большинства людей, работает если и не круглосуточно, то, во всяком случае, очень-очень много. Территория области огромна и, чтобы уследить за всем, ему необходимо регулярно бывать на местах. И ничего удивительного, что в сложные поездки, в том числе с ночевой, Богатырёв предпочитает брать лучшего из своих штатных водителей – Амирхана. Понимала и не противилась периодическому, поначалу не слишком частому, но чем дальше, тем всё более регулярному отсутствию мужа. Проверять правдивость объяснений мужа она сочла бы унижительным и для себя, и для него.

Дети, почти не видевшие своего отца, потихоньку подрастали, начали ходить, затем – бегать, почти не болели. Зарплаты Амирхана и Тамары хватало для более-менее благополучного существования семьи, тем более что как причастному к высшим властным структурам обкомовскому работнику, хоть и рядовому, Амирхану были доступны для приобретения некоторые блага специального снабжения, в частности – особо дефицитные продукты и товары, которых на полках обычных магазинов обычные люди и в глаза не видели. Единственное, что ей всё-таки ощутимо, даже, порою, остро не хватало – это его мужской ласки. Усталый Амирхан, поздно возвращаясь домой, и нередко отказываясь ввиду этой жут-

кой усталости от ужина, молча падал в кровать и мгновенно засыпал. Тамара же, прижавшись к нему, крепко спящему, загоняя вглубь себя нерастраченную нежность, долго не смыкала заплаканных глаз, мечтая о тех временах, когда любимый сможет бросить эту беспокойную шоферскую работу и станет профессиональным артистом. Вот тогда-то, когда он будет меньше выматываться вне дома, а сил и времени у него будет достаточно и для жены, они и налюбятся, наконец, всласть!

Как-то в воскресенье Тамара, оставив детей под присмотром приехавших погостить родителей Амирхана, сделав в магазинах и на рынке необходимые покупки, не удержалась и заглянула в здание областного драмтеатра. В большом зале шла генеральная репетиция праздничного концерта к сорокалетнему юбилею Октябрьской революции. Войдя в полутёмное помещение, она увидела на ярко освещённой сцене Амирхана и милovidную, чуть моложе его, блондинку, которые, взявшись у микрофона за руки, исполняли попури из современных советских песен о любви.

Боже, как красиво они пели! У Тамары на глаза навернулись слёзы умиления. С гордостью она представила себе, как во время концерта талантом её мужа будут восхищаться тысячи людей. Может быть, его выступление даже прозвучит по радио.

И в то же время откуда-то исподволь в чувствительное женское сердце прокралась смутная тревога. Тамара не хо-

тела и мысли допускать, что это – обыкновенная бабья ревность. Но неконтролируемая, грозящая перерасти в ненависть неприязнь к незнакомой блондинке, на которую так влюблённо смотрел Амирхан, уже возникла, и справиться с этим незваным чувством было невозможно.

В какой-то момент Тамара ощутила лёгкую тошноту, похожую на испытанную однажды в её жизни. Примерно такое было спустя какое-то время после их с Амирханом свадьбы. Сопоставив это ощущение с тем, что и на этот раз не случилось в срок обычного ежемесячного женского недомогания, смущённо-растерянно подумала: «Неужели опять беременна? Вот Амирка обрадуется-то! Но... обрадуется ли? Может, он давно уже любит другую – эту поющую блондинку? Нет, влюблённость в их глазах – концертная роль, не более того. А Амир принадлежит мне и никому больше!»

Тошнота между тем давала о себе знать, и она, стараясь не привлекать к себе внимания, тихо вышла из зала, чтобы глотнуть на улице свежего воздуха. Да и пора было возвращаться к детям, которые, хотя и под надёжным приглядом бабушки с дедушкой, но наверняка заждались, соскучились по матери.

Амирхану, так и не заметившему её краткого присутствия на репетиции, Тамара пока ничего об этом посещении театра и новых ощущениях и чувствах сообщать не стала, решив, что обрадует его, когда твёрдо убедится в своей беременности и в необоснованности зарождающейся в её сердце рев-

нивой ненависти к блондинке, возможно, ни в чём и не виноватой.

Х

В одну из рабочих поездок Амирхана под началом кого-то из сослуживцев Богатырёва по отдалённым районам области, уже на обратном пути, когда все трое крайне утомились, произошло несчастье. В густом тумане на обледенелой дороге их машина столкнулась лоб в лоб со встречным грузовиком. Дремавший на заднем сиденье пассажир погиб сразу, а Амирхан, со множеством переломов конечностей и тяжёлой черепно-мозговой травмой, был доставлен в областную больницу. К нему долго никого не допускали, так как самочувствие его было нестабильным, и в сознание он приходил редко. Дневашней и ночевашней в больничных коридорах Тамаре её начальство предоставило внеочередной отпуск по семейным обстоятельствам, прекрасно понимая: женщине, поглощённой своею бедой настолько, что её состояние иначе как затянувшимся шоком не назовёшь, за руль лучше пока не садиться.

За детьми и в этот раз присматривали часто гостившие у молодых родители Амирхана. Своих отца и матери у Тамары не было – они давно умерли, и свёкор со свекровью старались заменить их невестке, как могли.

Постепенно Амирхан начал поправляться. Он чаще стал приходить в себя, и даже пытался двигаться. Разговаривать

пока не мог, но глазами показывал, что всё слышит и понимает. Тамару, по такому случаю, врачи уговорили, наконец, не ночевать больше в больнице, а вернуться домой к детям, и навещать теперь мужа как типичного выздоравливающего. Немного успокоившись, та вернулась к обычному распорядку жизни, забегая к мужу ежедневно утром и вечером – по дороге на работу и с неё.

В одно из таких посещений, подходя к палате Амирхана, Тамара услышала через приоткрытую дверь нежный женский голос, показавшийся ей немного знакомым:

– Милый мой, любимый Амирчик! Умоляю тебя, не говори больше так. Ты не умрёшь, и инвалидом не сделаешься. Будешь петь, как и раньше, даже ещё лучше. Станешь знаменитым артистом. А я рожу тебе очаровательную дочку. Вот, потрогай, как она уже в моём животике даёт о себе знать. Чувствуешь, как ножкой толкается? Что, хочешь мальчика? Я согласна, пусть будет мальчик, такой же сильный, красивый и так же хорошо поющий, как его папка. Будем вместе ездить на гастроли, возможно и за границу выберемся. Тебя должен узнать весь мир! Только, пожалуйста, выздоравливай поскорее...

Ноги Тамары будто приросли к полу. Она не могла сдвинуться с места, сделать ни шагу ни вперёд, ни назад. Стоя как оглушённая, она силилась понять, осознать только услышанное. Первой мыслью, однако, было: какое счастье, что Амирхан, как явствует из содержания речи незнакомки, на-

конец-то заговорил – это осязаемый шаг к выздоровлению! Пусть не Тамара первая услышала его голос после трагедии и долго потом длившегося молчания, пусть из его уст прозвучало всего лишь опасение умереть или остаться инвалидом. Но он заговорил, и это главное... и с каждым днём будет разговаривать всё больше, так и до его любимых песен дело дойдёт. Скорее бы уж! А с другой стороны – что же это такое: если верить своим собственным ушам, у этой женщины, и довольно скоро, будет ребёнок от Амирхана? И он, судя по всему, с таким обстоятельством согласен. А это – конец всем надеждам её, Тамары, на выстраданное и казавшееся незыблемым супружеское счастье. Даже если он не бросит семью, а трое детей-первенцев окажутся для него дороже, чем один от этой новой женщины, и перетянут отца обратно к себе, всё равно предательство уже совершено. Такую душевную рану, подобно треснувшему стеклу, не склеишь уже никаким клеем. И чем сильнее она сейчас чувствовала, насколько крепка и нежна её любовь к единственному в жизни мужчине, тем больнее было ей переваривать в себе быстро растущее ощущение катастрофы. К тому же, плохо, что Амирхан не знает о предстоящем рождении ещё одного ребёнка. Сообщать ему об этом сразу по обнаружении признаков беременности она, по простодушной глупости, посчитала преждевременным, теперь же, наверное, поздно – соперница и в этом оказалась проворнее. А может, всё-таки, сообщить? И побороться за свою любовь? Да только нужно ли

это Амиру? Он же явно хочет сына от другой...

Дверь палаты приоткрылась шире, и в проёме появилась та самая певица, которую Тамара видела репетировавшей с Амирханом в театре в то злополучное воскресенье. Проходя по коридору мимо остолбеневшей Тамары, блондинка вдруг, словно наткнувшись на невидимую стену, остановилась с испуганными глазами. Лицо её густо покраснело, затем – сильно побледнело: очень уж безжалостно испепеляющим и одновременно трагически беспомощным был обращённый к ней – глаза в глаза – взгляд стоявшей как вкопанной красивой смуглой женщины, по всей видимости – жены Амирхана. Взгляд этот не поддавался однозначному описанию – слишком большая гамма чувств промелькнула в нём. И сила его была убийственна. Рите сделалось дурно. Пошатываясь, она медленно двинулась к выходу. А Тамара, опустошённая душой и обессиленная телом, кое-как дошла до ближайшего диванчика, присела и лишилась чувств.

Придя в себя с помощью вовремя оказавшихся рядом дежурного врача и медсестры, она в состоянии полной прострации побрела домой, мало что видя и слыша вокруг себя. Пройдя некоторое расстояние, посмотрела на свои так и не освободившиеся от сумок с передачей для мужа руки, остановилась:

– Да что же это я, а бульон для Амирки, фрукты?.. Ему же необходимо домашненькое, витамины...

Повернула назад, но ноги не слушались, отказывались

нести её туда, где только что побывала вместо неё другая... так и топталась посреди дороги в раздумье, периодически поворачиваясь то в одну, то в обратную сторону.

Резкий скрип тормозов совсем рядом заставил всё же отреагировать на окружающую действительность. Вернувшись, насколько позволяло её состояние, в реальность, Тамара увидела большую чёрную легковую машину, из которой поспешно вышел и устремился к ней с озабоченным лицом Артемий Иванович Богатырёв.

– Тamarочка, что с вами? Вам плохо? Ах, да... – он осторожно взял сжимаемые ею в руках сумки с непередаваемыми гостинцами для Амирхана. – Это, как я понимаю, судя по кастрюльке с горячим – нашему выздоравливающему?

Тамара вяло качнула головой:

– Передать забыла...

– Вы уже побывали у него? Вас что, не допустили к нему? Что-то не так? Голубушка, да вас лица нет! То-то я смотрю, идёте прямо посреди дороги то туда, то обратно, а руки полны... – пытался заглянуть ей в глаза Артемий Иванович. Не оборачиваясь, приказал водителю:

– Бегом в больницу! Занесёшь в пятую палату Азимову. На, вот, ещё от меня этот свёрток передай.

Бережно усадив Тамару на заднее сиденье, а сам, расположившись на дополнительном откидном месте, Богатырёв нервно, и в то же время очень нежно сжимал её руки в своих и соображал, как ей лучше помочь. Решившись, пересел к

ней, подтянул ногой стоявший на полу портфель, достал из него бутылку дорогого коньяка и походный складной стакан, налил половину. Приобняв за плечо пребывающую в абсолютной отрешённости

женщину, поднёс стакан к её губам:

– Дорогая моя, если не хотите осиротить из-за какого-нибудь сердечного приступа таких прелестных детей, как ваши, выпейте-ка!

– А они с сегодняшнего дня и так уже наполовину сироты, – мёртвым голосом произнесла Тамара.

– Как?! Разве с Амирханом что-нибудь случилось? Мне докладывали, что ему, наоборот, сегодня особенно заметно полегчало.

– Но я-то ведь не секретарь обкома, а всего-навсего жена, которую не обязательно так оперативно оповещать... а вот любовницу его известили, как и вас, своевременно.

– Ах, вот вы о чём... понимаю. И именно поэтому вам сейчас так плохо... значит, тем более, надо выпить от греха подальше. Пейте, пейте! – Богатырёв всё же заставил Тамару выпить до дна коньяк. – И тем не менее, лучше, наверное, радоваться, чем горевать: Амирхан не погиб, а теперь и вовсе пошёл на поправку, уверенно и необратимо. А любовница... что ж, если даже ваши опасения имеют под собой какую-то почву, с кем не бывает по молодости да по глупости... всё образуется.

– Не образуется! – с Тамарой, в организм которой, пе-

реживающий тяжёлый психологический стресс, влили сейчас неудобоваримую, пусть даже это элитарный коньяк, дозу спиртного, начиналась истерика. Эта истерика, как констатировали бы медики, была уже некоторым облегчением общего состояния с чуть было не случившимся сердечным приступом... но – тоже не из лучших вариантов развития событий. Поэтому Богатырёв заставлял и заставлял Тамару вбирать в себя глоток за глотком живительную влагу – настоящий армянский коньяк, хорошо расширяющий сосуды, и вообще, способствующий улучшению самочувствия человека.

Тамаре и впрямь полегчало. Её перестал колотить озноб, по телу разлилось приятное тепло. В машине было мягко и уютно. Захотелось ехать, и ехать бесконечно, неизвестно куда и зачем – лишь бы подальше... забыться от всего происходящего... Ой, а дети? Так они же под надёжной опекой стариков – родителей Амирхана. А сам Амирхан? И он тоже под присмотром, не волнуйся, милая жёнушка... блондинки умеют ласково и нежно ухаживать, может, поэтому на них так и западают наши черноволосые мужчины. А что такое – мужчина? Защитник, кормилец? Нет, защитить и прокормить мы себя сможем, в случае чего, и сами. Мужчина – прежде всего самец. Кобель, охотно ласкающий, когда ему хорошо, ту, что ближе, ту, что рядом. А когда ему становится плохо, он частенько пытается вернуться обратно к той, которую бросил когда-то, которую предал, но которая, как дура, всё ещё любит этого подлеца и, конечно же, простит.

И Амирка оказался таким же, как все обычные кобели...

Стоп, стоп, стоп!.. Амирка никогда не был таким как все. На первом этапе, конечно, когда у него всё в целом складывалось, он уподобился заурядным мужичонкам и похулиганил в отношении супружеской верности. Но теперь-то, когда ему плохо... любовница его не бросила, да и он не отказывается продолжить отношения с ней. Ребёнка ждут. И о возвращении в семью в том сегодняшнем разговоре с блондинкой Амир даже не заикнулся. Нет, здесь всё не так, и стереотипы отпадают.

Её опять начал мучить озноб, и она уже безо всякого сопротивления выпила поднесённый в очередной раз к её губам коньяк. Попросила ещё. Артемий налил, и она опять выпила всю порцию до дна крупными глотками, закусила из рук Богатырёва шоколадом. В голове зашумело, но быстро стихло. Тамара смутно помнила, как машина раза два-три ненадолго останавливалась, водитель и Богатырёв куда-то поочередно отлучались. Когда Богатырёв властным голосом командовал «Домой!» она попыталась сообразить, куда же домой-то, ведь не было названо адреса. Хотя, впрочем, водители служебных автомашин всегда и без слов знают, куда ехать. Да и... не всё ли теперь равно, куда домой? Главное, с детьми всё в порядке. А она так хочет спать! И какой вкусный, – ты погляди-ка! – этот приятно обжигающий нутро коньячок, хоть и непривычный как напиток вообще, да в таких «лошадиных» дозах в частности. Как облегчает страдания! А

шоколад в качестве закуски – ещё вкуснее. Ну, почему этот несносный Богатырёв вдруг перестал поить и кормить её из рук? Ой, нет, не перестал! Опять даёт...

За этими полубредовыми мыслями под грузом выпитого, Тамара из полузабытья незаметно переместилась в сон. И приснилось ей, что её, совсем как когда-то в детстве, ласково обняв, кормит из ложечки почему-то шоколадом и поит из пиалы почему-то коньяком родная мать. Затем берёт её нежно на руки и, целуя в щёки, глаза, лоб, несёт в постель. Уложив, осторожно раздевает донага. Раздев, на прощанье крепко, почему-то при этом возбuditельно поигрывая языком, целует в губы. Очень похоже её раньше целовал Амирка. Она почувствовала, что и в самом деле начинает возбуждаться. Страстный поцелуй с матерью, вдруг превратившейся в Амирхана, хотелось продолжать до бесконечности. Редко ласкаемое в последнее время мужем, изнывающее от переизбытка нерастраченной нежной энергии, созданное для любви совершенное тело Тамары устремилось навстречу сладостной силе, исходящей от любящего её, оказывается, по-прежнему Амирки. Только почему не ощущаются его усы, которые всегда приятно щекотали её лицо при поцелуях, куда они подевались? Кто их ему сбрить успел? Да и, весь он какой-то непонятно громоздкий и тяжеленный? Запах не тот... ничего, разберёмся, лишь бы блаженство, овладевшее в настоящий момент телом, подольше не кончалось.

Забывшись несколько раз подряд в приливе высочайшего наслаждения, Тамара провалилась в долгое небытие, не осознавая, где она, кто такая и жива ли вообще. Пробуждение было необычно и непривычно поздним. Кое-как придя в себя, обессиленная всеми членами и с туманом в голове, она с удивлением, переходящим в лёгкий испуг, обнаружила, что лежит в незнакомой широкой кровати в солидно обставленной комнате с большими окнами, занавешенными тяжёлыми шторами.

Что это за апартаменты, как я сюда попала? – забеспокоилось возвращающееся к критическому осмыслению действительности сознание. – Попробуем-ка по порядку: больница... чужая женщина в палате Амирхана... Богатырёв с машиной, коньяк с шоколадом... и всё, провал... а в том провале – прекрасный сон о любви с Амиркой, который был какой-то не такой... А сон ли это был? И с Амиркой ли в самом деле её уставшее от недостатка плотской любви тело так расслабилось? Боже, стыд-то какой! Какой позор...

Её затошнило. Кое-как справившись с подкатившим к горлу судорожным спазмом, включила ночник на прикроватной тумбочке, увидела рядом невысокий стол, уставленный бутылками коньяка, шампанского и других дорогих напитков, вазами с конфетами и фруктами. На видном месте на столе лежала записка: «Любимая! Прости, что так спонтанно всё получилось, да в такой трудный для тебя момент, хотя этот же момент и послужил толчком к такому сценарию. Но

я тебя уже давно люблю и ценю больше своей жизни. Детей твоих полюблю, уверен, так же, и готов усыновить их. Для них, как и для тебя, я сделаю всё, что в моих силах. Мне, к сожалению, пора на работу, поэтому оставляю тебя в своей, а в недалёком будущем, надеюсь, нашей квартире за хозяйку. Будь как дома. Хотя... ты и так дома, правда? За детей не волнуйся, я обо всём позаботился, дал машину – они уже в яслях. Вечером заберём таким же образом. Скоро переведём их из яслей в младшую группу в садик. Ну, в общем, отдыхай спокойно. Но, единственная просьба: не заглядывай в комнату за дверью, обитой мягкой кожей. Ради нашего же с тобой счастья. Днём туда придёт женщина-медработник, она знает, что делать. Потом я тебе всё объясню, и всё утрясём наилучшим образом. Да, дорогая моя Тamarочка, я впервые в жизни сдрейфил и, как последний трус, буду сидеть в своем кабинете на работе до тех пор, пока не услышу по телефону твой приговор – станем ли мы мужем и женой, или... минувшая ночь останется в моей памяти как единственная по-настоящему счастливая за всю прожитую жизнь. Жду с замиранием сердца твоего звонка по номеру, указанному ниже. Целую крепко, твой навсегда Артемий».

Тошнота мало-помалу отступила, уступая место растерянной озадаченности. Наряду с чувством гадливости к себе продолжая ощущать в расслабленном теле предательскую истому после бурной, хоть и бессознательной ночи, Тамара пыталась сосредоточиться. Ну, почему мир так устроен? Она

хочет любви, умеет любить и любит преданно, верно, самоотверженно. А её любимый и, что не каждый день случается на свете – взаимно любящий Амирка взял, да и отдал свою страсть на сторону. Где логика, где справедливость? Дальше – больше. Даже в беспомощном состоянии, еле выжив в страшной аварии, он продолжает шашни со своей новой пассией...

Ну, хорошо, выздоровеет он. А захочет ли вернуться к законной пока жене и своим троим, а возможно, скоро уже и к четверым детям? Или всё же предпочтёт остаться с той, другой?

Поехали, как говорят коллеги-шофера, дальше. Её, Тамару, любит достойный человек, к которому она, в свою очередь, равнодушна как к мужчине. Конечно, ради благополучия детей и из уважения, а даже и из жалости (хотя в жалости личность такого масштаба вряд ли нуждается) можно выйти за этого достойного мужчину. Но ведь сердце её будет всегда принадлежать Амирке! Получается, она готова обманывать хорошего человека, вернее – двоих сразу. Ну, а то, что произошло минувшей ночью, разве – не свершившийся уже обман? Она вроде бы безвольно отдавалась постороннему мужчине, представляя на его месте своего мужа. В любом случае, как ни суди, а – грех это великий. В старые времена за малейшее подобное, пусть и не всегда по своей вине совершённое, женщин на её родине забрасывали камнями до смерти.

Но, опять же, как ни рассуждай, а удовольствие-то она этой грешной ночью получила? Получила, да ещё какое!.. Организм, после немалого перерыва в интимной жизни, наконец-то как-то удовлетворён и, чувствуется, не очень протестует, если происшедшее повторится. Стоит только закрыть глаза и представить, что с тобой прежний Амирхан, и всё в полном порядке! Вот и выход для тела, неистово требующего любви, особенно после случившегося, опять же, не по её вине перерыва... а что касается души... от лишних тяжёлых мыслей поможет избавиться вот это... Тамара налила в фужер побольше армянского коньяка, и залпом выпила.

XI

Артемий Иванович Богатырёв был ещё далеко не старым человеком и, как уже говорилось, – личностью сильной. «Крепок телом и духом» – это как раз о нём. Его энергии, работоспособности и оптимизму могли бы позавидовать многие молодые, годившиеся ему в сыновья. А теперь он и вовсе расцвёл, переживая свою новую молодость – страстную всепоглощающую любовь, которая, наконец-то, сумела вызвать в предмете обожания что-то похожее на взаимность. Но какой ни была сила любви Артемия, он никогда не позволил бы себе ради собственного удовольствия разрушить счастье другого. Да и может ли быть вообще счастливым человек, в корыстных целях обездоливший себе подобного, укравший у него что-то жизненно важное? Нет, Артемий Богатырёв –

не вор. Он видел, как Тамара буквально боготворит своего Амирку, страдал от этого, но терпеливо держал свои чувства при себе.

В то же время он давно заметил увлечённость Амирхана белокурой прелестницей Риточкой, но и в эти взаимоотношения не считал себя вправе вмешиваться. Хотя, как руководитель и коммунист, даже обязан был одёрнуть семейного человека, вступившего на путь нравственного отклонения. Но... не мог. Почему, сам пока не разобрался до конца. Но, как бы ни было, а Артемий Иванович твёрдо исповедовал принцип: прежде чем копаться в поведении других, разберись с самим собой. Вот и весь сказ.

Может быть, именно поэтому не стал Артемий Иванович излишне реагировать на поведение в тот день своего секретаря, которую следовало хотя бы пожурить за допущенную бестактность, нарушение как минимум служебной этики: приняв утром телефонное сообщение из облбольницы о том, что самочувствие водителя Азимова улучшилось настолько, что он способен теперь общаться с близкими, Рита вместо того, чтобы доложить об этом в первую очередь ему, Богатырёву, а затем оповестить жену Азимова Тамару, сразу же, как последняя эгоистка, помчалась в больницу сама. Но подлежит ли осуждению эгоизм влюблённой женщины, редко бывающей такой сильной личностью, как, например, он сам, Богатырёв. Ведь женщина, даже если она такая незаурядная, как, скажем, великие царицы прошлого египетская Клеопат-

ра, грузинская Тамара или русская Екатерина, сердцем думает куда чаще, чем головой. Что же в таком случае говорить о простой современной секретарше – милой девушке, почти ребёнке? До этого, впрочем, ни в чём себя не скомпрометировавшей и, несмотря на молодость и относительно небольшой опыт работы, одной из лучших сотрудниц канцелярии Богатырёва. К некоторому оправданию допущенной Ритою на этот раз безответственности можно отнести и её осведомлённость о том, что Богатырёв и без докладов секретарей всегда знал всё, что ему было нужно.

Проезжая в тот день в густых сумерках по городу и заметив Тамару, топчущуюся туда-сюда с отрешённым лицом прямо посреди проезжей части улицы, Артемий Иванович мгновенно забыл обо всём на свете. Он видел, что у любимой женщины что-то стряслось, она нуждается в помощи, и всё остальное для него уже не существовало. Усадив Тамару в машину, постарался привести её в чувство первым же оказавшимся под рукой средством – коньяком. Догадавшись по нескольким отрывочным фразам о причинах потрясения, Артемий Иванович категорически решил не оставлять её сейчас один на один со своей бедой. Остановившись накоротке у больницы, чтобы водитель доставил Амирхану не переданные ему Тамарой гостинцы, сделав по пути некоторые неотложные распоряжения, в том числе и об отмене вечернего совещания, он поспешил отвезти Тамару к себе домой.

В его руках сейчас находилось сокровище, которое было для него дороже всего на свете – прошлого, будущего, репутации, материального и служебного благополучия, всех прочих банальных ценностей, не идущих ни в какое сравнение с нахлынувшим с новой силой чувством, вызревавшем в его сердце медленно, мучительно и неотвратимо. И это сокровище он не мог выпустить из рук, пока не убедится, что сделал для него всё, что требовалось в настоящий момент. А требовалось, чтобы сокровищу стало хоть чуточку легче. Но, – поймал себя на мысли Артемий Иванович, – чего перед самим собой-то лукавить? Он не только *не мог*, но и всем своим естеством *не хотел* выпускать это сокровище из рук. Прости, верная умирающая подруга жизни Нина, но в нашем доме сегодня появится ещё одна женщина. И ничего с этим поделать невозможно.

Артемий на руках внёс обессиленную Тамару прямиком в свою спальню, уложил на кровать. Не удержавшись, поцеловал её неподвижное лицо. И с помутившимся от страсти сознанием, дрожащими руками принялся торопливо освобождать так и не шевельнувшуюся женщину от лишней одежды, которая помешала бы ей нормально отдохнуть. Сняв шубку и сапоги, он уже слабо владел собой, и сумел остановиться, только когда красавица осталась совсем без ничего. Ещё раз прости, страдающая в соседней комнате недвижимая жена! Я только разочек поцелую эти желанные губы...

О чудо! Тамара ответила на поцелуй! И тут же подалась

всем телом навстречу...

ХП

Спустя несколько недель, когда на дворе уже буйствовала, вступая в свои права, день ото дня набирающая силу солнечная казахстанская весна, Тамара, в смятении чувств, всё же решилась переступить порог палаты Амирхана. И опять... лицом к лицу столкнулась всё с той же светловолосой певицей, живот которой к этому времени заметно округлился. Когда блондинка тактично вышла в коридор, Тамара, с болью в сердце, робко заговорила с демонстративно отвернувшимся от неё к стене мужем:

– Ну, как ты, Амирка?

Амирхан молчал.

– Что же ты молчишь, любимый, скажи хоть что-нибудь!

– Любимый у тебя теперь другой – этот кабинетный шакал! Пусть он и

говорит с тобой. Он это умеет, на трибунах хорошо натренировался.

– Амирка...

– Зачем пришла? Я тебя звал?

– Прости, дорогой мой, единственный! Так получилось... хотя... я чувствую – не простишь. И знаю, что ты прав. Я просто очень хотела видеть тебя, убедиться своими глазами, что ты, слава Аллаху, выздоравливаешь, что у тебя всё в порядке.

– Да, у меня всё в порядке. Только к Рите не лезь, пожалуйста, с разговорами. Она ни в чём не виновата.

– Ты любишь её?

– Не твоё дело! Она... собирается родить мне сына.

– А Валеджанка? Разве он – плохой сыночек? А Гулька с Динкой? Так на тебя похожи обе! И петь уже начинают так славно. Прямо маленькие Тамары Ханум⁸! – про зародившуюся в её чреве ещё до этой проклятой автокатастрофы новую жизнь она в данной ситуации сообщить мужу так и не осмелилась: всё равно в отцовстве тот заподозрит Богатырёва.

Амирхан, внешне никак не отреагировав на упоминание о детях, опять замолчал.

Тамара почти физически ощущала, как почва уходит у неё из-под ног. Неужели счастье утеряно безвозвратно?.. Из последних сил она пыталась сохранить присутствие духа:

– Что же теперь делать? Что мы с тобой натворили, Амирка...

Амирхан рывком приподнялся и, застонав, опустил обратно на подушку. С минуту передохнув, сел по-азиатски, не свешивая ног с кровати. Глаза его горели ненавистью. Это был уже чужой, злой и язвительный, не сдерживающий себя мужчина. Кривившимися от ярости губами он медленно произнёс, почти прошипел:

⁸ Тамара Ханум (наст. имя Тамара Артёмовна Петросян, 1906-1991 гг.) – советская узбекская певица, танцовщица, хореограф народного танца. С 1936 г. Солистка Узбекской филармонии (Ташкент). Народная артистка Узбекской ССР (1932 г.), Народная артистка СССР (1956 г.)

– Надеюсь, ты понимаешь, что теперь мы не сможем жить рядом. Или я

убью кого-то из вас, а лучше обоих сразу, или ещё что-нибудь случится. Уходи, не хочу тебя видеть. Ублажай своего нового повелителя! Шлюха начальницкая...

Амирхан снова отвернулся, давая понять, что разговор закончен. Тамара с полными слёз глазами, ватными ногами вышла из палаты, куда тут же торопливо зашла беременная блондинка – её удачливая соперница.

У ворот больницы, как и в прошлый её безрадостный визит к идущему на поправку мужу, словно по волшебству, возникла служебная машина Богатырёва. Тамара, не раздумывая, шагнула к любезно распахнутой перед ней дверце. Ей было отныне всё равно – назад дороги она уже не видела... Что же касается созревающего под её сердцем будущего четвертого ребёнка, то рожать его теперь она не видела никакого смысла.

XIII

Оформив развод с выписавшимся вскоре из больницы Амирханом, Тамара по настоянию Богатырёва уволилась с работы и полностью посвятила себя детям. Благо теперь, по общепринятым меркам, она не нуждалась ни в чём. К её услугам были лучшие парикмахеры и портные областного центра, музеи, библиотеки и театры – всё, о чём она так мечтала раньше. Но воспринималось это ею вовсе не как пода-

рок судьбы, а как дьявольская плата за грех, за измену любимому. Постоянно жить в доме Богатырёва она отказалась ещё тогда, когда впервые переночевала там, да и не смогла бы, пока рядом находилась страдающая женщина – беспомощная жена Артемия Ивановича. Но и в своей квартире жизнь для Тамары изменилась коренным образом. Большую, наиболее обременительную, часть домашней работы делала теперь прислуга, которую в советской стране, где официально отсутствовала эксплуатация человека человеком, дипломатично называли домработницами. Детей в садик и обратно возили на машине. В выходные дни она в компании с Артемием Ивановичем обедала или ужинала в лучших ресторанах города, и не в их общих залах, а в отдельных кабинетах. Тамара стала выглядеть ещё лучше, приобрела вдобавок к своей природной красоте некую «интеллигентскую» изящность манер и превратилась если не в самую элегантную, то, безусловно, одну из наиболее ярких светских дам города.

Вскоре жена Богатырёва Нина, видимо, жалея мучившегося с нею Артемия, и не желая мешать его новому счастью, безропотно распрощалась с этой жизнью. Через сорок дней после её кончины Артемий Иванович перевёз Тамару с детьми к себе, и ничто теперь не мешало им строить счастливую, насколько получится, семейную жизнь. Ничто... если бы не произошло то, чего не без оснований опасался в своё время Артемий. До верховных властей страны достучались-таки подмётные сообщения о «недопустимом мораль-

ном разложении кое-кого из высшего руководства героической целинной области». В частности, что «первый секретарь, например, погряз в разврате прямо на глазах больной, нуждающейся в особом внимании жены-фронтовички, что и явилось причиной её безвременной кончины». Начались негласные служебные расследования и вытекающие отсюда неприятности.

Тем временем Амирхан Азимов благополучно сочетался законным браком с Ритой, которая, как и обещала, родила ему дочку – чудесную кудрявенькую девчушку, похожую, как и обе предыдущие (от Тамары) дочки, на него самого как две капли воды. Амирхан, с традиционной самоуверенностью джигита ждавший мальчика, нисколько однако не обиделся на молодую жену и был вполне доволен, тем более что обман в отцовстве тут был исключён – на дочурку он смотрел, как в зеркало.

Единственное, что в какой-то степени омрачало жизнь Амирхана после его новой женитьбы – это необходимость сосуществовать в одном городе с ненавистным Богатырёвым, так уязвившим его мужское достоинство кражей первой (а могло стать, что и единственной на всю жизнь) законной жены. Да и, время от времени случавшиеся незапланированные встречи с этой украденной любовью – Тамарой, заставляли с новой недоброй силой закипать кровь в его жилах. Хотя Амирхан с Ритой и уволились из административного аппарата Богатырёва, став штатными единица-

ми областной филармонии, но в ходе праздничных концертов они неизменно видели его и Тамару в первых рядах зала, что неизменно портило настроение.

Неожиданно для сторающего от жажды мести Амирхана, избавление от постоянного по этой причине нервного сверхнапряжения всё же пришло. Интриги закулисных недоброжелателей Богатырёва сделали своё дело: он был отстранён от работы и с выговором по партийной линии «за нескромное поведение в быту и негуманное отношение к жене-фронтовику» был направлен с понижением в должности в соседнюю область. Тамара не могла оставить этого ставшего близким ей человека в трудный для него час, и вместе с детьми последовала за ним.

Х

Прошли годы.

Сменилась власть в стране. Закончился опальный период служебной биографии Артемия Ивановича Богатырёва, и он был восстановлен в должности первого секретаря того же обкома партии, откуда и был в своё время изгнан.

Не успев обжиться в квартире, куда они вселились перед самыми октябрьскими праздниками, Артемий и Тамара, по долгу службы и по протоколу, ну и, конечно же, отчасти и из ностальгических чувств, спешили поприсутствовать по возможности на всех официально-торжественных мероприятиях города.

И вот они – в зале областной филармонии. Начался праздничный концерт. Сначала было выступление народного хора, читались стихи на революционные темы, солисты исполняли патриотические песни. Звучали и произведения мировой музыкальной классики. Затем настал черёд более лёгких жанров. Когда конференсье объявил, что выступают заслуженные артисты республики Маргарита и Амирхан Азимовы, сидящие на своих «штатных» местах в первом ряду супруги Богатырёвы переглянулись.

– Неужели наши? Уже заслуженные? Молодцы! – одобрительно

улыбнулся Артемий Иванович.

Тамара напряжённо молчала. Ей нестерпимо захотелось уйти. Но, чтобы не обижать и не подводить мужа, она решила остаться и постараться дотерпеть этот кошмар до конца.

Под аплодисменты на сцене появились слегка располневшая холёная, уверенная в себе беловолосая дама, лишь цветом причёски и чертами лица напоминавшая ту весёлую и непосредственную секретаршу Риточку, что вскружила голову не одному парню, и по вине которой треснула по швам счастливая до этого семейная жизнь Тамары, и всё такой же высокий, стройный, немного грустный Амирхан. Вышли они из-за кулис с разных сторон навстречу друг другу. Это был их излюбленный номер – попурри из современных песен о любви. Пели на этот раз одновременно и разное, но удивительным образом не мешали один другому. Их голоса пере-

плетались, сливались, гармонируя и растворяясь в лирическо-праздничном настрое притихшего зала.

Блондинка с затуманенным взором, в манере популярной русской певицы, имени которой Тамара не помнила, томно обращалась к Амирхану:

– Где ты, где ты, где ты

друг хороший мой?

Буду до рассвета я

Встречи ждать с тобой!

Амирхан, влюблённо глядя на блондинку, очень похоже копировал голос любимого узбекского певца Тамары Батыра Закирова⁹:

– Где-е ты-ы?..

Где к тебе мосты?

Тишина... мечты, мечты.

Разве голос любви не слышишь ты?

Это было выше сил Тамары. Не сдерживая слёз, она выбежала из зала.

Растерянный Богатырёв спешно последовал за ней. Недоумевающие члены свиты первого секретаря обкома, дав сигнал тоже немного растерявшимся артистам продолжать выступление, разделились на две группы – одна, более многочисленная, осталась на местах, дабы не смущать обеспокоен-

⁹ *Батыр Каримович Закиров (узб. Ботир Зокиров, 1936-1965 гг.)* – узбекский советский певец, писатель, поэт, художник и актёр. Родоначальник эстрадного искусства в республике. Народный артист Узб. ССР (1965 г.)

но зашевелившуюся публику, другая, поменьше – тихо вышла в холл, где Богатырёв, уже отправивший Тамару на машине домой, нервно курил, расхаживая взад-вперёд.

– Всё в порядке, товарищи! – поспешил успокоить взволнованных помощников Артемий Иванович. – Жене стало немного душно, пришлось проводить её. Пройдёмте в зал!

По окончании концерта первый секретарь обкома поздравлял наиболее украсивших концерт артистов с успешным праздничным выступлением. Приподнеся букет цветов певице Маргарите Азимовой и транзисторный радиоприёмник в подарок её мужу Амирхану, обнимать и целовать поздравляемых он на этот раз поостерёгся – жизнь кое-чему научила. Ограничился добродушной шуткой:

– Семья – ячейка общества! Больше удачных семей – богаче и крепче, счастливее общество. А где главами семьи такие мужчины, как Амирхан Азимов, там вообще рождается только прекрасное – красивые и талантливые дети, например. А хорошие дети – это всегда победа! Правда, Амирхан?

– Чистая правда, уважаемый Артемий Иванович! Вы угадали в самую точку. Победа – это по-нашему...

– Ну, вот и прекрасно! Как поживаете-то? Дочка, поди, давно школьница? И не одна уже, наверное?

– Всё отлично. Вслед за дочкой и сын не заставил себя ждать! Джигит! Новую машину на днях купили. Хотите, покажу?

– Не «Победа», случаем? Если уж выбрали девизом для

жизни это понятие...

– Вот с машиной, тут – немного по-другому. В этом плане «Победа», на взгляд уважающего себя автомобилиста, это вам известно не хуже чем мне – вчерашний день. Отечественная индустрия уже выпускает модели куда более современные... – у Амирхана, еле сдерживавшегося, чтобы не вцепиться в горло своему давнему обидчику, ненависть к которому за годы его отсутствия немного притупилась-подзабылась, а теперь, при встрече, вспыхнула с новой силой, в голове мгновенно созрел дьявольский план. Сейчас или никогда! Ведь теперь, после возвращения Богатырёва и Тамары в этот город, он, Амирхан, будет опять постоянно чувствовать унижение от измены своей бывшей, но до сих пор (куда деваться?..) любимой жены с этим самоуверенным в своей вседозволенности большим «шишкой». А настоящий мужчина не имеет права оставаться униженным. Ни перед кем – будь это хоть министр. Лучше – смерть... если ты, конечно, слабее своего врага. В данном случае враг сильный, да настолько, что лучшей победой будет умереть вместе с ним. Как хорошо этот большой начальник только что умозаключил: «Где Амирхан – там победа»! И скоро он наглядно убедится, насколько был близок к истине!

– Что ж, с удовольствием как-нибудь поглядим, Азимов, на твой чудо-автомобиль, который хлеще аж самой «Победы», порадуемся за товарища, – благодушно пообещал Богатырёв, собираясь уходить.

– А почему как-нибудь, зачем откладывать на завтра то, чем можно насладиться сегодня? – усмехнулся в усы с за- таённым недобрým огоньком в глазах Амирхан. – Машина здесь, стоит прямо у крыльца филармонии, Пожалуйста, уважьте! Потом своим детям и внукам буду рассказывать про историческую праздничную встречу с первым секретарём у своей машины.

– Хорошо, показывай!

– Извольте!

У парадного крыльца действительно красовалась мечта любого советского человека, способного водить машину – что любителя, что профессионала: сверкающая новенькая «Волга» с никелированным, устремлённым вперёд и вверх оленем на передней части капота.

– Красота-а!.. Молодец, Азимов!

– А может быть... вы уж простите, уважаемый Артемий Иванович, за такую смелость – окажете нашей семье маленькое удовольствие, позволите своему бывшему водителю потряхнуть стариной и прокатить вас до дома или по улицам и обратно до этого крыльца? Я ведь никогда раньше не подводил, возил вас неплохо, а?

Артемий Иванович, для которого глупо было бы упустить так неожиданно и кстати представившуюся возможность весьма желательного полного примирения с бывшим мужем-ревнивцем Тамары, оглянулся к сопровождавшим его партийным чиновникам:

– Ну что, товарищи, тряхнуть, как предлагает Азимов, стариной? Это – лучший из моих водителей в прошлое моё руководство областью. Очень уж ему хочется свою новую машину в деле показать. Да и, честно говоря, по домам уже пора. Не знаю, у кого как, но чувствую – лично меня моя жена заждалась.

При словах «меня моя жена заждалась» Амирхан напряг всю силу воли, чтобы продолжать, как ни в чём не бывало, улыбаться и не задушить Богатырёва тут же, на месте.

– Ладно уж, Артемий Иванович, поезжайте со своим лучшим водителем. Может быть, он вам ещё и споёт по дороге, как лучший теперь артист нашей области, – напутствовали своего руководителя его подчинённые-обкомовцы.

Амирхан сел за руль, Богатырёв – рядом, и «Волга» почти бесшумно рванула с места. Выбежавшая в этот момент на крыльцо Рита Азимова готова была кричать от отчаяния – не успела остановить мужа. Чувало её сердце неладное, но не посмела она вмешаться в мужской разговор (Амирхан этого не любил) там, в холле. А когда те вышли на воздух и вскоре послышался шелест шин отъезжавшей машины, пересилила себя, выскочила, но... поздно.

С растущим предчувствием непоправимой беды, близкая к панике, Рита всё же преодолела стену отчуждения, которая все годы их малоприятного знакомства стояла между ней и Тamarой, позвонила ей и рассказала об увиденном и услышанном за последнюю четверть часа.

У Тамары всё внутри словно оборвалось. Этот осенний праздник Октябрьской революции упорно и регулярно приносит ей одни неприятности, сталкивая между собой судьбы главных мужчин её жизни. И сегодня, как по писаному, тоже назревает что-то нехорошее. Ведь Амирхан всегда был такой горячий... и до сих пор, видно, любит её, Тамару, хотя и гордо старается показать обратное. Ох, Амирка, Амирка!

Выехав на прямую широкую улицу, Амирхан с отчаянным наслаждением, граничащим с экстазом, продемонстрировал своему высокопоставленному пассажиру виртуозное мастерство езды, несколько не утраченное им после смены шоферской профессии на артистическую. Мощностъ двигателя и плавностъ хода прекрасной машины в сочетании с её изящными и в то же время строгими внешними очертаниями, удобством в управлении и комфортабельностъю салона, безусловно способствовали повышению самооценки того, кто хоть на минуту оказывался за рулём такого шедевра технического прогресса. Наслаждение Амирхана от управления этим шедевром удесят�ерялось сладким чувством предстоящей мести, вождеденный миг которой полностью зависит от его, и только его прихоти. Минутой раньше, минутой позже, когда захочу, тогда и уничтожу своего врага вместе с собою. Этот мнимый хозяин жизни считает себя всемогущим, а на самом деле всемогущий теперь не кто иной, как бывший простой шофёр Амирхан, достоинство которого раньше можно было безнаказанно топтать, унижать, замани-

вая обманом в город и совращая его жену. В настоящий же момент хозяин положения, и это свершившийся факт, – он, простой шофёр!

Наконец Амирхан увидел впереди объект, да не в единственном числе, а с запасом, который может хорошо помочь в реализации задуманного: навстречу двигалась колонна огромных бензовозов, которые, как того требуют правила, работают на перевозке нефтепродуктов исключительно в тёмное время суток, когда движение на дорогах затихает и значительно снижается риск возникновения пожароопасных ситуаций. Снижается, но, увы, – не исключается, особенно если столкновения с «бомбой на колёсах» кто-то ищет специально...

Стояла или не стояла перед глазами Азимова в то мгновение причина предстоящей трагедии – его первая жена Тамара, попрощался ли он мысленно с нею и со своими не менее, наверное, любимыми детьми, просил ли он у Аллаха прощения за задуманное, мы никогда не узнаем.

– Пора! – уже не обращая внимания на сидящего рядом Богартырёва, скомандовал себе вслух Амирхан. Выжав до отказа педаль газа, он быстро набирал предельную скорость. Ещё немного, ну! И как только опомнившийся, встревоженный Артемий Иванович взялся за его руку, чтобы что-то сказать, а может быть, и чему-то помешать, резко повернул руль влево.

XV

Страшный взрыв, потрясший в ту ночь центр города и унёсший жизни первого секретаря обкома партии и заслуженного артиста республики, вместе с которыми погиб и ни в чём не виноватый и никому неизвестный молодой неженатый водитель головного бензовоза из той автоколонны, в «лоб» которой врезалась «Волга» артиста, долго ещё был предметом досужих разговоров. Злые языки утверждали, что дело не обошлось без личных взаимоотношений хозяина машины и его пассажира-партсекретаря – один у другого якобы когда-то увёл жену с детьми. Но официальная версия после расследования, проведённого под строжайшим контролем республиканских органов власти с последующим специальным докладом в Центральный Комитет партии в Москву, была категорична: несчастный случай.

Хоронили погибших торжественно, при огромном стечении народа. Обе вдовы – Маргарита и Тамара – только теперь, после смерти общего возлюбленного, сумели, наконец, посмотреть друг на дружку не интуитивно-враждебно, а с пониманием. Совместно пережитый в тот вечер беспомощный ужас перед неминуемой катастрофой, которую они обе обречённо предчувствовали, но не могли предотвратить, заклиная в душе уехавших на роковую автомобильную прогулку мужчин вернуться из поездки друзьями, в чём-то объединил этих кардинально разных женщин. Кроме страстной, неподвластной разуму общей любви к Амирхану, у них было ещё и

общее уважение к личности Богатырёва, навсегда оставшегося в их памяти образцом мужественности, ума и человеческой добропорядочности. Общее горе, как это нередко случается в жизни, не только помирило между собой, но и сблизило женщин, и моральная взаимоподдержка помогла им выстоять в первые, наиболее тяжёлые после трагедии недели.

Жить в этом городе, как и на целине вообще, после всего случившегося Тамара уже не могла. Кровных родственников у неё не было, поэтому оставив детей на попечении своей новой подруги Риты, с готовностью согласившейся помочь, она поехала не на родину в Ферганскую долину, а в ту часть Узбекистана, где полным ходом шло освоение Голодной степи. Стране нужен был хлопок, много хлопка, и на солончаковых, ранее не обрабатываемых землях некоторых районов Сырдарьинской, в частности, области как грибы после дождя росли многочисленные новые хлопкосоющие совхозы. Этим совхозам даже не успевали придумывать каких-либо оригинальных, отличающих их друг от друга названий – просто присваивали номера. Например, совхоз № 1, № 5, № 25 и так далее. Специалисты рабочих профессий нужны были здесь позарез, и среди самых востребованных – шофёр грузовика, что давало Тамаре, ещё не забывшей свои прежние навыки, неплохие шансы.

За высокими заработками, которые всегда сопутствовали началу великих советских строек, проще говоря «за длинным рублём», народу сюда со всех концов страны понаеха-

ло – тьма тьмушая. Люди это были разные – хорошие и не очень, честные труженики и отпетые авантюристы, законопослушные граждане и матёрые уголовники. Всем здесь находилось дело. И всех, при всей разности натур и характеров, объединяло одно: стремление хорошо заработать и возможность начать новую жизнь на новом месте. Даже город здесь возник с символичным названием «Янгиер», что в переводе с узбекского языка на русский означает – «Новая земля». Но общая в целом одинаковость устремлений не означает, однако, единого у всех мотива прибытия в эти мало обжитые края. Мотивы-то как раз, причём зачастую существенно, различались: кто-то к новой жизни тянулся в силу известной «охоты к перемене мест», а кто-то по каким-либо причинам бежал от старой, как, например, узбечка Тамара с русской фамилией Богатырёва.

Поскольку большинство переезжало сюда капитально, семьями, то, естественно, в новых населённых пунктах были и школы, и детские сады, кинотеатры и дома культуры, бани, магазины, рынки и всё прочее для нормальной человеческой жизни. А в помощь неполным семьям, в которых отсутствовал один из родителей, или для перегруженных работой отцов и матерей, которым заниматься воспитанием собственных детей было объективно некогда, государство предусмотрело сеть школ-интернатов.

Эти богоугодные заведения стали истинным спасением для таких родителей-одиночек, как Тамара. Но были они, все

без исключения, из-за избытка желающих постоянно переполнены, и устроить туда ребёнка чаще всего оказывалось непросто. Учитывая значимость проблемы и с целью исключения злоупотреблений при приёме на местах, распределением детей по интернатам занимался строго областной отдел народного образования, к кабинетам инспекторов которого, ведающим данной проблемой, перед началом каждого учебного года выстраивались длинные очереди. Из-за дефицита ученических мест детей одной семьи нередко направляли в разные районы, с возможной перспективой когда-нибудь в будущем, если ситуация разрядится, воссоединить разлучённых братьев или сестёр. Это, на взгляд руководителей образовательных учреждений и вышестоящих органов, было всё же лучше, чем совсем ничего... и многие соглашались – куда же деваться.

Вынуждена была, скрепя сердце, согласиться на такое распределение и Тамара. Единственное, чего она в этом отношении смогла добиться в пользу своих близнецов, – это чтобы не разлучали девчонок – Гульнару и Динару. Они обе попали в один интернат. А вот Валеджана пришлось устраивать в другой – за несколько десятков километров от этого. Ну, ничего, они уже совсем почти взрослые – в четвёртый класс пошли как-никак. Привыкнут! А через годик-другой, глядишь, и повезёт: места в том или ином интернате освободятся, и снова все втроём будут вместе.

Сама Тамара устроилась работать водителем грузового

такси. Это такой приспособленный под перевозку людей неприхотливый полуторатонник «Газ-51» с деревянным кузовом, тентованный брезентом с окошечками. Боковые скамейки в кузове легко пристёгивались, в случае необходимости, к бортам, и тогда машина становилась обыкновенным грузовиком. Но чаще Тамаре приходилось возить всё-таки людей, кто-то один из которых обязательно садился к ней в кабину, и это ей нравилось – в каком-никаком общении легче отвлечься от тяжёлых мыслей о прошлом.

Правда, работу эту Тамара нашла не сразу при всём обилии вакансий на вновь образующихся автопредприятиях и в строящихся «с нуля» совхозах. Любой начальник-мужчина, к которому она обращалась, сходу принимался оглядывать её с головы до ног с нескрываемым отнюдь не производственным интересом, и первым его вопросом во многих случаях был, а не замужем ли она. Жадные сальные взгляды и порой беззастенчивые предложения скрасить её одиночество ничего кроме усталого раздражения у Тамары не вызывали, и она, прервав такую беседу на полуслове, шла искать работу дальше. Наконец, нашёлся один мало похожий на бабника пожилой начальник автоколонны, который не стал её особо разглядывать, а, нацепив на нос очки, принялся читать поданные ему документы. Изучив их, пристально посмотрел в глаза:

– Что, дочка, пришлось хлебнуть, говоришь? И несладко, поди, живётся теперь? Детишек-то пристроила?

– В интернаты, в разные... – если бы у Тамары оставалось хоть немного невыплаканных слёз, она бы сейчас разревелась. – Да и то окончательное «добро» дадут только после моего оформления на работу и предоставления справки о размере заработной платы. И ещё прописаться где-то надо.

– Ничего, всем бывает трудно, особенно на первых порах после смены местожительства. Обживёшься-освоишься – будет полегче. Пока поселишься в женском общежитии, а при первой же возможности, в порядке льготной очереди, как вдове аж сразу с тремя малолетними детьми, выделим квартиру. Может быть, даже – в коттедже. У нас хорошие двухквартирные строят, со всеми удобствами и с земельными участками, надворными постройками. А что касается работы, так извини, лимузинов у меня нет. Могу предложить для начала пятьдесят первый «газон». Порули пока на нём, а там видно будет, придумаем, может, что-нибудь помягче...

– Да мне больше ничего и не надо! Спасибо вам. Только разрешите мне, пожалуйста, на машине за детьми и вещами в Казахстан съездить. Бензин я оплачу.

– Ладно уж! Поезжай, путёвку тебе оформим как в командировку за грузом. Привезёшь детей, домашнее барахло, и – за работу.

XVI

Сложилось так, что на выделенном ей «газоне» Тамара

проработала весь

голодностепский период своей трудовой жизни. «Рулила» она буквально за троих, только в работе и забываясь от боли пережитого. Зарабатывала хорошо. Не дожидаясь, пока ей дадут обещанную как «вдове с тремя малолетними детьми» квартиру, довольно скоро купила приличный дом, в котором раз-два в месяц собирала на выходные дни всех троих своих детей. Эти воскресенья были настоящими праздниками для семьи. Не жалея денег на лучшие игрушки, красивые, часто дорогие не по возрасту наряды и вкусные лакомства, она изо всех сил стремилась доставить дочкам и сыну как можно больше удовольствий и радости, которыми они, по её разумению, были напрочь обделены в интернатской жизни.

Гуля и Дина росли пригожими жизнерадостными девочками, прекрасно пели и танцевали. В интернате, активно участвуя в праздничных мероприятиях, они многому научились, и с удовольствием показывали своё искусство во время встреч матери и брату, а когда в доме бывали гости, то – и им. На восхищённые возгласы гостей: «Вырастете, будете знаменитыми артистками, как Тамара Ханум!» со смехом отвечали:

– Лучшая на свете Тамара Ханум – это наша мама! И мы, как мама, будем шофёрками.

– Танцующими шофёрками! – весело подхватывали хмельные гости.

– Ещё что удумали?! – испуганно восклицала Тамара. –

Какими шофёрками? Не женское это дело – баранку и гайки крутить. На мать-дуру не смотрите – она в другое время родилась и воспитывалась... будете артистками, как отец, царствие ему небесное!

С тех пор с лёгкой руки дочек к имени Тамары и приклеились слова-приставки «ханум» и «шофёрка». Близкие знакомые скоро стали называть её между собой не иначе как «Тамарка-ханум», а в более широких кругах, в основном в рабочей среде, звали «Тамарка-шофёрка». Дом же её, у ворот которого всегда в ночь оставалась грузовая машина «газик», называли не иначе как «шофёрским домом».

А вот сын Валеджан, в отличие от своих поющих-танцующих сестричек, подрастал настоящим разбойником. Характер ему достался от природы крутой, бескомпромиссный. Он постоянно с кем-то спорил, дрался, и не только со сверстниками, но даже – с интернатскими воспитателями и учителями. Отличался также ранней самостоятельностью и необычайной для его лет физической выносливостью: когда мать заезжала за ним в некоторые предвыходные и предпраздничные дни в интернат, то по пути домой он подолгу сам вёл машину, подложив себе под зад что-нибудь такое, что позволяло ему с его невеликим пока росточком хорошо видеть дорогу и

обозревать панораму вокруг. И никогда не жаловался на усталость.

И ещё Валеджан свято чтит (и когда только в мальчиш-

ке это успело вызреть?..) что-то вроде чести семьи, приоритет в этом отдавая неприкосновенности и незапятнанности чести сестёр. Туго приходилось тому, кто к этой святости хоть намёком проявлял пренебрежение. Взять хотя бы такой пример. Однажды он привёз с собой в гости на каникулы дружка-одноклассника – светловолосого русского мальчика по имени Илья. Это был деликатный, спокойного, в полную противоположность самому Валеджану, нрава отличник учёбы, у которого по стечению обстоятельств тоже был брат-близнец, с которым он так же, как и Валеджан с сёстрами, учился в разных интернатах. И так же, как они, был из неполной семьи, только не хватало в этой семье не отца, а самого дорогого для любого ребёнка – матери. Илюха в первый же день своего пребывания в гостеприимном «шофёрском доме» был сражён наповал красотой и искусством пения и танца близняшек Гульки и Динки. Он уже начинал, как и обе девчонки, и их брат Валеджан (по-интернатски – Валерка) входить в тот волнующий возраст, когда девчонки становятся для мальчишек, нередко взаимно, интереснее, чем всё остальное на свете. Совершенно не отличая Гульку и Динку одну от другой, Илюха не придумал ничего умнее, как влюбиться в обеих сразу. И, на свою голову, честно поделился сокровенным с их братом и своим лучшим другом Валеркой, тут же схлопотав от последнего синяк под глазом: не зарься на честь сестёр! Каким бы дорогим гостем и хорошим другом ты ни был...

Короче говоря, если дочери, безусловно, радовали мать (кроме прочих достоинств, они ещё и хорошо учились), то по поводу сына она не знала, радоваться или огорчаться. С одной стороны – хулиганистый и с норовом, а с другой – защитник растёт, который уж наверняка не даст в обиду ни её, когда она состарится, ни сестёр, как бы ни сложилась жизнь.

А она, эта жизнь, будто по чьему-то недоброму заказу, ну никак не выстраивалась в ту спокойную ровную линию, когда можно было бы жить тихо и без тревог, заранее и с уверенно ожидаемым результатом планировать те или иные этапные семейные события. И безмятежная тишь да гладь – божья благодать, плавное, без эксцессов и катаклизмов, течение дней, недель, месяцев и лет доставались кому угодно, только не Тамаре Богатырёвой. Может быть, эта ко многому обязывающая фамилия, доставшаяся ей от второго мужа, была подброшена судьбой с каким-то умыслом? Мол, поглядим, насколько ты сильная натура, сможешь ли вдобавок к пережитому ранее выдержать ещё и кое-какие новые испытания, которые не под силу обычному смертному...

Чем быстрее подрастали и выросли её дети, тем чаще и тревожнее билось её сердце при получении от интернатских педагогов известий о любых мало-мальски заметных происшествиях, в той или иной мере с ними связанных. Тревоги матери (может быть и не всегда обоснованные, но – мать есть мать) усугубляло то обстоятельство, что сын и дочери, отчасти и из-за разъездного характера её работы, не находи-

лись не то что под постоянным, а даже и под относительно регулярным её личным присмотром, были очень уж далеко от зоркого материнского ока. А неполная осведомлённость о жизни детей порождает преувеличенные волнения и страхи в душе любой, наверное, женщины-матери. Но, как бы и чего бы там ни было, а настоящая беда, если она случается, то при какой угодно бдительности почему-то всегда случается неожиданно...

XVII

Между тем, даже в те короткие или длительные периоды, когда с её любимыми чадами, согласно отсутствию тревожных известий, всё было, вроде бы, в полном порядке, не всегда всё в порядке бывало у самой красавицы Тамары. Не хотело, хоть ты умри, её только-только вступившее в пору истинного расцвета, настоящей женской спелости, безукоризненное внешне и безупречно здоровое тело жить в полной зависимости от состояния израненной, преждевременно постаревшей в результате череды невзгод души. Душа уже ничего не желала, кроме успокоения для себя и счастья для своих детей. А вот тело...

Ох, как её тело хотело тоскливыми одинокими ночами того же самого, чего оно и до этого страстно жаждало с самой юности, и к чему особенно стремилось с того незабываемого момента, когда в первую брачную ночь познало мужчину, но чего так и недополучило по разным причинам ни в первом,

ни во втором замужестве. А попросту – того, чего и должно по законам природы хотеть здоровое естество нормальной женщины.

Долго, варварски долго опустошённая и иссушённая неизбывным горем душа истязала рвущуюся к ласке плоть: никак не находился в окружении Тамары мужчина, ради которого она без колебаний, разом отключившись от воспоминаний и переживаний, переступила бы воздвигнутый в сознании барьер. Слишком яркими личностями были в её памяти те, кого она потеряла – Амирхан и Артемий. Рядом с ними, будь они живы, при всём недостатке в «Голодностепстрое» крепких симпатичных мужчин, и поставить-то было бы некого.

Иногда, возвращаясь в одиночестве из рабочего рейса, Тамара сворачивала с дороги и заезжала далеко в степь, выходила из машины и, упав на колени, давала волю чувствам. Плакать она давно уже не могла, а просто во весь голос стонала и выла, как израненная волчица.

Видневшиеся вдали снежные вершины гор напоминали о вечности, незыблемом величии матери-природы и быстротечности, бренности в сравнении со всем этим хрупкой человеческой жизни. А степь... со временем Тамара сквозь мало-помалу рассеивающийся туман в закабалённой горем и заботами голове начала замечать, как прекрасна суровая, на первый взгляд, Голодная степь. Особенно – ранней весной, когда всё вокруг начинает пробуждаться после зимней спячки. В отличие от безмолвных, величавых, часто подёрнутых

туманом бело-голубых горных вершин степь полна, оказывается, разнообразнейших звуков и красок. Робко выбивающиеся из-под быстро тающего снега жёлтые подснежники со съедобными сочными корнями-луковичками, тут и там стоящие свечкой у своих вертикально уходящих вглубь земли нор шустро пересвистывающиеся между собой и мгновенно исчезающие при малейшем шорохе со стороны заметно отощавшие за зиму суслики. А весной чуть более поздней – целые выводки куда-то ползущих цепочкой друг за дружкой разнокалиберных степных черепашек, вьющие свои тщательно маскируемые гнёзда птицы, стрёкот невидимых кузнечиков. Ещё позже – огромные, уходящие за горизонт пространства, покрытые алыми маками, красными и жёлтыми тюльпанами.

Однажды Тамара обратила внимание на большой, съезжавший с автотрассы прямо в степь караван тяжёлых грузовиков, автокранов, мощных автотягачей, буксирующих жилые вагончики, трейлеров, груженых бульдозерами, экскаваторами и прочей строительной техникой, стройматериалами. Вся эта кавалькада приблизительно в километре от дороги остановилась, начала выстраиваться в подобие круга и вскоре приступила к разгрузке. Судя по всему, сейчас на её глазах происходило рождение очередного нового совхоза. Значит – жизнь продолжается?..

Приехав в этот вечер домой, Тамара, перво-наперво, сходила в баню. Прошлась по магазинам, где пополнила запас

продуктов, не забыв купить побольше любимого плиточного шоколада и коньяка той самой марки, армянского, коим потчевал её в своё время Богатырёв. С помощью именно этого напитка она уже довольно продолжительное время в те выходные дни, когда не приезжали дети, периодически впадала в ностальгическое небытие. Проще говоря, напивалась до бессознательного состояния. Естественно – в одиночку, запершись у себя в доме, поскольку иного надёжного способа забыться, уйти от терзавших её днём и ночью воспоминаний, она придумать пока не могла. И только под этот, «богатырёвский», коньяк её иногда посещали приятные полуфантастические грёзы о чувственных наслаждениях, которых так недоставало наяву...

На этот раз входную дверь дома изнутри она не запирала. Сервировала стол, решив сегодня не стремиться к обычному одиночеству, к которому так и не сумела по-настоящему привыкнуть. И первый же случайно (а может быть и не совсем так) заглянувший «на огонёк» респектабельный с виду знакомый мужчина – один из руководящих работников местного автотреста, в состав которого входило предприятие-работодатель Тамары, встречен был дружелюбно и гостеприимно. А к утру он, побывавший ночью на вершине блаженства, клялся и божился в вечной любви к этой лучшей, как показала ночь, в его судьбе женщине, и совсем было собрался распрощаться со своей прошлой жизнью – с семьёй, нажитым имуществом, а если надо, то и с высокоопла-

чиваемой солидной должностью, бросив к ногам Тамары себя и весь мир. Но... потерявший голову от необыкновенно страстных ночных объятий счастливый любовник получил вдруг никак не ожидаемый им категоричный, исключающий иные толкования ответ:

– Спасибо за компанию и... прощай! Извини, но ни второй, ни третьей встреч у нас не будет. Если ты мужчина, то впредь поведёшь себя так, как будто между нами ничего не было. И тогда, возможно, мы останемся хорошими знакомыми, а может быть, если сойдёмся во взглядах, и – друзьями. Всё. Ступай! Вот тебе Бог, а вот – порог.

Выпроваживая таким отнюдь не мягкосердечным образом любовника-дебютанта (он был первым после гибели её мужей и, на его беду, оказался пресноватым и скучноватым по сравнению с ними обоими), Тамара, вероятно, понимала, что обиженный, а тем более оскорблённый в лучших чувствах человек способен, в отместку, на какие угодно действия – ведь, не все же мужчины так горды, как покойный Амирхан, и настолько выдержанны, как при жизни тот же Богатырёв. Но что возможна такая степень низости, какую вскоре наглядно продемонстрирует этот первый, с кем она, овдовев, позволила себе слабинку, и с чьей помощью хоть в мизерной степени, хоть и ненадолго, да пригасила бушевавшее в ней неугасимое пламя женской страсти, Тамара не могла даже предположить.

Он ещё долго пытался возобновить контакт с очаровав-

шей и так оскорбившей его прекрасной, но строптивой и своенравной женщиной, непредсказуемой в поведении, загадочной для голодностепских ловеласов в личной жизни. Посылал ей цветы и подарки, которые неизменно возвращались назад. Писал многословные записки, письма, порой даже в стихах, которые в наплыве чувств научился сочинять как заправский поэт. И, наконец, не выдержал... до крайности уязвлённый, начал он в мужских компаниях направо и налево, в красочных подробностях рассказывать о сказочной ночи, проведённой с Тамарой, любовное искусство и утонченность ласк которой, в совокупности с её красотой и темпераментом сравнимы как минимум с искусством обитательниц самых богатых гаремов зарубежного мусульманского Востока или, на худой конец – дорогих проституток капиталистического Запада. И главное, – хвастался ухажёр с не сложившимся продолжением randevu, – для того, чтобы заполучить хоть кусочек счастья обладания эдакой мастерицей, надо быть незаурядной личностью, и избранным ею самой. Именно ею, по её, а не по мужской воле, как он сам недавно убедился. А выбирает она не кого попало... его, вот, к примеру, хоть на ночь, да выбрала.

В среде автомобилистов-голодностепстроевцев поползли слухи, сильно распалывшие воображение немало числа умельцев по части охмурения слабых на ласку женских сердец. И некоторые из подобных умельцев, вдохновлённые теми слухами, пытались, несмотря на сложность поставлен-

ной задачи, на спор с друзьями-скептиками, свести интимное знакомство с заманчивой вдовушкой, применяя для этого весь свой богатый опыт и изощрённейшие уловки, изображаемые уже по ходу действия.

Надо сказать, кое-кому из редких отважившихся на столь трудно предсказуемую по результатам любовную атаку, везло: природа есть природа... и Тамара, допустив женскую слабость один раз, не в силах была и далее удерживать себя от близости с очередным понравившимся ей мужчиной. Но поскольку ни в одном из них не могла обнаружить того, что искала – полноценной замены когда-то утерянного, то дальше ознакомительной встречи её интимные отношения не развивались ни с кем. Это местных удальцов сбивало с толку, но никто из них переломить ситуацию так и не сумел – линия поведения вождельнейшей женщины автотранспортной сферы «Голодностепстроя» оставалась неизменной.

Когда же до Тамары дошли, в конце концов, многократно преувеличенные и до пошлости извращённые слухи о себе самой, она с горечью в душе раз и навсегда пресекла любые попытки каких бы то ни было мужчин сблизиться с нею. Поскольку же она не могла, чисто физически, полностью отказаться от хотя бы периодического, хотя бы частичного удовлетворения безжалостно сжигавшего её нутро сладострастного сверхжелания, то в глубине души всё-таки надеялась на встречу с достойным, заслуживающим доверия экземпляром хотя и считающегося сильным, но по большому счёту

презренного, самодовольного, заметно упавшего в её глазах мужского пола.

Как у сильной натуры, эта её надежда исподволь переросла в упорное стремление, и она сама начала искать и тщательно выбирать мужчин для пробных (а вдруг, да повежёт!) встреч. Но уже, разумеется, не из местных, а, во избежание последующих хвастливых рассказней в здешней шоферской среде, – либо приезжавших на короткий срок откуда-нибудь издалека командированных или отпускников, либо и вовсе где-нибудь в собственных дальних рабочих поездках. Однако и среди тех ей никак не удавалось найти сожителя, способного в достаточной мере удовлетворить её запросы, как в любовном, так и в эстетическом, да и просто в человеческом плане. И дело по-прежнему ограничивалось одним-единственным – первым и последним, свиданием.

XVIII

Тем временем из интерната, в котором учился её ненаглядный сыночек Валеджан, с обескураживающей регулярностью поступали более и более пространные негодующие жалобы на его возмутительное воинственное поведение. Обладая независимым, унаследованным от неё же, Тамары, нравом, он никому и ни в чём не давал спуска. И чаще всего свою правоту отстаивал единственно верным в его понимании и, пожалуй, наиболее для него в той среде доступным способом – кулаками. Неважно, кто был перед ним: ро-

весник, старший мальчишка или даже несколько, а то и совсем взрослый. Не уступал Валеджан, как уже говорилось, и воспитателям, нередко в интернатах злоупотреблявшим всем, чем придётся, в том числе и физическими наказаниями провинившихся учеников-воспитанников, если и не доводившими до откровенных увечий, то в любом случае жестокими.

Сведя дружбу с местными поселковыми подростками хулиганского нрава, горделиво называющими себя «шпаной» и «кодлой», он, как губка, впитывал в себя опыт, коим подобная среда обычно богата, в том числе легко и быстро обучился некоторым азартным играм «на интерес». Оказавшись в этом деле более удачливым, чем другие, Валеджан теперь всегда был при деньгах, раздражая этим многих. И дирекция интерната всё чаще поднимала вопрос о необходимости отправки «трудновоспитуемого подростка» Азимова-Богатырёва¹⁰ в детскую исправительную колонию или хотя бы про-

¹⁰ Валеджан – единственный, кто из троих близнецов взял себе вместе с матерью после её повторного замужества новую фамилию. Но если Тамара стала во всех документах писаться «Богатырёвой» вместо «Азимовой», то её сын, как из уважения к памяти своего кровного отца, так и из уважения к личности отчима, решил оставить за собой и прежнюю, присовокупив к ней новую. Звучало красиво. Девчонки же, Гулька с Динкой, являясь удивительно точными внешними копиями своего отца Амирхана Азимова (которого помнили, правда, смутно, хотя и фотографии его хранили свято), не захотели расставаться ни с каким фрагментом памяти о нём, в том числе и с фамилией. И смешивать, как это сделал их брат, фамилии они тоже не захотели, числились, как и прежде, просто Азимовыми.

сто о его отчислении.

Тамара, в смятении чувств, ждала как манны небесной того момента, когда её сыну судьба соблаговолит, наконец, помочь перейти из дальне-захолустного степного интерната поближе к областному центру, в интернат более богатый, благоустроенный и спокойный, где учатся его сестрёнки, и он сумеет благополучно, без лишних эксцессов закончить хотя бы восьмилетку. А там, глядишь, и изъявит желание поступить в какой-нибудь техникум или, на худой конец, в приличное профтехучилище.

И – о, счастье! – дождалась. Где-то в газетах она вычитала, что в связи с возросшей государственной потребностью в квалифицированных специалистах гидромелиоративного профиля, которых ощутимо не хватало на освоении новых и новых нуждающихся в орошении территорий под хлопководство, в республике активизировалось открытие дополнительных учебных заведений необходимой направленности – профессионально-технических училищ, техникумов и провинциальных отделений столичных вузов. Активизировалось настолько, что новых, с нуля, учебных комплексов строить не успевали, и для размещения вновь открытых заведений использовалась база существующих организаций и учреждений, менее значимых в тот момент для государства. В число «менее значимых», с чьей-то лёгкой (или тяжёлой?) руки в «верхах», попали и некоторые интернаты, в их числе и тот, в котором учился Валеджан.

Тех учеников из закрытых таким образом интернатов, которые по каким-то причинам не могли перейти учиться в обычные школы, принимали в свои стены уцелевшие интернаты, по мере возможности расширившись. Так, волей судьбы и государственных властей и, конечно же, не без усилий вовремя подсуетившейся Тамары, все трое её детей, перейдя в восьмой класс, стали учиться вместе, ближе к дому, а значит, и – с возможностью чаще навещать мать.

Но и дочери, буквально на глазах превращающиеся из хоть и милых, но угловатых девочек-подростков в привлекательных, с прелестными, заметно обозначившимися формами девушек, теперь беспокоили мать никак не меньше, нежели хулиганистый сынок. Её нешуточно пугало естественно растущее внимание к девчонкам не только и не столько мальчишек-сверстников и юношей постарше, сколько – взрослых мужчин. А что такое похотливый мужчина, уж она-то, с её выдающейся женской красотой, знала не понаслышке. И тревожилась за невинность своих девочек сильнее, наверное, чем даже когда-то за свою. Ведь они так добры и доверчивы... Слава Аллаху, хоть Валеджан теперь рядышком и сумеет как-то защитить их в случае чего. Но и он ведь совсем ещё ребёнок!

Даже не очень тревожные сообщения об относительно безобидных драках интернатских мальчишек, частенько оспаривавших друг перед другом внимание Гульки и Динки, заставляли материнское сердце всякий раз сжиматься. А ес-

ли в таких потасовках, на беду, принимал участие ещё и Валеджан, зорко бдящий за спокойствием и безопасностью сестрёнок, то масла в огонь подливали не всегда и здесь, в этом более благополучном интернате, доброжелательно настроенные педагоги, обвинявшие «скандальную семейку» чуть ли не в прямом провоцировании беспорядков. Час от часу не легче...

А однажды, всё в том же восьмом классе, вдобавок ко всем тревоблениям, на Тамару, как снег на голову, обрушилось совершенно её ошеломившее, заставшее врасплох известие: девчонки влюбились. Обе разом. Вот, тебе, и на! Это в четырнадцать-то лет... да как же это? Что же теперь делать? И кто те существа мужского пола, виновники такой нелепости – одноклассники, ребята постарше, взрослые мужчины из учителей-воспитателей, или совсем уж посторонние опасные соблазнители?

Хорошо, если всё это взаимно-невинная детская увлечённость. А если, упаси Аллах, их избранники – действительно, взрослые, да не совсем добрые люди со стороны? Украдут бедных девочек! Увезут неизвестно куда, воспользовавшись их детской наивностью и житейской неискущённостью. Обесчестят! А потом, забеременевших, бросят. Сколько таких случаев происходит на белом свете повседневно! Нет, надо дочурок спасать...

Тамара завела машину, и на всей скорости, на которую только был способен её верный «газон», помчалась в интер-

нат.

XIX

На этот раз судьба-голубушка сжалилась над столь много испытавшей женщиной-матерью: всё оказалось не так страшно, как она в паническом расстройстве чувств себе представляла. Разыскав дочерей, спокойно репетировавших в Красном уголке интерната очередную музыкальную пьесу, пообщавшись с Валеджаном, некоторыми учителями и классным воспитателем, Тамара убедилась, что Гульнара и Динара действительно влюблены, как говорится, по уши. Но это был типичный случай, коих не счесть в любой школе мира – предметом обожания близняшек оказались их одноклассники, и очень даже симпатичные. Один из них был Тамаре даже знакомым: будучи приятелем Валеджана, он как-то побывал у них в гостях.

И звали его, помнится, Ильёй, а по-простецки – Илюхой.

Нетипичным в этой типической истории было лишь то удивительное совпадение, что второй виновник случившейся «нелепости», брат Илюхи Колюха, тоже, как между собой Гулька с Динкой – близнец, и тоже до восьмого класса учился и воспитывался в другом, отдельном от брата, интернате, точь-в-точь как Валеджан, который также до восьмого класса учился отдельно от сестёр.

У матери немножко отлегло от сердца, но тревога, хоть и в меньшей степени, чем попервоначально, оставалась. Да и как

не волноваться, если близнецы-братья не меньше, а может, и более страстно влюблены в близняшек-сестёр, чем те в них, и всерьёз удумали жениться сразу по окончании школы, как только аттестаты о среднем образовании окажутся в руках, и заодно будет преодолен установленный республиканским законодательством возрастной ценз для вступления в брак – шестнадцатилетие.

А вдруг, что ещё хлеще, не захотят, охальники, дожидаться и этого законного, и спасительного для совсем уж «аварийных» случаев, а по жизни всё равно излишне раннего брачного возраста, который для Узбекистана и так снижен на целых два года по сравнению с большинством других республик страны? Ведь они же, как ни крути, а – совсем ещё дети, которые обычно сначала насоздают себе трудностей, а потом только, задним умом, начинают думать. Да и думают-то, расхлёбывая последствия таких скороспелых незрелых браков, чаще всего родители. Вот, стало быть, и надо, как можно скорее, знакомиться с родителями, вернее – с родителем юных женишков (по рассказам приехавшего в гости Илюхи, у них с братом Колюхой был только отец-вдовец), чтобы совместными с ним усилиями попытаться предотвратить неразумный поступок сразу четверых легкомысленных молодых людей...

У Тамары, как у человека, самостоятельно и крепко стоящего на земле, мысли и намерения редко расходились с делом. И на ближайшие же выходные она пригласила обоих

парней к себе в гости, чтобы получше познакомиться сначала с ними самими, побольше и поподробнее узнать от них об их отце, знакомство с которым тоже не стоило откладывать в долгий ящик.

Ребята ей, в общем-то, нравились. Оба смышлёные и добрые, воспитанные, они, каждый в отдельности, уступали её сыну Валеджану лишь в одном – физической силе и ловкости. В остальном же смотрелись куда более перспективно, чем он. Их отношения с «невестами» Гулькой и Динкой внешне выглядели вполне прилично и невинно, тем самым несколько расслабляюще действуя на бдительно-настороженную мать, обычно готовую в любую минуту проявить необходимую строгость. Скорее всего, – думала она, – оба жениха с обеими невестами даже и не целовались-то ни разу. Хотя... кто знает... в таких заведениях, как интернат, чего угодно можно ждать.

Итак, резюмируя все «за» и «против», мать сочла данный выбор девчонок не худшим из возможного, и в итоге она внутренне даже готова была допустить вероятность замужества дочерей за этими славными парнями... оставаясь, тем не менее, в твёрдом убеждении, что спешить с этим делом не нужно. Ведь Гульнара и Динара, бесспорно, талантливы и, как знать... возможно, им светит большое будущее в искусстве, а раннее замужество может поставить на этом будущем крест. Здесь и обсуждать нечего – беременность, роды, пе-

лѐнки-распашонки, стирка, кухня... и это при нормальном, в целом, течении семейной жизни, когда никто не болеет и прочее. О каком высоком искусстве в таком случае может идти речь? Тем более если молодым жѐнам отроду-то всего шестнадцать-семнадцать лет – за самими ещё убирать да подтирать приходится. Опыта в быту никакого, житейской закалки ноль. Нет уж, уважаемые учёные – сочинители брачно-семейных кодексов, разрешающих в знойном Узбекистане и на не менее, наверное, располагающей к этому Украине, а может, и ещё где-то, такие ранние женитьбы-замужества, вы как хотите, а я, трезвомыслящая и любящая мать – категорически против глупости! Семью следует создавать тогда, когда прочно встал, как говорится, на ноги, получил подобающую профессию, более или менее определился вэтой жизни вообще, и способен созданную семью содержать.

Ладно ещё, если бы женихи оказались детьми высокопоставленных, обеспеченных материально родителей, в доме которых всю рутинную работу делает прислуга. Тогда, вероятно, ничто не мешало бы творческому развитию их юных жѐн, даже и поторопившихся, по глупости, родить по ребёнку... А в данном случае... хлопцы-то хорошие, но что с ними станется, когда повзрослеют? Чего смогут достичь в жизни? Пока трудно даже предположить. Растут, – вспомнила она опять урывочные рассказы о некоторых эпизодах своей жизни гостившего у них когда-то Илюхи, – без материнской ласки, а не огрубели, однако, не обозлились на весь белый

свет, как в таких случаях бывает. Это обнадёживает, внушает симпатию и даже будит непрощенную нежность, желание обнять обоих, прижать к груди как родных. Но их отец, судя по рассказам того же Илюхи, звёзд с неба не хватает... а яблоко от яблони далеко ли падает. Хотя, впрочем, и сама Тамара – трудяга без роду и племени, да и Амирхан был таким же, но – опять же это не помешало как ему самому, так и дочкам уродиться одарёнными людьми. Вопросы, вопросы... их пока куда больше, чем ответов.

А с отцом их, который, неизвестно, поддержит ли сыновей в их скоропалительном решении, или наоборот – поможет Тамаре уговорить их повременить самим становиться отцами, да и сумеет ли вообще поставить их на крыло в дальнейшем жизненном пути, поскорее бы познакомиться. Хоть худой, да союзник, если удастся привлечь его на свою сторону, – всё же лучше, чем совсем никакого.

XX

Не зря, видимо, верующие люди утверждают: «Человек предполагает, а Бог располагает». Не всё вышло по-тамариному, какой бы сильной, незаурядной личностью она ни была. Случилось так, что состоявшаяся вскоре её встреча с отцом женихов-близнецов Николаем Захаровичем Сухоруковым не только внесла сумятицу и неразбериху в её разум и чувства, но и сыграла в прямом смысле слова роковую роль для всех участников событий. Однако, как говорят серьёз-

ные рассказчики – обо всём по порядку.

С первого взгляда впечатления на Тамару он не произвёл. Ровно никакого. Скорее даже – не очень-то понравился. А если ещё точнее – не понравился совсем. Невзрачный, с трудно запоминающейся, или, как говорят, «никакой» внешностью, непонятного возраста и мелковатого для солидного мужчины росточка, он заявился по приглашению в гости к ней с двумя бутылками простого полуторарублёвого вина-«бормотухи» и кульком совсем уж дешёвых конфет-карамельек без обёрток.

По долгу приличествующей случаю вежливости и законам элементарного гостеприимства Тамара любезно пригласила бесперспективного, судя по производимому им впечатлению, собеседника в уютную гостиную, именуемую залом, сноровисто накрыла свежей скатертью круглый, стоящий посередине зала стол, убрала принесённые Николаем Захаровичем бутылки и конфеты, и выставила взамен дорогой армянский коньяк, тарелочку с плиточным шоколадом и вазу с фруктами.

Недостаточно ясно представляя себе, как лучше построить столь волнующий разговор, ради которого она, собственно, и терпит присутствие в своём доме настолько далёкого от совершенства мужчины, Тамара решила начать со стандартно-вежливого заявления:

– У вас замечательные сыновья, Николай Захарович. Поздравляю! Даже

только одно это даёт вам основание для гордости.

– С-спасибо! – на лбу и висках собеседника Тамары выступила испарина: никогда ещё он не общался так близко и непосредственно с такой великолепной, будто из иного мира дамой, к тому же проявлявшей к нему лично такую уважительность, а к его детям такое неподдельное участие.

– Они дружны с моими детьми, – продолжала Тамара тем же,

располагающим к откровению, тоном. – Даже более того... но... об этом поговорим особо. А сейчас давайте-ка, выпьем за знакомство!

Пригубили. Гость, борясь с обильным потовыделением на открытых частях тела посредством широченного носового платка, густо пропитанного запахом ширпотребовского одеколona «Шипр», и боясь опростоволоситься перед похожей на богиню хозяйкой дома, осторожно решил не проявлять за столом никакой самодеятельности, ранее всегда приводившей его к скорому полусмертельному опьянению. И в точности повторял все действия Тамары. Именно это спасло его от обычного застольного фиаско, и во многом благодаря этому сегодняшняя встреча стала для него настоящим подарком судьбы, на какое-то время вернув ему давно забытое мужское самоуважение. Не выпивать сразу большими глотками всё что наливают, а смаковать пахучий крепкий напиток – в этом действительно что-то есть...

Через некоторое время он чувствовал себя за этим столом

уже более уверенно, почти джентльменом.

– Сначала, год-два назад, Илюша, а потом, совсем недавно, он и Коля вместе, будучи у нас в гостях, кое-что рассказали о своей жизни. Честно говоря... – Тамара почему-то искренне захотела сейчас сказать этому человеку что-нибудь особенно для него приятное, подбодрить, – таких мужчин как вы, Николай Захарович, нынче сыскать трудно: один, без женщины, воспитываете, и весьма успешно, двоих детей...

– Так интернат же выручает. Правда, был грех: когда умерла жена, и с непривычки хреновато было и страшно тяжело одному с пацанами, женился,

сдуру, почти что сразу. Красивая эта баба была-а... жутко. И шибко, извиняйте, хороша ночью в постели. Верёвки из меня вила, в рот ей пароход! А вот детей не любила... даром, что сама бездетная. Вечно всем недовольная, и жадная, страсть как. Каждый день втихаря пересчитывала куски сахара, подозревая пацанов в воровстве. Всё боялась, как бы они лишнего не съели. Так-то бывает...

– Невероятно!

– Ну, вот... и вы не верите, как и все, с кем об этом ни заговоришь...

– Нет, что вы, Николай Захарович, я вам охотно верю! Продолжайте, пожалуйста, – мягко тронула его за руку Тамара.

Чуть не задохнувшийся от этого мимолётного прикосновения гость почувствовал что-то похожее на эйфорию – пле-

чи его расправились будто сами собой, он перестал смущённо сутулиться, и продолжал рассказ уже веселее:

– А когда она, профура... в рот ей флотилию японских камикадзе... .

– Камикадзе.

– Что?

– Камикадзе, а не «камикадзе» – иностранные слова, употребляемые в русской речи, как правило, не склоняются.

– А-а... ну так вот, когда она, чума холерная, из-за каких-то там конфет, которыми мои пацаны по доброте душевной угостили в Пасху свою собаку, подняла руку на одного из них – Колюху, да так, что тот в больницу попал, я её чуть насмерть не зарубил на глазах у всех соседей. Показательной, так сказать, казнью. Да успела выскользнуть, падла, как не в меру склизкая змея из петли-змееловки. Но потом я её, к чертям собачьим, всё равно выгнал. Совсем.

– Вы так любите своих детей! Да на такого отца, как вы, молиться надо. Значит, туда ей и дорога, этой скупердяйке. И что, с тех пор вы совсем один?

– Как вам сказать... – Николай Захарович ещё более приободрился и ещё

шире расправил плечи, воодушевлённый похвалой из таких прекрасных уст. Ему страсть как захотелось раскрыть всю душу этой удивительной слушательнице. – Чтоб женщина любила одинаково и мужика, и ему родных, а ей чужих детей, такой я ещё не встречал. Хоть и стрёмно ночью одно-

му в постели, но не думать же только о себе, в конце-то концов! Вот, значица, пока один.

– Вам же цены нет, Николай Захарович! Предлагаю выпить за здоровье и вечную молодость тех мужчин, которые не бросают своих детей.

Тамара подняла бокал, и вдруг ей тяжело сдавило грудь: она вспомнила Амирхана, как раз бросившего троих родных детей ради первой же встретившейся на его пути юбки. Глотнула коньяка, вкус которого незамедлительно вызвал в памяти уже несколько иные ассоциации – начало её греховного падения (или – взлёта?) в объятиях Богатырёва. Не в силах на этот раз остановиться, она допила внушительного объёма бокал до дна, закусила отломленным от плитки тоже не мелким куском шоколада – точно так же, как тогда в машине...

Ассоциации усилились. Где-то внутри внизу слегка щекотнуло.

Гость, машинально повторявший все её процедурные движения за столом, тоже выпил до дна свой коньяк. Захорошело... неудержно потянуло повторить. И он решился-таки на инициативу. Тем более что, судя по прозвучавшим только что в его адрес комплиентам (Николай Захарович мало что понимал в интеллигентской застольной дипломатии), хозяйка относится к нему со всем уважением. А значит...

Он взялся за бутылку, наполнил чуть не до краёв сначала её бокал, потом свой и, набравшись духу, осмелился предложить встречный тост:

– Эх, Тамара! Такая вы красивая женщина, а нутром чую – редкой доброты человек. Тож, ведь, ребяташек в одиночку тащишь. Даже больше чем я – целых троих, – не заметив, как перешёл на панибратское «ты», гость мучительно трудно пытался подыскать достойные хозяйки эпитеты. – А ведь известно, что, чем красивше женщина, тем хужее душой, сердцем. Или злее, чем обычные бабы, или – в чём-то другом паршивее. А ты не такая. Я вообще

людей скрозь вижу, как облупленных, с первого взгляда.

– Да вы успокойтесь, Николай Захарович! Я – самая обыкновенная шофёрка, как меня тут называют, – видя, как дрожющими от волнения руками гость с трудом удерживает бокал с расплёскивающимся коньяком, ласково произнесла хозяйка.

– Нет! Добрая ты, Тамара, душа, и всё тут. Вот моя первая жена, которая не вовремя померла, тоже была сначала красавица – все вокруг мужики мне завидовали. Потом почему-то быстро высохла, как былинка на ветру... и пацанов, таких способных, не успела довести до кондиции, то бишь, до ума. Теперь, как видишь...

Он запнулся, утерев нить собственных рассуждений. И, махнув на дальнейшие потуги в красноречии рукой, провозгласил просто, как умел:

– За женщин, дай им Бог здоровья, которые, не глядя ни на что, даже в одиночку, живут только ради детей! За тебя, Тамара!

Чокнувшись с хозяйкой, Николай Захарович встал и, стоя, браво осушил свой бокал. То же самое, но без малейшей рисовки, сидя, откинувшись на спинку мягкого гарнитурного стула и закрыв глаза, сделала и Тамара. Вслепую нащупав на столе плитку шоколада, отломил кусочек и молча, не открывая глаз, задумчиво жевала. Грудь её соблазнительно вздымалась под тонкой шёлковой материей идеально сидящего на ней яркого национального платья. Дышала она медленно и глубоко, но как-то неровно, судорожно вбирая в себя воздух. Чувствовалось – женщина взволнована какими-то воспоминаниями или только что возникшими потаёнными мыслями.

Глядя на неё как замороженный, гость, считая себя знатоком женской души, склонен был всё же отнести задумчивое волнение хозяйки не к каким-то там её воспоминаниям, а именно к потаённым мыслям, и, скорее всего, мыслям по его, Сухорукова, душу. А раз так, то возникли эти мысли наверняка не только что, а раньше... иначе, с чего это вдруг ей стукнуло в голову пригласить здорового, не старого ещё мужчину один на один в гости? Ведь и ехать ему сюда к ней не ближний свет – сотню с гаком вёрст. На такое расстояние за просто так, вхолостую, не ездят даже по приглашению. И какой иначе смысл вообще был бы в этом интимном, без свидетелей, да ещё с хорошей выпивкой, застолье?

Когда её красиво очерченные дорогой помадой немного пухлые губы, слегка подрагивая, чуть приоткрылись, словно призывая к страстному поцелую, у Николая Захаровича

потемнело в глазах от напряжения. Один Бог ведает, каких трудов стоило ему удержаться сейчас, не потерять контроль над собой и не натворить глупостей – не заключить хозяйку в объятия и не прильнуть, хоть на секунду, к таким притягательным устам. Но, даже не чувство благоразумия, а, скорее, какой-то незримый барьер, исходящая от хозяйки внутренняя сила и явно осязаемое её всестороннее превосходство остудили порыв гостя, которого ещё и обволокла, ни с того, ни с сего, какая-то непонятная кратковременная слабость, особенно – в ногах. Может быть – и во спасение...

Единственное, на что хватило его душевных и физических сил в настоящий момент, – это ещё раз наполнить бокалы.

От лёгкого звона стекла и булькающего звука льющейся из бутылки жидкости Тамара очнулась, открыла глаза и смущённо улыбнулась:

– Извините, Николай Захарович, немного задумалась...

– Ну, коль мысли приятные, почему бы и не задуматься, – игриво подмигнул гость. – У такой красавицы и мысли могут быть только красивые!

– Да, уж...

– Ну, тогда – за красивые мысли красивых женщин!

Выпили. И опять до дна.

– Ой, Николай Захарович, простите, совсем, наверное, уморила вас голодом, хозяйка, тоже мне! Не пора ли горяченького? Как же мужчину, да без мясного угощать? Солоченького?

вья ведь, говорят, баснями не кормят. Погодите, я мигом!..

Выставив на стол ещё пару красивых бутылок, Тамара спешно удалилась на кухню, где заранее было наготовлено всё для приличного званого обеда, в обычных условиях нередко плавно переходящего в ужин.

А пока она отсутствовала, гость с восторгом и уважением рассматривая уютную и далеко не бедную обстановку комнаты, размышлял примерно так: «Молодец баба! Как живёт-то, а? Да ещё одна, без мужика-кормильца. И ведь не только красивая, хозяйственная женщина и хорошая мать, но ещё и умница – как правильно понимает истину, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок!..»

Тем временем на столе одно за другим, теснясь, выстраивались блюда, подобные которым Сухорукову доводилось видеть наяву лишь по большим праздникам, да и то не по всем, а только когда его, изредка, приглашали в приличные дома. В основном – как лучшего в районе специалиста по ремонту и регулировке «волговских» двигателей. А на «волгах», как известно, беднота и мелкота в нашей советской стране не ездят.

Почувствовав особенно сильное после принятия спиртного желание курить и вынув из кармана толстенькую красную пачку сигарет «Спорт», он испросил у хлопотавшей вокруг стола хозяйки разрешение «подымить». Тамара, к его удивлению, в ответ тоже попросила:

– А можно, Николай Захарович, и я с вами?

– Конечно! – Сухоруков с готовностью протянул ей пачку. Но она уже доставала из серванта белый картонный блок с большими буквами «ВТ» на нём:

– Нет, нет, спасибо! У меня свои, помягче. Хотите?

Он взял сигаретку с фильтром, понюхал и вернул обратно.

– Слабоваты... я уж по-нашему, по-флотски – раньше всю жизнь почти на флоте... привык покрепче-позабористей.

Затянулись. Задумались.

– А я своей дурной бестолковкой думал, что такие красивые женщины только в иностранных фильмах курят, – со всей возможной вежливостью, не желая обидеть хозяйку, всё же намекнул на не женскую дурную привычку гость.

– Моя жизнь похлеще любого кино будет. С тех пор, как мужей потеряла, так вот и дымлю как паровоз. Да и за рулём трудно без курева, особенно в дальних рейсах. Ну, и одной, сами понимаете, иногда тошно становится, хоть вой. Вот и... выпьешь, закуришь. Видите, сколько уважительных «и...» как причин для нетипичного женского курения, которое всё ж как-то отвлекает, вроде бы успокаивает. Хотя и это, если разобраться, самообман.

– М-мужей, ты сказала?..

– Да-да, вы не ослышались, именно мужей, а не мужа. Сразу оба – первый и второй, в один день погибли, вместе. Вместе и хоронили их...

– П-прости Тамара, я п-понимаю, что такое овдоветь в цветущем возрасте. Но чтобы сразу дважды... и выдер-

жать...

– Да чего уж там...

– Любила обоих, что ли, коль так убиваешься до сих пор?

– Детей надо любить, а не мужиков, Николай Захарович!

Дети хоть за добро отблагодарят когда-нибудь, а мужики... только одним место и умеют чувствовать.

– Н-ну, не все же, наверно.

– Простите великодушно, если лично вы, как редкое исключение, не из таких. Тогда вам в ножки от имени всех женщин земли поклониться нужно. Или вот, мой второй муж, например. Приличный был человек. Но, как назло, если повстречается, раз в сто лет, порядочный, то к нему, почему-то, особой страсти не испытываешь. В лучшем случае – уважение. А страсть достаётся, к сожалению, другим... изменщикам, и так далее.

– А давай, Тамара, ну их мужиков, за детей и выпьем, которые добро помнят! За их, бляха-муха, светлое будущее.

– Давайте, Николай Захарович...

Выпили. Опять закурили и опять помолчали. Оба, уже заметно охмелев, хорошо перекусив и расслабившись, отдышали душой и телом. Беседа протекала спокойно. Можно было без всякого напряжения переходить к главной теме этой встречи – проблеме преждевременной женитьбы детей. Но именно такого продолжения не совсем обычного обеда-ужина Тамаре почему-то хотелось меньше всего. Что-то её удерживало.

живало. Как будто невидимый шайтан¹¹ сидел за плечом и хитро-порочно нашёптывал: «Не сейчас, не время ещё для нелёгких разговоров. Погоди! Расслабься... тебе ведь так хорошо и свободно. А может стать, только намекни, и ещё лучше...

хочешь?..»

И, странно, этот невидимый мерзкий шайтан, так бесстыдно пытающийся сейчас сбить с панталыку приличную женщину, на этот раз вовсе не раздражал её, и откровенно пошленький тон его нашёптываний даже веселил. В самом деле, а почему бы не поговорить о проблемах детей, допустим, завтра, на свежую голову? Гость никуда за ночь не денется. Да, кстати, постелить ему надо бы подальше от собственной спальни, скажем – в комнате Валеджана. А то... мало ли что может ночью втемяшиться в хмельную голову этого мужичонки не самого высокого полёта. Если в своё время даже такой титан воли, пример воспитанности, как Богатырёв, не сумел удержаться от греха при непосредственной близости красивого женского тела, то уж в данном случае рассчитывать на безупречное, джентльменское поведение гостя было бы совсем непростительным легкомыслием. И с большой долей вероятности гость предстоящей ночью может ещё раз подтвердить миру, что доверять мужчине – дело неблагодарное.

К тому же, она Николаю Захаровичу теперь почти что род-

¹¹ Чёрт (узб.)

ственница, или свойственница, что тоже немало: в скором будущем они – возможные сватья между собой. Поэтому, как ни соображай, а даже намёка на попытку греха с его стороны допускать нельзя ни в коем случае. Но при всём том – полном табу на грех и целесообразности, а вернее, её подспудном желании перенести беседу о будущем детей на завтра, что мешает не отправлять немедленно и слишком уж решительно эту не столько реальную, сколько потенциальную опасность спать, а провести остаток сегодняшнего вечера с какой-никакой, да пользой: в продлённом на час-другой непринуждённом общении с претендентом в сватья получше узнать его как человека? А поскольку последующая его ночёвка в самой дальней комнате – всё же не панацея от непредсказуемости его поведения, то не лишним было бы обезвредить сию опасность наиболее верным способом – напоить дорогого гостя, как в таких случаях говорят, до потери пульса.

Словно подслушав её мысли, «дорогой гость», к этому моменту уже прочно захвативший в свои руки роль разливающего за этим столом, уверенно наполнил в очередной раз бокалы и обратился к хозяйке:

– Тamar! А чего это ты меня всё Николай Захарычем обзываешь? Я тебя уже давно, извиняй, конечно, просто Тамарой кличу как родную, а ты – как-то официально. Неудобно, даже. Как будто я министр какой-то или прокурор, а не простой мужик. Да и дети наши вместе учатся. Даст Бог...

нет, лучше раньше времени не загадывать такое счастье. Ты – шофёром работаешь, я – моторист. Мож, и твою таратайку починю когда-нибудь. Только позови. Ну, давай по-простому, без отчества, а?

– Да как-то...

– Тамар...

– Ну, хорошо, давайте, попробуем.

– Так вот, как только на этот раз выпьем, давай без всяких «выканий», а только на «ты», по-дружески, по-свойски. Договорились?

– Что ж, будем считать, что договорились.

– Значит, идёт?

– Ну, идёт!

– А для этого... – тут Сухоруков сделал многозначительную паузу, – как у культурных, которых в кино кажут, надо бы это... не просто так, под закуску, а по-особому, на этот самый... бруденшафт выпить.

– На брудершафт, вы хотите сказать?

– Во-во! Путаюсь я вечно в нерусских словах... не серчай.

Тамара задумалась. Шустрый, однако, мужичок-то оказался. А с виду такой хлипкий и нерешительный. Хотя... не такой уж, кажется, и хлипкий. Руки вон, натруженные, сильные. Да и весь он в отдельные моменты напоминает пружину. Первая жена, говорит, была красавица. Вторая – тоже. Это уже интересно. Просто так красивые бабы поочерёдно в одни и те же руки не попадают. А может, это – просто ка-

кая-то недоработка или хитроумная издёвка судьбы обеих женщин? Опять же – почему две такие судьбы подряд? Нет, что-то тут не то. Или здесь, всё-таки, имеет место простая банальная случайность? Но на эту тему умница Богатырёв как-то высказал замечательнейшее суждение: «Нет случайностей, есть непознанные закономерности»... хм-м...

Ну, ладно, брудершафт, как к нему ни относиться, в конечном итоге – безобидная и ни к чему особо не обязывающая процедура. И ни о чём особенном не говорящая. На «ты», так на «ты», экая проблема... да и наивная простота гостя вряд ли позволила бы ему утаить какой-то подвох, если бы он был.

Но, всё же... что, интересно, может последовать за всем этим, если допустить непредсказуемость ситуации? Время, конечно, покажет, но, скорее всего – не последует ничего... что, опять же, трудно утверждать однозначно. Хорошо хотя бы уже то, что гость пьянеет явно быстрее, нежели она сама. Значит, есть прекрасная возможность, выгнав у него всё необходимое, как можно скорее свалить его с ног, и пусть себе храпит хоть до завтрашнего обеда.

А – надо ли это делать? Может, всё же... Нет, нет, нет! Только валить, и никаких «может...»

– Тогда, дорогой Николай Захарович, наливаем по полной и пьём строго до дна!

– Т-так, мы уже д-давно по полной и до дна, – при слове «дорогой» по телу Сухорукова пробежала сладкая судо-

рога, по силе почти равная удару электрическим током. И он раззаикался так, как обычно только в моменты особого, на уровне стресса, волнения. – Т-только ц-целоваться – чур! – в губы и без халтуры. Идёт?

– Идёт! В губы и без халтуры.

– Ну, п-поехали!..

– Стоп, Николай Захарович! Хочу вас попросить об одном. Понимаете, у меня к мужчинам с некоторых пор, как вам объяснить... специфическое такое отношение.

– Какое, какое?

– Специфическое, ну... иными словами – непростое. Не то что я их ненавижу или презираю всех подряд, нет... но, бывало, обижали они меня. И, честно говоря, боюсь я им волю давать – есть причины довольно веские для таких опасений. В общем... можно, не будем мы с вами обниматься во время этого... брудершафта? Выпьем, каждый сидя на своём месте. Или – стоя, если хотите. А потом я сама к вам подойду, как друга или брата поцелую, и сразу перейдём на «ты».

– Но, хоть в губы-то, как уговаривались?

– В губы, в губы, и, повторяю обещание, без халтуры. Не волнуйтесь, никто вас обманывать не собирается. Ну, как, согласны? Только не обижайтесь, пожалуйста.

– Тamar, ну об чём базар? Мы же – свои люди! – гость был согласен на что угодно. Он и так уже витал где-то на седьмом небе от радости, что хозяйка согласилась на его дерзкое предложение выпить на малознакомый ему, заимствованный

у буржуазного светского общества брудершафт, и ему удастся наяву, а не во сне поцеловаться губы в губы с такой женщиной, о какой он раньше и мечтать не смел. Будет ли в его жизни ещё хоть что-то похожее?..

Свою оплошность Тамара осознает (в глубине души, правда, – не очень охотно) лишь минуты спустя, а сейчас она даже не подозревала, как, оказывается, может уметь целоваться такой невзрачный с виду тип. Вот тебе, и мужичок с ноготок...

Лёгкого дружеского поцелуя, на который она рассчитывала, давая столь легкомысленное согласие на пресловутый брудершафт, увы, не получилось. Когда после торжественно выпитой до дна очередной порции коньяка Николай Захарович блаженно развалился на своём стуле и закрыл глаза, а Тамара подошла, как обещала, наклонилась над ним, и их губы, согласно взаимной договорённости – «чисто по-братски, по-дружески», лишь на планируемое мгновение соединились в одно целое, между ними вдруг, неожиданно-негаданно, произошло нечто вроде короткого замыкания. У обоих свет померк в глазах, и... независимо от воли хозяев, соединённые две пары губ размыкаться категорически отказывались, трепетно, но жадно вбирая в себя друг друга.

Сколько это полузабытьё продолжалось по времени, ни он, ни она не помнили. По ощущениям, по тому особому приятно-обессиляющему головокружению, каковое случается в юности при первом поцелуе «взасос, по взрослому»,

переживаемое ими сейчас и на самом деле можно было сравнить только с преддверием первого в жизни человека настоящего любовного приключения – первым поцелуем. Думать о чём-то, тем более заставлять включаться свою так приятно задремавшую волю, чтобы попытаться соблюсти какие-то, кем-то придуманные условности в поведении, не хотелось в этот сладко-грешный момент настолько, что, как сговорившись, они устремились в этом горячем сверхпоцелуе к бесконечности...

Наступившая вскоре ночь была одной из лучших ночей и в его, и в её жизни. Никакие различия между ними, бросающиеся в глаза при дневном свете, сейчас не имели ровно никакого значения: ни внешний облик, ни рост и комплекция, ни интеллектуальный уровень. Была только бушевавшая с равной силой с обеих сторон и быстро превратившаяся в один общий, длящийся всю ночь, затяжной взрыв наслаждения, страсть. И ещё: с его стороны – непривычное необычайное уважение к партнёрше, с её – приятнейшее удивление на грани изумления.

Сухоруков впервые, наверное, в жизни любил не только искусно и азартно, но ещё и нежно, красиво. Он изощрялся так, как будто проходил высшее испытание на мужскую состоятельность, а эта ночь с женщиной была последней в его жизни. И в эту ночь судьба, непонятно за какие заслуги, сделала ему такой подарок! Тамара же... получая через подзабытые уже полноценные мужские ласки высшее телес-

ное наслаждение, в неопишемом экстазе рыдала от счастья. Неужели так вот неожиданно и странно пришла её третья молодость? А если так, то и она может стать третьей молодостью для него, то есть третьей и лучшей в его жизни женой-красавицей?..

Но, тогда... они становятся одной семьёй, да ещё с детьми, между которыми тоже, по иронии судьбы, существуют нежные чувства. А вдруг эти чувства не менее, или даже более сильны и серьёзны, чем то, что так внезапно вспыхнуло между нею и отцом мальчишек-близнецов? Может выясниться, что и там, как и здесь – настоящая любовь, имеющая не меньшее право не только на существование, но и на своё воплощение в законном браке и продлении рода. Ох, как ей втайне хочется, чтобы это оказалось не так! Ведь, при всей забываемости первой юношеской любви она, эта первая любовь, чаще всего поверхностна, обманчива и заканчивается всего-навсего грустно-лирическими воспоминаниями. Её с Амирханом история не в счёт, она – особый случай.

Здесь же, в застланной атласом и бархатом пышной постели происходит сейчас редчайшее событие, когда в давно взрослых, зрелых, немало испытавших на своём веку и несопоставимо разных, незнакомых друг с другом людях природа удивительным образом нашла-соединила так, оказывается, взаимно подходящих, в первую очередь, своими источаемыми в момент любви соками и ароматами мужчину и женщину, способных к высочайшему удовлетворению партнёра

и неземному наслаждению от его близости наедине. Ах, какой он вкусный в любви, этот замухрышка Николай! Ну, и что, что замухрышка... ведь очень многое из вкуснейшего в природе внешне выглядит не лучшим образом. Николая же можно по мере необходимости и приодеть, и манерам подбучить...

Всё ж таки правильно, что отложился разговор с ним о возможных в

недалёком будущем брачных отношениях их детей. А лучше, наверное, эту тему совсем пока не поднимать, отложить до более удобного момента. Судите сами, высшие судьи там, на небесах, если вы существуете: допустим, Николай Захарович и Тамара, вступив в законный брак, соединили свои судьбы воедино и вместе со всеми детьми зажили одной большой семьёй... Дети в таком случае автоматически становятся между собой пусть и названными, «сводными», но всё же братьями и сёстрами, определённые ограничения в круге взаимоотношений между которыми возникают так же автоматически. Фактически-то, если у детей дойдёт-таки до брака, – кровосмешения, конечно, никакого... а вот во мнении общественности, это как сказать...

Судьба, судьба... как ты, родимая, сложишься на этот раз?..

XXI

Директор районной заготовительной конторы Баймурат

Тохтамышев никогда не жил бедно. Как, впрочем, – Аллах тому свидетель, – и все его предки до седьмого колена, да и, за редким исключением, нынешняя многочисленная родня. Тохтамышевы всегда, во все времена и при любой власти, благодаря незаурядной, генетически переходящей из поколения в поколение предприимчивости умели устраиваться на сытные хозяйственные должности, не связанные напрямую с политикой, в которой случаются разные, вплоть до кардинально противоположных, веяния. Дружно поддерживали, когда это было не вредно для собственного благополучия, тех из родичей, кто в этой поддержке нуждался. Развивали и совершенствовали нужные связи, неплохо ориентируясь в сложных хитросплетениях и интригах на уровне руководящих звеньев не только своего района, но и области, республики. И всегда безоговорочно, как и друг друга, идейно и финансово поддерживали официальную государственную власть (идейно, следует заметить – всю власть, а финансово – только отдельных её представителей, от которых напрямую зависело решение тех или иных, важных для Тохтамышевых, вопросов). Поддерживали не только безоговорочно, но и, в необходимой мере, опять же в зависимости от ситуации, активно. А там, где очень надо – и вовсе взхлёб.

Естественно, в период Советской власти – от её победы в 1917 году и до поражения в 1991-м – все баймуратовы родственники мужского пола (женщины, традиционно для Востока, хранили домашний очаг), как и он сам, были члена-

ми коммунистической партии и депутатами Советов разных уровней, вплоть до Верховного Совета страны. Один из его родных братьев трудился в должности председателя хлопководческого колхоза-миллионера, другой работал директором крупного хлопкоочистительного завода, третий – начальником контрольно-ревизионного управления соседнего района. Двоюродный дядя занимал высокую должность заместителя председателя облисполкома, а кое-кто из более далёких по крови, но не менее близких по духу родственников возглавлял даже республиканские ведомства и жил не где-нибудь, а – в столичном городе Ташкенте. Были неплохие личные контакты, связанные с общественными обязанностями, и в Москве, куда депутат Верховного Совета СССР Баймурат Тохтамышевич Тохтамышев ездил с не меньшим удовольствием и шиком, чем в Ташкент.

Надобно сказать (что следует и из первых строк настоящей главы), ездить с шиком-блеском в Ташкент и более далёкую и роскошную Москву товарищу Тохтамышеву было на что, и проводил он там время не только в служебных и депутатских заботах. Баймурат-ака любил жизнь во всех её приятных проявлениях, чему немало способствовало и то, что при любой власти и в какие угодно времена человеку с большими деньгами доступно многое. А если ты не только богат, но ещё, к счастью, и здоров, то не получать от жизни всех доступных тебе благ не только глупо по отношению к самому себе, но и как-то даже неловко перед людьми: не пой-

мут братья-мусульмане везунчика Тохтамышева, ох, не поймут... особенно те из них, кто сам не беден и не болен. Поскольку же Советская власть, в эпоху которой сила и могущество рода Тохтамышевых достигли апогея, не приветствовала материального богатства своих граждан, то, следовательно, и многие удовольствия люди, умевшие зарабатывать (естественно, нелегально) большие деньги, старались получать, соответственно, тайным образом, провинциалы – периодически «зависая» в столицах, где их мало кто знал в лицо, столичные «теневые» дельцы наоборот – в глубокой провинции. И «зависания» эти никак не тормозили налаженных механизмов получения сверхдоходов там, дома у этих дельцов – хорош тот капитал, который способен самовоспроизводиться (иначе какой же это капитал?) в отсутствие хозяина.

У Тохтамышева, как человека дальновидного и обладавшего обширнейшими знакомствами в нужных ему сферах на разных уровнях, всё в этом плане было на высоте. Без особых сложностей получая в местном отделении Госбанка крупные подотчётные суммы наличных денег, он посредством этих денег легко обеспечивал подведомственному ему предприятию выполнение и перевыполнение государственных планов и социалистических обязательств по заготовкам сельскохозяйственного сырья. Заготовители, штат которых состоял в основном из родственников Тохтамышева и иных проверенных людей, рассчитываясь чистоганом сию же минуту, ску-

пали без квитанций, по заниженным ценам у сельского населения шкуры разных видов животных, шерсть, пух, мясо, масло и множество прочей сельхозпродукции. Затем приходовали всё это по государственным расценкам с высокой сортностью, заполняя по своему усмотрению необходимое число корешков квитанционных книжек. Разницу в деньгах сдавали уполномоченным от директора лицам, оставляя каждый себе, естественно, установленный «законный» процент прибыли.

Периодически (недоброжелатель сказал бы: «с подозрительным постоянством») на сырьевых складах заготконторы либо происходили небольшие, символические по сути, пожары, либо сырьё кое-где подмачивалось сквозь прохудившуюся и упорно никем не ремонтируемую крышу дождём, либо случались ещё какие-нибудь неприятности в виде, например, таинственной, без следов ног и отпечатков пальцев рук, кражи со взломом, ни одна из каковых ни разу не была раскрыта местными милицейскими сыщиками. Это давало законный повод часть поступающего сюда сырья регулярно списывать как безвозвратно утраченное или основательно повреждённое и не подлежащее восстановлению, а часть – понижать в сортности как потерявшее лучшие потребительские качества, что приносило руководящему ядру заготконторы немалые барыши. Откуда и как – вопрос риторический: списывалось сырьё во много раз больше, чем уничтожалось или приводилось в негодность стихией, умело ис-

пользуемой, а то и регулируемой людьми. Да и с закупочной сортностью – статья подпольных доходов не менее важная, чем полное списание пришедшего в негодность сырья или пересортица подпорченного той же стихией. Скупил, скажем, заготовитель у населения какого-нибудь кишлака партию шкур на сотню или тысячу рублей без квитанций как низкосортную продукцию, а приходится её потом по высшему сорту на сумму, значительно большую. Затем, само собой разумеется, немалая часть официально оформленной суммы списывается и поступает прямым ходом в «чёрную кассу», откуда, после некоторого «отсева» в карманы руководящего ядра, идёт снова на «левый» закуп сырья с полным уже присвоением выручки. И объёмы такого «левака», благодаря хорошо поставленному делу, росли себе, да росли.

Такое положение дел, если отбросить в сторону чисто государственные интересы, устраивало всех – и сдатчиков сырья, получавших неучтённые наличные деньги пусть и в меньших, чем положено, суммах, зато сразу; и сотрудников контролирующих органов, получавших мзду за «правильно» составляемые акты плановых и внеплановых проверок; и – высоких должностных лиц органов государственной власти, также имевших свою долю дохода от этого процветающего теневого бизнеса плюс репутацию успешных руководителей района, регулярно выполняющего и перевыполняющего планы госзакупок.

За умелое и продуктивное руководство дружным сплю-

чённным коллективом заготовителей директор райзаготконторы товарищ Тохтамышев был удостоен множества денежных премий и целого ряда правительственных наград, и неизменно заседал в президиумах важнейших районных и областных, а нередко и республиканских совещаний и праздничных торжественных собраний.

Многими достоинствами обладал этот находившийся в расцвете сил и лет человек, об истинном могуществе которого можно было складывать легенды. Но были у него и присущие неординарным, многого достигшим личностям слабости, навязчивые идеи-цели, с которыми, при всей силе характера и прагматичности ума, Баймурат-ака совладать не мог, в результате чего тратил на удовлетворение этих слабостей и продвижение к довлеющим над его сознанием целям немалые деньги, массу времени и сил. Пожалуй, крепче прочих таких навязчивых идей овладело Тохтамышевским разумом непреодолимое желание, мечта – добиться получения почётного звания Героя Социалистического Труда. И крайне желательно – дважды, поскольку именно в таком случае на малой родине Героя ещё при его жизни, по существующему в стране закону, от имени государства устанавливался его бюст со всеми вытекающими отсюда ласкающими душу событиями: торжественные речи у бюста в большие и малые официальные праздники, возложение к его подножию цветов, и прочие знаки общественного признания.

Вряд ли намного отставала от сей мечты Баймурата Тох-

тамышевича его чрезвычайная слабость к женскому полу. А как мужчину, относящего себя к всесторонне здоровым особям, влекли его, в первую очередь, конечно же – красивые, юные и свежие. Он уродился необыкновенно любвеобильным самцом, и «пользовал» их настолько страстно и самозабвенно, что ради взаимности очередной фаворитки не жалел ничего, и шёл порой на многое, включая неблагоразумный риск.

Жена Тохтамышева была чуть моложе его самого, ничем не выделяющейся внешне и тихой характером узбечкой, воспитанной в духе азиатских традиций – безупречном исполнении супружеского долга во всех его проявлениях, в том числе и невмешательстве в дела мужа за пределами собственного дома. Но, живя в материальном достатке, благополучии и неге, эта верная и примерная во многих отношениях женщина была глубоко несчастна: Аллах не дал ей главной женской способности – рожать детей. Чувствуя от этого тяжкий стыд перед родственниками и неизгладимую вину перед мужем, который хотя ни разу не попрекнул её ни в чём, но с каких-то пор утратил к ней всякий мужской интерес и, не особо скрываясь, удовлетворял свои естественные половые потребности на стороне, она неоднократно пыталась свести счёты с жизнью. Но всякий раз ей что-то мешало. Краем уха она слышала от «доброжелателей», что её муж обожает юных девиц, тратит на них баснословные деньги, и прекрасно понимала: рано или поздно он захочет ввести в свой дом

молодую здоровую самку для продления рода. А ей самой в чаяниях мужа о семейном счастье места уже давно нет, и не будет. Наконец, после серии неудачных попыток, ей удалось осуществить задуманное...

Смерть эта для общественности осталась почти незамеченной: никто в районе не осмелился вслух рассуждать о случившемся в доме такого серьёзного и уважаемого человека, как Баймурат-ака Тохтамышев. А женщин в Средней Азии всегда хоронили куда тише и скромнее, чем мужчин.

Баймурат-ака действительно обожал девственниц и платил за их первую ночь с ним такие деньги, устоять перед которыми было очень сложно. Затем девчонок, всегда одним и тем же способом соблазнённых и превращённых в женщин, тихо выдавали замуж за кого-нибудь попроще и победнее, и за определённую, опять-таки денежную компенсацию всё оставалось шито-крыто: сами невесты, их женихи и родственники об украденном счастье первой брачной ночи предпочитали помалкивать. Иное – себе дороже.

Но рассчитывать на забавы исключительно с девственницами – дело сложное: женщину хотелось каждодневно, точнее – еженощно, а где их, целомудренных, столько взять? Не обложишь же весь же район такой сумасшедшей данью... да и опасно – все ли обиженные будут молчать вечно? Всегда может найтись отец, брат или жених, которого никакими отступными не купишь...

Да и... в непорочных девочках что возбуждает в первую

очередь? Свежесть, чистота и хоть какой-то, да испуг перед неизведанным,

непопробованным – порогом в новое состояние. А в остальном – от опытных женщин куда больше толку, особенно от недоделённых любовью незамужних, ночующих с тобой без страха и упрёка, как говорится. И для неё, и для тебя – опасности никакой, всё красиво и, можно сказать, пристойно. И таких женщин куда больше, чем целомудренных смазливых соплячек, кое-как созревших для более-менее полноценной ночи с мужчиной. Но... опять же... почему именно к девственницам тянет опять и опять? Ответ – на поверхности, он тот же... чистота, испуг... И снова – тяга к опытным... замкнутый круг какой-то.

Это что касается соплеменниц Тохтамышева. К белокурым же красавицам-славянкам и представительницам других рас и народностей у него было иное отношение. Приезжая по делам в Ташкент или Москву, Баймурат-ака, которого всюду встречали с удовольствием благодаря неизменно щедрому чаевым, снимал лучшие номера в лучших гостиницах. Но почти никогда в них не ночевал, оставляя там для порядка основную часть личных вещей и числясь лишь номинально для последующих формальных командировочных отчётов. Ночами этот солидный гость пропадал в других местах.

Если взяться описать словами, что, дескать, там, где чаще всего проводил свои бессонные командировочные ночи

великолепный Тохтамышев, шампанского были не брызги, а фонтаны, столы ломились от изысканных яств, а целый гарем красоток до самого утра ублажал годившегося им в отцы крепкого сидящего брюнета восточной внешности, – значит, ничего не сказать: такое нужно видеть...

Преодолев определённый возрастной барьер, который у русских для немолодых уже, но ещё крепких, способных дать многим фору мужиков нередко обозначают поговоркой «старый конь борозды не портит», Баймурат-ака год за годом начинал с беспокойством ощущать, что традиционные, пусть в той или иной степени изощрённые, но, в конечном итоге, банальные, давно ставшие привычными женские ласки волнуют его меньше и меньше. С возрастающей настойчивостью стало напоминать о себе откуда-то взявшееся желание чего-то нового, необычного, экзотического. Порою, скупая от пресыщенности, он пытался и не мог пока понять, чего же хочет его душа такого неизведанного. Перепробовал, казалось, всё, что только можно получить в первоклассном гареме даже самого богатого прелюбодея. Непонятно чего, но хотелось сильнее и сильнее.

Он всё охотнее стал возвращаться в мыслях к тем чистым существам, для которых ночь с Баймуратом Тохтамышевичем была первой в жизни. Не помня всех, перебирал в памяти лучших, а в отношении этих лучших – восстанавливал до мельчайших подробностей самые чувственные моменты. И ему ненадолго становилось легче...

Однажды его осенило: он понял, чего хочет, чего ещё не пробовал: гарем, но качественно новый. Как таковой гарем красоток, умудрённых постельным опытом – вчерашний день. Ночей с девственницами один на один, после чего те переходили в категорию обычных женщин – тоже было предостаточно. А вот... гарем из непорочных девчушек, юных и наивных – это омолодит душу и тело Баймурата так, как не омолодит ни одно другое средство!..

И со временем он в своих столичных командировках начал заказывать на ночь трудноформируемые, а оттого и небольшие группы (всё прочее в постели ему уже было невыносимо тоскливо) исключительно девственниц подросткового возраста разных национальностей и цветов кожи. Это влетало в копеечку куда более ощутимую, чем плата за все прежние удовольствия. Но потраченные круглые суммы были не главным, что его беспокоило. Неожиданно для себя Тохтамышев вдруг осознал, что вся эта купленная любовь, какой бы она ни была с виду свежей и страстной, не стоит, в конечном итоге, и ломаного гроша. Ведь она всего-навсего демонстрирует его кратковременную власть над этими красивыми, милыми внешне, а по сути униженными, забытыми существами – рабынями циничных и алчных подпольных сутенёров. Пытаясь за денежное вознаграждение доставить ему максимальное эротическое удовольствие, девчушки добросовестно отрабатывали свой гонорар, и всего лишь. Они, как умели, изображали нежность, страсть, даже экстаз,

но на самом деле были равнодушны к Баймурату. Уедет он домой – их завтра же купят для своих сладострастных утех следующие клиенты.

Единственная настоящая острота ощущений от таких оргий в последнее время состояла для него в строжайшей их конспирации: в Советском Союзе за содержание притонов и сводничество предусматривалась уголовная ответственность. А за вовлечение в подобные дела лиц, не достигших половой зрелости, эта ответственность ужесточалась многократно. И – всё. В остальном он с каждым разом больше и больше скучал. И за искреннюю любовь или просто человеческое уважение к себе со стороны любой из этих юных жриц любви он с готовностью отдал бы если не всё, то уж никак не поскупился бы...

Во время одного из очередных подобных, уже порядком наскучивших ночных походов, которые не сумел, как ни старался, скрасить и отряд готовых за щедрое вознаграждение расстаться с девственностью молодых, только-только начинающих созреть красоток, Тохтамышеву невыносимо захотелось простого супружеского счастья: чтобы его полюбила, вышла за него замуж и от всей души, с радостью подарила ему наследника обыкновенная черноокая и чернокосяя узбекская девушка. Тем более что ушедшая не так давно из жизни его жена такого подарка сделать ему так и не удосужилась, даже в единственном числе, не говоря уж о многолетней национальной традиции.

Впервые за многие годы он возвращался из столичной командировки хмурым и подавленным.

XXII

В окружении заслуженных и уважаемых людей района директор заготконторы Баймурат-ака Тохтамышев восседал в президиуме торжественного собрания, посвящённого празднованию годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Сразу после собрания, как водится, состоялся большой концерт мастеров искусств, на время которого члены президиума спустились в зал и заняли первый, для почётных гостей, ряд.

Гвоздём программы на этот раз стало выступление юных дарований – участников вокально-танцевального ансамбля местной школы-интерната. Когда на сцене появились две совершенно одинаковые, удивительно красивые и грациозные восьмиклассницы-узбечки Гульнара и Динара Азимовы, Тохтамышев чуть не потерял дар речи от восторга. А когда девушки продемонстрировали своё изумительное исполнительское мастерство, Баймурат-ака не удержался, вскочил с места и принялся изо всех сил аплодировать стоя. Глядя на него, ряд за рядом поднялся на ноги и долго рукоплескал весь зал.

Смущённые юные артистки исполнили дополнительный номер «на бис».

Овации зала, вдохновлённого ревностным ценителем на-

родного творчества Тохтамышевым, и не думали стихать. Пришлось девчонкам спеть и станцевать опять, затем ещё раз. И так до тех пор, пока они не утомились окончательно, да и репертуар, которым они владели, не был полностью исчерпан. Откуда-то появились огромные букеты цветов...

Через несколько дней после концерта между дирекциями школы-интерната и заготконторы был подписан договор о шефской помощи районных заготовителей общеобразовательному учреждению, умеющему воспитывать такие многообещающие таланты, но не имеющему достаточных материальных средств для обеспечения по-настоящему достойных условий «шлифовки» этих редких талантов, их в должной мере скорого и столь нужного для развития культурной жизни страны продвижения на подобающий уровень.

А ещё через день-другой в интернатском актовом зале в избытке появился весь необходимый реквизит для постановки самых разных спектаклей, дорогостоящий инвентарь. Были закуплены и доставлены сюда классические и народные музыкальные инструменты, которых хватило бы на несколько школьных поколений. А Баймурат-ака Тохтамышев сделался завсегдатаем на репетициях ансамбля. И всегда являлся с такой кучей подарков и вкусных угощений, что воспринимался детьми как добрый волшебник. К нему быстро привыкли как к родному и репетировали в его присутствии без малейшего стеснения.

XXIII

22 апреля 1970 года, в день празднования 100-летия со дня рождения вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина, восьми-девятиклассников школ районного центра в торжественной обстановке принимали в комсомол.

К этой же дате директор райзаготконторы Баймурат Тохтамышевич Тохтамышев был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Церемония его награждения золотой звездой-медалью «Серп и Молот» одновременно, как предусматривалось законодательно прописанной процедурой, с орденом Ленина состоялась, так уж совпало, совместно с вручением школьникам новеньких комсомольских билетов и значков.

Пламенным поздравительным речам не только в прозе, но и в стихах не было конца. Солнечная погода и множество сияющих улыбок вокруг памятника В. И. Ленину на центральной площади райцентра, где происходили эти радостные события, девственной чистоты яркая свежая листва окружающих площадь молодых деревьев, весело щебечущие птицы в ясном небе – что может быть лучше, чем получить звезду Героя в такой обстановке! Но самый приятный миг в этот счастливый день подарили Тохтамышеву две только что принятые в комсомол юные красавицы-близняшки в лёгоньких снежно-белых кофточках и коротеньких тёмных юбочках, едва прикрывающих изящную стройность девичьих ног, подбежавшие к нему с букетиками цветов в руках, и с двух сто-

рон

чмокнувшие его в обе щеки.

Именно этот «чмок» – ещё совсем по-детски чистый, безгрешный поцелуй и лишил новоявленного Героя присущего ему хладнокровия, положил начало мучительной бессоннице долгими последующими ночами. Но бессонница будет потом, а сейчас он приглашает в числе других гостей весь интернатский вокально-танцевальный ансамбль к себе домой на праздничный пир, посвящённый сегодняшним событиям.

XXIV

Празднество в большом богатом доме Тохтамышева проходило весело и шумно. Хозяин, сбросив с себя обычную солидность и серьёзность, веселился наравне со всеми. С особым удовольствием он танцевал медленные танцы со школьницами, шуточно целовал их в щёчки по окончании каждого танца, не делая между девушками никаких различий. Но по-настоящему его интересовали лишь две из них... и незаметно для окружающих он зорко следил за ними, ни на минуту не упуская обеих из виду.

Умудрённый немалым жизненным опытом вообще, а в делах сердечных особенно, Тохтамышев прекрасно понимал, что начинать откровенно ухаживать за Гульнарой или Динарой на этом празднике – глупо. По разным причинам. Во-первых, он пока ещё не научился отличать одну от другой, а путаться в их именах при прямом общении было бы неловко.

И, вдобавок, он ещё не понял, какая же из них конкретно завладела его сердцем и должна стать его счастливой судьбой – сердце одинаково страстно замирало при виде любой из них. Неужели?.. Нет-нет! Слишком уж это невероятное, да и недопустимое по советским законам счастье – заполучить в жёны обеих сразу. Эх, как хорошо было в Средней Азии до прихода Советской власти, когда каждый имел право на такой гарем, какой только способен прокормить! О, Аллах! Где ты? Помоги, ведь до сих пор ты не оставлял Тохтамышевых во всех их делах и заботах. Ну, или – почти во всех...

А во вторых... пожалуй, куда более веской, чем безобидная в общем-то путаница в именах похожих друг на дружку как капельки родниковой воды девчонок, причиной, заставлявшей влюблённого Баймурата Тохтамышевича соблюдать так несвойственную ему осторожность в проявлении нежных чувств, был брат-близнец Гульнары и Динары Валеджан, не отходивший от сестёр ни на шаг. Приближённые уже докладывали хозяину о взрывном, мало предсказуемом и бескомпромиссном характере этого известного интернатского дебошира, скандал с дракой для которого – плёвое дело, кто бы перед ним ни стоял. А когда дело хоть каким-то краем касается семейного вопроса, он становится особенно неуправляемым, даже опасным.

И ещё одна досадная причина вынужденной пассивности ухажёра-профессионала Тохтамышева вертелась весь праздник перед его глазами: от Гульнары и Динары также ни на

шаг не отходили влюблённые в них двое блондинистых братьев-близнецов из их класса и ансамбля, которые, видно, ещё и дружны с этим обещающим мало хорошего любим другим претендентам Валеджаном. Хотя и этим мальчикам, похоже, тоже вряд ли поздоровилось бы, поведи они себя по отношению к девчонкам чуть развязнее.

Что же делать? Пустить развитие событий на самотёк и беспомощно дожидаться, пока эти белесые недоноски не уведут под венец двух ярчайших звёздочек Вселенной? Ну, уж, дудки! Не тот человек Баймурат Тохтамышев, чтобы позволить кому-то забрать у него из-под носа такую лакомую добычу!

Помощники Тохтамышева, числившиеся в райзаготконторе рядовыми работниками, а на самом деле, будучи его глазами, ушами и руками, ворочавшие во благо их хозяина (не слишком при этом обделяя и самих себя) несчитанными деньгами, обладавшие всеми необходимыми для обеспечения его процветания и спокойствия познаниями и навыками, умевшие качественно и быстро выполнять любые, даже сверхсложные сумасбродные баймуратовы задания и пожелания, дело своё знали: в разгар веселья музыка вдруг стихла, и слово было предоставлено главному, а точнее

– старшему по возрасту виновнику торжества (ибо виновников в целом – новообращённых комсомольцев, было здесь много, и каждый в душе воспринимал самого себя первым среди равных).

– Друзья! – провозгласил, окидывая умилённым взглядом толпу наслаждающихся праздником гостей Баймурат-ака. – Я счастлив, что в такой знаменательный для меня лично и для всех нас день вижу вокруг себя так много красивых людей. Особенно прекрасна сегодня наша молодая смена, ставшая всего несколько часов назад комсомольцами. А вот эти две наиболее привлекательные, не в обиду другим, пары меня вообще радуют до слёз. Хочу в их честь объявить белый танец, чтобы все дамы пригласили тех кавалеров, которые им более всего по душе. Не стесняйтесь! Здесь все свои. А по окончании танца будет вручён приз-сюрприз тем двум партнёрам, которые не перепутают имён этих симпатичных парней-близнецов. Музыка!

Заиграло танго. Пока остальные желающие потанцевать девушки и взрослые женщины гадали, кто из одинаковых, как две пули в одной обойме, отроков Илюха, а кто – Колюха, к смутившимся братьям-близнецам со смехом подскочили Гульнара и Динара, и с грациозным шутивным реверансом пригласили их. Следующий танец, к радости обеих довольных парочек, оказался также медленным. И третий, как по заказу, – тоже...

Удовлетворённо убедившись, что сёстры на некоторое время попали в относительно правильные руки, и в данный момент им ничто особо не угрожает, Валеджан пошарил в карманах своих тщательно отутюженных по сегодняшнему случаю брюк, намереваясь шмыгнуть куда-нибудь на воздух

покурить как настоящий мужчина. Но не успел. От приглашения на белый танец такой красивой партнёрши, какая подошла сейчас к нему, не смог бы отказаться не только Валеджан, а, пожалуй, и – кто угодно даже повзрослее и поискушённое в амурных похождениях. Это было стройное большеглазое чудо с модной чёлкой на чистом лбу и на высоких, совсем взрослых каблуках. Она и была очевидно взрослее Валеджана, училась, скорее всего, в выпускном десятом классе, или даже в институте. И – значительно опытнее его, как потом оказалось, в жизни. Чуть не задыхаясь от прикосновения к его лицу её благоухающих тончайшими ароматами локонов, а к телу – выпирающих сквозь полупрозрачную кофточку кончиков грудей (лифчика под кофточкой не было), Валеджан танцевал самозабвенно и долго – несколько танцев кряду, впервые потеряв бдительность по отношению к безопасности сестёр.

Близняшки же Гульнара и Динара, избавленные таким образом от строгой неотрывной опеки брата, на этом праздничном пиру, впервые в своей жизни, попробовали спиртное – настоящее «Советское» шампанское. А их «женихи» Илюха с Колюхой Сухоруковы, спеша обрести статус полноценных мужчин, приложились к рюмкам более крепкого напитка – настоящего пятизвёздочного коньяка, причём – неоднократно, поскольку отказаться от этого под умелые подначивания управлявших пиром взрослых людей было трудно.

Валеджан, в силу своей некоторой приобщённости к об-

разу жизни местной, за стенами интерната, «шпаны и коды», считающий себя более сведущим, нежели его сёстры и их «женихи» Сухоруковы в атрибутике застолий со спиртным, с видом бывалого гуляки опорожнил и вовсе немало сосудов с многоградусными напитками. И его прекрасная новая знакомая оказалось для него в качестве спутницы истинной находкой: она неустанно заботилась о том, чтобы Валеджану было хорошо – ему и в самом деле было с нею необычайно комфортно.

Этот праздничный вечер произвёл на всех его участников наилучшее впечатление. И, по общему признанию, главным образом – благодаря его гостеприимному, обаятельному и остроумному хозяину. Единственное, что в этом хозяине было всё же не совсем приятно, даже несколько жутковато для молодёжи, особенно при общении с ним на близком расстоянии, так это цвет глаз. Один глаз у Тохтамышева был болотисто-зелёный, другой – водянисто-серый. Наверное, из-за этого досадного недоразумения в своей внешности он и надевал довольно часто, не всегда к месту, тёмные очки.

Через некоторое время Баймурат Тохтамышевич, празднуя свой день рождения, устроил не менее грандиозную вечеринку и, на правах руководителя шефского предприятия, опять пригласил весь интернатский вокально-танцевальный ансамбль, в состав которого входили, как мы помним, кроме Гульнары и Динары, ещё и их брат Валеджан и «женихи» Илюха с Колюхой Сухоруковы. И на этот раз праздник также

прошёл «на ура», то есть лучше некуда, оставив о себе в памяти приглашённых такие же как и в прошлый раз, восторженные воспоминания.

Постепенно подобные празднества приобрели систематический характер. Редкий «красный день календаря» обходился теперь без приглашения в дом директора заготконторы всё того же круга интернатовцев. И приглашения эти принимались с превеликим удовольствием, уже как само собой разумеющееся. Всем было на этих пиршествах весело, никого ничто не тревожило, кроме разве что периодической головной боли от выпитого сверх меры или расстройства желудка с кишечником от не так съеденного. Валеджан увлечённо ухаживал за своей новой пассией-красавицей, ведь в доме доброго хозяина Тохтамышева его сёстры, в числе всех остальных гостей – как в крепости, а значит, лишняя мелочная опека девчонкам здесь ни к чему. Братья-близнецы Сухоруковы, солидарно придерживаясь мнения своего друга, также вели себя на этих пирушках свободно и расслабленно, время от времени легкомысленно отлынивая от тесного общения с «невестами» Гулькой и Динкой, чтобы потихоньку «дёрнуть» с кем-нибудь из не менее общительных, чем их «шеф», помощников Тохтамышева «по маленькой». И снисходительно усмехались, глядя, как робко хозяин дома приглашает по очереди девчонок на медленный танец. Махнув рукой на очередную такую уморительную сцену, они спокойно отвлекались на свои «взрослые мужские» пункты про-

граммы типа всё той же процедуры «дёрнуть по маленькой».

Сам же Баймурат-ака денно и ночью изнывал от неумолимо растущей страсти к девушкам-близняшкам. Он с нетерпением ждал, когда, наконец, всемогущий Аллах сподобится помочь ему, и с прекрасными юными жемчужинами можно будет поступить как со взрослыми. А на первых порах – хотя бы поговорить о главном.

Но прямо заговорить с божественными созданиями на эту важнейшую теперь тему его жизни он не решался. Не получалось – и всё тут... хоть ты тресни! А ведь в роду Тохтамышевых слабаков и трусов никогда не было, а решимости и крутости нрава одного из последних отпрысков этого рода – Баймурата мог бы позавидовать любой мужчина. Девчущки же эти, Гильнара и Динара, воспринимали его всего лишь как доброго и благородного пожилого шефа их интернатского ансамбля, называя его, даже на людях, не иначе как «дядя Баймурат» (тьфу!)

А уж чтобы посмотреть на всемогущего грозу района, Героя Социалистического Труда товарища Тохтамышева как на мужчину, достойного стать их общим, одного на двоих, мужем, и в мыслях, однозначно, ничего подобного...

Но... о чём это он опять? Такие мысли исключены в их девчачьих умах хотя бы потому, – напоминал себе Баймурат-ака ещё и ещё раз, – что в советской социалистической стране абсурдно вообще говорить о семье, где у одного мужа может быть больше одной жены. Даже если в достойного

претендента возьмут, да и влюбятся одновременно хоть сто прелестных девушек, всё равно гарем исключается категорически. Моногамия – единственно законный здесь вид брака. О-о, проклятые советские законы!!!

Страдал Баймурат-ака, мучился, задыхался от злости и ненависти к чуждому для истинного мусульманина мировоззрению, пришедшему когда-то вместе с советской властью, без особого приглашения, в азиатские республики и одержавшему верх... но никак не мог найти выхода из этого тупика.

Купить девчонок, спрятать, сделать их тайными наложницами, которые тихо родят ему каждая хотя бы по одному внебрачному наследнику и будут на пожизненном негласном содержании? Но и такой вариант вряд ли пройдёт. Обе сестрицы – развитые и раскованные представительницы современной молодёжи, которой палец в рот не клади и сам чёрт не брат. Скорее предпочтут убогое нищенское сожительство со своими сверстниками-простолюдинами где-нибудь в необустроенной общаге или бараке, а то и дырявой брезентовой палатке на любой из многочисленных так называемых комсомольских строек, чем жить в роскоши рабынями, угождая хоть и неизмеримо более благородному и состоятельному, чем все эти безусые юнцы вместе взятые, но всего одному на двоих, да ещё и стареющему супругу...

Дуры!.. Не понимают, пока ещё, своего счастья, которое – вот оно, скажи только маленькое «да». Но уж они-то дуроч-

ками себя вряд ли считают...

Взять силой, нелегально увезти за границу, в какую-нибудь из мусульманских стран, где гаремы существуют открыто, в полном согласии с правильным законодательством этих стран? Но Баймурат-ака жаждал сейчас взаимной любви, он не стремился к насилию, хотя любви таковой, несмотря на все его старания, добиться пока не мог.

Выбрать из них двоих одну, и уговорить выйти за него замуж открыто и честно? А взамен – обеспечить её родных пожизненно таким материальным достатком, что дух захватит... но и такой компромиссный вариант наткнулся на неодолимое препятствие: Тохтамышев в какой-то момент твёрдо осознал, что хочет только обеих сразу. Иначе – вся дальнейшая жизнь теряла для него смысл.

XXV

Наступил последний учебный год близнецов: Гульнара и Динара, их брат Валеджан и женихи-близнецы Илюха с Колюхой стали выпускниками – учениками десятого класса. Вступившие, как гласил действовавший в республике закон, в брачный возраст шестнадцатилетние Илья с Гулей и Николай с Диной готовились объявить родителям о снедающем всех четверых страстном желании воспользоваться своим правом на создание семьи.

Не отстал от них и Валеджан. Девушка, с которой он познакомился ещё в восьмом классе на праздничном пиру у

директора заготконторы – шефа их вокально танцевального ансамбля, была уже месяца три, как беременна. Но сообщать об этом кому-либо из взрослых молодые пока боялись. И – было почему.

Как выяснил Валеджан вскоре после своего счастливого знакомства, красotka оказалась родственницей Тохтамышева. В подтверждение первой же предположительной догадки юноши, когда она пригласила его на белый танец, девушка действительно оказалась старше Валеджана на два года и, заметно опережая его в развитии, включая и житейский опыт, щедро делилась со своим милым дружкой всем, что успела постичь в жизни к настоящему моменту, помогая тем самым и ему своё развитие ускорить.

Роза – так звали девушку – была не только очаровательна наружно, но и с богатым внутренним миром. Она хорошо пела, танцевала, вышивала, играла на фортепьяно, ориентировалась в русской и узбекской литературной классике, знала основной репертуар советского киноискусства и фамилии всех более или менее знаменитых актёров. Общаться с нею было настолько интересно и захватывающе, что Валеджан, сам того не замечая, начал постепенно отдаляться от своих любимых уличных азартных игр, отдавая себя с величайшим удовольствием во власть обаяния Розы. Но главное – Роза, благодаря своей особой привлекательности и ускоренному всестороннему развитию рано познавшая плотскую близость с мужчиной и имевшая в этом весьма неплохой для своего

возраста опыт, умела доставить Валеджану ни с чем не сравнимое любовное наслаждение, чем ещё больше привязывала его к себе. И, видит Бог, привязала так, что крепче если и бывает, то только, наверное, в сказках...

Она не сразу рискнула рассказать Валеджану о первоначальной цели своего с ним знакомства на том званом вечере у Тохтамышева, но теперь была в своих чувствах совершенно безыскусственна. Тогда же, когда её попросили на какое-то время завлечь ревнивого до одури «хранителя чести семьи» – брата сестёр-близняшек, жёстко стерегущего их, казалось, не только от окружающего мужского мира, но и от самого себя, никто и не предполагал, что дело с этим «игрушечным адюльтером» зайдёт так далеко. Будучи уверенными в здравомыслии, когда надо, красавицы Розы, приближённые Тохтамышева благословили юную шпионку и на дальнейшее продолжение знакомства с «бешеным» Валеджаном, чтобы и на последующих подобных праздничных мероприятиях парень был надёжно изолирован от тех участников пира, с кем хотел бы почаще общаться сам Тохтамышев. И вот результат... Роза и Валеджан тайком от всех, кроме Гульнары с Динарой и их избранников Илюхи с Колюхой, уже длительное время были фактически мужем и женой. И у них через назначенный природой срок будет ребёнок. Только ведь прибьёт Розу Тохтамышев, – возможно, насмерть, – если каким-то образом унюхает о таком предательстве. Да и Валеджану не сносить головы...

О своём участии в пирах у Тохтамышева никто из девочек и мальчишек своим родителям ни разу ни словом не обмолвился. В том числе и вся наша компания близнецов – Тамаре «шофёрке-ханум» и Николаю Захаровичу, которые, со своей стороны, тоже были грешны: неофициально сожительствовали друг с другом уже не первый год, иногда даже вместе, будто случайно, появляясь в интернате, чтобы навестить детей, как бы каждый своих.

Умалчивание о пирушках с не запрещаемым и неограниченным употреблением на них спиртного было понятным – ну, кому охота зазря по пустякам расстраивать «предков», да ещё подвергаться возможным наказаниям? А вот неуклюжие старания родителей скрыть от детей свои заметные с полувзгляда взаимоотношения вызывали недоумение и, отчасти, даже жалость. Во-первых, взрослым-то чего стыдиться и кого бояться? А во-вторых, почему бы им хоть под старость лет и не насладиться жизнью в полную силу, по-человечески?

Дети единогласно готовы понять и простить одни мать, другие – отца. И даже – на какое-то время, учитывая двусмысленную щекотливость ситуации, – может быть, кое-чем поступиться в личном плане... Не думали и не гадали вынашивавшие такое благородно-самоотверженное решение влюблённые близнецы, что их родители, решившись, наконец, официально «расписаться» в ЗАГСе, сами волевым решением наложат на женитьбу обеих парочек жёсткое табу.

Иначе, дескать, что же это за семья такая получится?.. Содом и Гоморра¹², прямо...

XXVI

Незадолго до осенних каникул, перед праздничным концертом, посвящённым очередной годовщине Великого Октября, братья Сухоруковы – Илюха и Колюха, отчасти за отличную учёбу, но главное – за творческие успехи в составе ансамбля, были щедро поощрены шефской организацией – райзаготконторой. Лично сам её директор Баймурат-ака Тохтамышев вручил близнецам бесплатные путёвки для тематически-познавательной, и в то же время развлекательной поездки на осенние каникулы, в составе группы лучших учеников района, по ленинским местам страны: в Москву, Ленинград, Ульяновск и ряд других, менее известных Илюхе с Колюхой городов. На самолёте, поезде и милом сердцу по волнующим воспоминаниям раннего детства теплоходе!

Отказываться было грех. Единственное, что удручало чуть не до до апатичного состояния – это пусть и временная, но нешуточная недельная разлука с Гулькой и Динкой, не попавшими в эту группу путешественников только потому, что, как объяснили заготконторские устроители поездки, они недотягивали до круглых отличниц, как и их брат Вале-

¹² *Содом и Гоморра* – легендарные библейские города, уничтоженные Богом за грехи их жителей. Название *Содома* стало нарицательным, от него произошло понятие «*содомия*», служащее для обозначения аморальных сексуальных практик.

джан, который и вовсе был троечником.

Валеджан в канун праздника тоже ходил сам не свой: у его любимой подруги Розы, где-то в другой области Узбекистана, тяжело заболела престарелая родственница, жившая одиноко, и Тохтамышев попросил девушку съездить к той общей их родственнице на парочку недель – проведать, передать гостинцы от Тохтамышева, поухаживать до первых признаков выздоровления. Отказывать уважаемому родичу было неудобно, тем более что его материальной поддержкой время от времени, когда наступала трудная минута, пользовалась чуть ли не вся родня, в том числе и Роза. Она, конечно, согласилась, и попросила Валеджана проводить её до места назначения, а ещё лучше – и побыть вместе с нею у той родственницы, но только чтобы дядя Баймурат, не да Бог, не прознал об этом (не догадывались юные конспираторы, что хитрая лиса Тохтамышев знал больше, чем они думали, и заранее предусмотрел именно такой вариант отлучки ненужного здесь в определённый момент «разбойника-психа»). Всё равно наступали школьные каникулы, и пропуск школьных занятий Валеджану не грозил. Да Валеджан и сам, как уважающий себя мужчина, вряд ли отпустил бы куда-то одну свою подругу, находившуюся «в положении».

Гульнара и Динара, выступая в гвоздевых номерах праздничного концерта, были на этот раз не так веселы и энергичны, как обычно. Баймурат-ака, давно сдружившийся с коллективом ансамбля, участливо разделяя грусть девчонок

от предстоящей разлуки с братом и любимыми, был более обычного любезен и предупредителен. Но – не назойлив. Одарив по окончании концерта его участников традиционными подарками от дирекции заготконторы, с вручением обязательных букетов цветов каждой участнице женского пола независимо от возраста, будь та хоть сопливой перво-клашкой, он как бы между делом объявил грустившим, хотя и пытавшимся через силу улыбаться сёстрам Азимовым, что уезжает по важным делам на целую неделю в Москву, и – если надо, то в его отсутствие девчонки могут самостоятельно и совершенно свободно погостить в его доме. А если им одним будет скучно, пусть пригласят с собой сколько угодно подружек, которые на каникулы не разъезжаются по домам. Места и вкусной еды в доме хватит всем.

Предложение это сначала было пропущено мимо ушей. Но в последний момент перед отъездом домой, позвонив матери, чтобы встречала, Гульнара и Динара узнали, что их мать в связи с какими-то обстоятельствами её начальство срочно отправляет в дальнюю командировку – непредсказуемую по продолжительности, но ориентировочно, как минимум, на неделю.

Поразмыслив, девчонки, поскольку дома на этот раз их никто не ждал, да и Валеджанка вряд ли приедет, решили воспользоваться гостеприимством доброго и надёжного дяди Баймурата, и пожить безмятежно, без всякой опеки взрослых, одним в просторном комфортабельном его до-

ме-дворце. А в конце каникул, если повезёт, и мать вернётся из командировки пораньше, съездить, повидаться с ней.

XXVII

Тохтамышев возбуждённо расхаживал взад-вперёд по своему служебному кабинету, нервно потирая потеющие ладони. Долго планировавшееся им безрассудство, которое либо погубит его, либо сделает счастливейшим из смертных, вплотную приблизилось к своему осуществлению, и на сегодняшний день всё складывалось как нельзя удачнее: те, кто мог реально помешать задуманному, устранены. Мальчишки – эти зелёные-незрелые женишки Гульнары и Динары – путешествуют по подаренным им путёвкам неделю, не меньше. Бандюги Валеджана – тоже долго не будет. Матери девчат Тamarке-шофёрке (будущая тёща, говорят, тоже о-очень недурна собой...) он сумел организовать с помощью своих знакомств дальнюю и долгую рабочую командировку. И, наконец, себе обеспечил стопроцентное алиби – оформил, как положено, служебную поездку в Москву на всю ближайшую неделю для участия в качестве делегата от республики в столичных праздничных торжествах.

В общем, всё по всем видимым параметрам шло пока гладко.

Когда он вернётся из Москвы, начальная часть главного этапа операции уже завершится: обе кандидатки в его жёны будут в надёжном месте под неусыпной охраной. И – в пол-

ной изоляции друг от дружки, ведь поодиночке покорить их будет значительно легче. А когда покорятся каждая в отдельности, то в одну прекрасную ночь сбудется, наконец, мечта, снедавшая всё его существо последние два года – эти боготворимые им нежные прелестные существа, обе одновременно с двух сторон лягут с ним, Баймуратом, в супружескую постель... о-о-о...

При мысли об этом, заранее сводящем его с ума блаженнейшем моменте, руки Тохтамышева начинали произвольно чесаться, пот струился по телу ручьями, в глазах темнело. И одновременно откуда-то сзади, из-за спины, назойливо напоздало гадкое чувство, похожее на страх. Но Тохтамышев – не трус. Он – один из хозяев этой грешной жизни. А хозяину дозволено многое, в том числе и относительно тех сторон жизни, которые не совсем умно регламентируются несовершенными законами некоторых стран, в частности – родной советской.

Ну, куда, скажем, годится – в который уже раз с момента знакомства с близняшками возмущался Баймурат-ака – этот государственный запрет многожёнства? Уж кто-кто, а он-то хорошо знал, что многие из тех, кто пишет и утверждает подобные нелепые законишки, имеют любовниц, да зачастую и не по одной, не удовлетворяясь быстро приедающимися ласками единственной разрешённой этими так называемыми нормами права женщины – жены.

А в таком случае... зачем вообще унижать мужское до-

стоинство необходимо получать тайные удовольствия? Почему бы не легализовать то, что всё равно, несмотря ни на какие запреты и наказания, хоть головы отрубай, существовало, существует и будет существовать всегда? Пробовал кто-нибудь посчитать, сколько по всей огромной нашей стране изнывает от тоски достойных лучшей участи незамужних женщин, для каждой из которых не только нормальных, а и заваливающих мужей не хватает просто физически? Демографической ситуацией это, вроде, называется, шайтан её заberi... эх!

Менее чем недельная командировка для Тохтамышева, отказавшегося в

ней от прежних привычных увеселений, длилась на этот раз нестерпимо долго. Он еле дождался посадки в самолёт обратного рейса. Прилетев в Ташкент, отправил встречавшего его водителя погулять-поразвлечься и добираться потом домой пассажирским транспортом, сам сел за руль служебной «Волги» и помчался на предельной скорости в сторону Самарканда, недалеко от которого в глухом горном селении ждёт Баймурата близкое уже, выстраданное счастье.

Но... только вот – счастье ли? Вчера в ходе телефонного разговора со своими помощниками, на которых была возложена миссия по пленению вождеденных близняшек, он всем своим нутром почувал, что те чего-то недоговаривают. И в душу с каждым часом всё настырнее лезло тревожное предчувствие беды.

Собственная интуиция всегда верно служила своему хозяину Тохтамышеву. Не обманула она его и на сей раз. Оказалось, что во время поездки по окольным дорогам к месту их первоначального пребывания в качестве пленниц, одна из сестёр (то ли Гульнара, то ли Динара – да не всё ли равно?) каким-то образом умудрилась бежать. Исчезла, как сквозь землю провалилась, и никто из похитителей этого даже не успел заметить. Похоже на глупость. Или Тохтамышева разыгрывают, делают из него идиота? Как это так: выезжали – их было две, а приехали – оказалась одна? Что за бред?.. Было от чего прийти в негодование.

В приступе бешенства он избил до полусмерти первого же, кто по его прибытии доложил о случившемся. С трудом переваривая в сознании эту недобрую весть, распорядился форсировать розыск беглянки, и так шедший полным ходом. Её сестрицу велел спрятать как можно дальше от ненужных свидетелей (и это было сделано также вовремя, до его приезда), и не спускать с неё глаз ни на секунду. И чтобы волосок не упал с её головы! А в случае очередной подобной осечки виновного ждёт верная смерть...

Как и почему маленькая негодница сумела сбежать от людей, от которых и сам дьявол не скроется? – недоумевал терзавшийся Тохтамышев. – Ведь тщательнейшим образом спланированное предприятие не предполагало даже намёка на подобное. Гульнару и Динару, вышедших прогуляться из дома Тохтамышева, где они отдыхали в первые дни каникул,

пригласили покататься проезжавшие мимо на машине хорошо знакомые им работники заготконторы. И сели девчонки в «Волгу», вроде, без малейшей опаски. Может, они почувствовали неладное, когда им предложили заехать в селение неподалёку в гости к родственникам Тохтамышева? И поэтому они вдруг, ни с того ни с сего, чуть не каждые пять минут начали проситься в туалет? Но из кустов, как констатируют помощники-докладчики, девчонки каждый раз возвращались внешне совершенно спокойные. Может, ненароком съели что-нибудь не то... а если с умыслом?

Нет, что-то в рапортах его главного помощника по особым поручениям Мирзы не вяжется. Явно запутался Мирза в своём вранье, скрывает правду. Надо бы побеседовать с ним с пристрастием.

– Надёжные люди во всех ближайших отделах милиции озадачены. Мерзавку найдут со дня на день, – деловито доложил текущую обстановку вызванный «на ковёр» для частной беседы главный помощник. – А её сестричка, как вы и приказывали, в хороших условиях содержится, и строго охраняется. Муха к ней без вашего указания не пролетит. Если пожелаете, уважаемый Баймурат-ака, в любую минуту она – к вашим услугам...

– Ишак!!! – сбитый с ног ударом кулака Тохтамышева Мирза тут же ощутил своим горлом острёе плотно приставленного ножа. – Сдохнешь сейчас как паршивый шакал, если будешь продолжать в таком духе! Кого дурить пытаешь-

ся, кому мозги пудришь, собака? Ну, признавайся, что скрыл от меня, и не доложил сразу, как положено?! Забыл, за что я плачу тебе деньги, о которых ты, сучий потрох, раньше, в трактористах-комбайнёрах, и

и мечтать не мог? Ну! За что?.. Отвечай!

– За верность, хозяин!..

– И где она, эта твоя верность?! – нож Тохтамышева ещё сильнее упёрся в горло помощника, по лезвию пробежала струйка крови.

– Хозяин! Не, прошу, не убивайте. Я не виноват... и люди – тоже. Вернее, если я виноват – искуплю. Перерою всё, а девку найду, из-под земли достану.

– И в чём же ты, сволочь, виноват на самом деле?! – лезвие ножа, уже окровавленное, вдавилось в горло Мирзы, так, что тот уже не говорил, а еле «выхрипывал» каждое слово.

– Недосмотрели мы, как девчонки съели что-то, расстраивающее желудок или кишечник. Вероятно, это были те чёрные цветом таблетки, одну из которых мы потом нашли на полу в машине. В общем, начался у них, может быть и от страха, если они о чём-то догадались, извините, самый настоящий понос. Ну и... не в машине же им всю дорогу непрерывно нужду справлять, не в штанишки же. Такие красивые девушки... неудобно как-то... да и мы бы все насквозь провонялись вместе с ними, и машина.

– Что, мразь, запаха испугался? А вот я теперь тебя, сукиного сына, и посажу в наказание в отхожую яму по самую

твою поганую лживую глотку! Будешь сидеть и прованиваться, пока не сдохнешь, изъеденный как падаль, до костей, говёнными червями. Ну, говори, говори, скотина! – в новом порыве злости Тохтамышев начал яростно пинать ногами по всему грузному телу корчившегося на холодном земляном полу Мирзы, не смевшего даже хоть как-то защищаться. – Где упустили девку, куда она могла податься, где может прятаться? А если проболтается кому-то, произойдёт огласка – ты, что ли, ублюдок, защитишь мою репутацию коммуниста, депутата и Героя труда? Тварь! На, на, на, получай!

– Хозяин, ради Аллаха, вы же знаете – у меня больная жена и дети мал мала меньше. Пожалейте хоть их, простите! – взмолился из последних сил

сил Мирза. – Я отслужу, отработаю. В моей преданности вы ведь никогда раньше не сомневались.

– Жить хочешь – говори строго по делу! – тяжело дыша, приостановил несколько утомившую его расправу Тохтамышев.

– В кустах, в которые девчонки бегали справлять нужду, мы проверяли: у обеих действительно был понос. Вот мои люди и потеряли бдительность, остаток маршрута следили за ними уже не так строго. Почти в конце пути, недалеко от въезда в это селение мы и упустили девку. Времени прошло немного, так что далеко она уйти не должна. А огласки не будет, не волнуйтесь, меры приняты серьёзные – на ноги

подняты все ваши братья и даже дядя.

– Что-о?!! Дядя, братья?! Д... да ты... – обезумевший от возмущения Тохтамышев, потеряв контроль над собой, избивал своего преданного слугу до тех пор, пока тот, так и не осмелившись сделать ни движения, чтобы защититься от ударов хозяина-полубога, не перестал подавать признаков жизни, превращённый в кровавое месиво...

На ночь ещё не совсем отдавшего Богу душу Мирзу бросили в глубокую яму, куда запустили вслед за ним пару ядовитых змей, неизвестно где добытых в такое время года, когда все подобные пресмыкающиеся благополучно отправились в зимнюю спячку по тёплым норам. Змей, забрасывая в яму, не забыли основательно раздражить...

А через день его изуродованное тело было обнаружено за полсотни километров отсюда, в родном районе, на дне горной пропасти. Судебно-медицинская экспертиза установила причину гибели Мирзы: укус ядовитой змеи и падение, по всей вероятности вследствие этого, с головокружительной высоты, что и привело к многочисленным тяжёлым ушибам и разрывам жизненно важных органов.

О несчастном случае было сразу же сообщено родственникам погибшего и дирекции заготконторы, где он при жизни был одним из наиболее авторитетных работников. Директор предприятия товарищ Тохтамышев, безмерно расстроенный столь неожиданной трагической кончиной лучшего заготовителя, своей «правой руки» в решении сложных про-

изводственных и иных вопросов, возможного его преемника на данном руководящем посту, распорядился организовать Мирзе за счёт предприятия достойные похороны. А семье покойного тем же распоряжением была оказана весомая материальная помощь, за что товарища Тохтамышева зауважали в районе ещё больше, чем до этого.

Одновременно с этим печальным событием на голову только что вернувшегося из московской командировки Баймурата Тохтамышевича, как гром среди ясного неба, свалилось ошеломившее его известие: бесследно исчезли так им любимые солистки интернатского вокально-танцевального ансамбля, над которым он не первый год шефствовал – девушки-близнецы Гульнара и Динара Азимовы. Розыск, в котором были задействованы все наличные силы райотдела внутренних дел и специалисты-криминалисты из области, результатов пока не давал – исчезнувшие как в воду канули. Многие люди видели, как получивший данное известие Баймурат-ака схватился за сердце и обессиленно рухнул в вовремя подставленное ему кем-то из подчинённых кресло. От вызова «скорой помощи» он отказался...

Придя в себя, товарищ Тохтамышев в тот же день лично выступил по районному радио и на страницах специального экстренного выпуска районной газеты, призвав всех, кто может хоть чем-то помочь следствию, объединить усилия. И если девушки пропали не сами по себе, отправившись, например, без ведома взрослых в какое-нибудь рискованно-при-

ключенческое путешествие, чем нередко грешат интернатские, а прямым образом похищены, то – сделать всё возможное для справедливого возмездия в отношении негодяев, решившихся на такое гнусное преступление. Преступление, совершённое не во времена мрачного средневековья, а на пороге, можно сказать, светлого будущего всего человечества – коммунизма. Если же эти негодяи считают себя хоть немного мужчинами – пусть они осмелятся открыто взглянуть в глаза ему, Тохтамышеву!

XXVIII

Вернувшиеся с осенних каникул и приступившие к учёбе одноклассники Азимовых, как и другие ученики школы-интерната, долгое время ходили притихшие. Вокально-танцевальный ансамбль приостановил репетиции – все были слишком расстроены происшедшим и дальнейшей неизвестностью в судьбе самых красивых и весёлых интернатских девчонок.

Педагоги, особенно руководящие лица дирекции интерната, с содроганием ждали возвращения из командировки матери пропавших девушек: кому-то придётся первым сообщить ей страшную весть. Брат близняшек Валеджан и их «женихи» Илюха с Колюхой, устранившись от посещения школьных занятий, занялись самостоятельными поисками. Сухоруковы, всё же в некотором контакте с официальными органами, обшаривали территории своего и части смежных

районов, а Валеджан – в одиночестве и без ограничений в пространстве.

Какими-то путями Валеджан сумел выяснить, что в первые дни каникул на одном из захолустных базарчиков соседнего района похожие на его сестёр девушки выходили ненадолго из автомашины «Волга» в сопровождении взрослых мужчин. Путь их был короток – до туалета и обратно. По описанию внешности мужчин Валеджан тут же вбил себе в голову нелепейшее с точки зрения здравомыслящей общественности подозрение: его сестёр насильственно увозили похитившие их люди из заготконторы, возглавляемой Тохтамышевым. И начал выслеживать, в какое время тот выходит по утрам из дома, в котором живёт один, если не считать постоянно бывавших там его помощников, и когда возвращается на ночлег.

Если бы юноша не держал свои подозрения при себе, и не вёл своё расследование тайно, а выступил открыто, общественное мнение вряд ли поддержало бы его в таких сумасбродных глупостях. Понимая это, он, с присущей ему горечью, решил собственноручно заставить Тохтамышева признаться в содеянном, а если тот не сделает явку с повинной в и не отпустит сестрёнок, которые, дай Бог, ещё живы, – расправиться с ним по чести и по совести.

Выслеживал Тохтамышева, с целью застать его в доме одного, Валеджан долго, но терпеливо. Он так и не посчитал

нужным делиться с кем-то своей тайной, решительно задумав нечто вроде кровной мести. Мести вынужденной в силу того же фатально, на его взгляд, ошибочного общественно-го мнения, не допустившего бы ни малейшего намёка на подозрение в отношении истинного преступника. Единственным человеком, кто, независимо от хода мыслей Валеджана и, неведомо для него, эти мысли разделял, была его мать.

Тамара никогда не видела в лицо Тохтамышева, как и он её. Но много слышала о нём, как о заботливом опекуне интернатского ансамбля, в котором блистали её бедные девочки и неплохо танцевал сынок Валеджанка. Слышала, но материнское сердце почему-то не хотело верить в бескорыстность той опеки. Не хотело, и всё... и сердце это теперь настойчиво подсказывало, что тайна похищения дочерей кроется именно здесь. Однако, в райотделе милиции, куда она обратилась с подобным предположением, её вежливо, но безапелляционно остудили. Такое, мол, несовместимое с элементарной логикой подозрение могло взбрести в голову разве что сумасшедшему – товарищ Тохтамышев слишком положительный человек, чтобы опускаться до откровенного правонарушения. Тем более – до преступления в отношении своих подопечных, на которых, ни от кого не скрывая, возлагал огромные надежды как на будущее национальной культуры, и вложил в это будущее, тоже не скрывая, но и не кичась этим, не только материальные средства, но и часть своей широкой души, а может, и – всю душу.

Такое разъяснение нисколько, всё же, не поколебало убеждённости женщины в правильности выбранного ею направления поисков, а наоборот: она, насколько сумела, выяснила историю шефства райзакотконторы над юными интернатскими артистами, и ещё более твёрдо настроилась на решительный разговор с инициатором и главой этого шефства. Вызнав, где тот проживает, пробралась поздним декабрьским вечером, когда он уже должен был находиться дома, к нему во двор, изготовилась к атаке...

Не знала Тамара, что в этот же вечер, только немногим раньше, в дом проник и затаился там её сын, не менее своей матери убеждённый в виновности Тохтамышева. Когда, ближе к полуночи, усталый хозяин дома, отпустив водителя и помощников, вошёл в спальню и протянул руку к выключателю, из одёжного шкафа вдруг выскочил с ножом в руке воинственно настроенный юноша. Голосом Валеджана и тоном, не оставляющим сомнений в серьёзности его намерений, юноша произнёс:

– Включишь свет – убью сразу!

– Что случилось, дорогой... э-э... Валеджан? Это ведь... ты? – заикаясь от нахлынувшего страха, но стараясь быть предельно вежливым, пытался улыбнуться Тохтамышев.

– Где сестрёнки, сука?

– Да ты что? Какие сестрёнки? Я же их как родных... как и тебя, и весь ансамбль... – всё ещё силился изобразить недоумение хозяин дома.

– Говори, где они, если хочешь дожить хотя бы до суда!

Тохтамышев понял, что переубедить этого парня бесполезно и, если действительно хочется жить, надо бы экстренно предпринять что-нибудь более реальное. Иначе – дело плохо. Выставив вперёд ладонями руки, он начал медленно отступать назад к двери.

– Куда, пидормот?! Драпать собрался? Мы так не договаривались! – Валеджан бросился на закрывавшегося руками Тохтамышева и начал вполуслепую наносить ему удары ножом, стараясь попасть в лицо, горло или грудь. Один раз ему удалось попасть в переносицу, а все остальные удары натыкались на выставяемые, как щит, ладони отчаянно сопротивлявшегося противника.

В какой-то момент Тохтамышев изловчился и оттолкнул нападавшего Валеджана, выскочил из спальни, в пару секунд задвинул снаружи дверь стоявшим рядом комодом – откуда только силы взялись...

Переводить дух было некогда. Схватив трубку висящего на стене телефона, быстро набрал «02» и из последних сил коротко визгнул в неё:

– Нападение на дом Тохтамышева!

Буквально через несколько минут, с неприсущей ему удивительной ловкостью выбравшись наружу через окно и спрятавшись в кустах сада, дрожащий от холода и страха и истекающий кровью, он увидел подоспевших как никогда вовремя милиционеров, бегущих к дому. Почти сразу же они вы-

волокли во двор упирающегося Валеджана и начали жестоко избивать его. Избив до полусмерти, так и не добившись ни слова в ответ на свои вопросы, повели окровавленного, с распухшим лицом и еле передвигавшего ноги, к воротам, за которыми ждала милицейская машина «воронок» в соседстве сразу с двумя автофургонами «скорой помощи», один из которых и увёз следом в больницу вышедшего из кустов потерпевшего Тохтамышева.

Именно тот момент, когда уводили Валеджана, и узрела из других кустов того же сада несчастная Тамарка-ханум, благодаря которой не осталась без дела и вторая «скорая». Услышав раздавшийся из садовых зарослей стон-крик, врачи обнаружили там потерявшую сознание седую, хотя и не старую ещё женщину в брезентовом плаще с капюшоном, резиновых калошах и почему-то, невзирая на ночное время суток – тёмных очках. Не раздумывая, верные клятве Гиппократова медики, во исполнение своего врачебного долга доставили в районную больницу и эту странную женщину, место которой, скорее – в сумасшедшем доме (так оно вскоре и вышло).

За вышеописанное хулиганство Валеджан в установленные законом сроки, без лишней волокиты, благодаря связям Тохтамышева, был осуждён районным народным судом. Но тот же Тохтамышев, демонстрируя участникам судебного процесса и присутствовавшему на нём представителю местной прессы величие своей души, не настаивал на слишком

уж строгих санкциях, и парня, как несовершеннолетнего и совершившего преступление впервые, приговорили к минимально возможному сроку. Осуждать злостного интернатского драчуна условно, без реального лишения свободы, суд поостерёлся: как бы чего... Да и товарищ Тохтамышев, если откровенно, в таком случае не сказал бы спасибо. А вот минимальный срок – это тоже гуманно, в самый раз, пусть посидит немного, поумнеет.

XXIX

Отбыв свой короткий срок, сразу после освобождения из колонии Валеджан, даже не уделив должного внимания своей любимой Розе, которая по всем подсчётам должна была уже стать матерью, с утроенной энергией ринулся на поиски сестёр. Кто-то где-то проболтался, или ещё из каких-то неведомых источников он узнал, что одна из них, но которая – неизвестно, сумела сбежать в первые же дни после похищения. Но где она сейчас, и какова судьба второй сестры, не знал никто, и в воображении Валеджана, наряду с надеждой, рисовались картины одна другой ужаснее. Сестёр наверняка похитили с целью если не тайной выдачи-продажи замуж, то, как минимум – надругательства, возможно с последующим убийством во избежание огласки. С той, которая не сумела убежать, так, наверное, и произошло. Бедная мать, выдержит ли она всё это?..

Купив на скопленные во время отбывания срока деньги

мотороллер (в колонии он неплохо зарабатывал, а тратиться там было особо некуда, да и на руки осужденным выдавали мало, что и способствовало накоплениям на личных счетах к концу отсидки), Валеджан днями и ночами разъезжал на нём по степным и горным дорогам, отслеживая маршруты машин, принадлежавших райзаготконторе и лично её работникам, включая и самого Тохтамышева. Однажды, проехав вслед за микроавтобусом с зашторенными изнутри окнами почти до самого Самарканда, свернул вслед за ним в сторону малоприметного горного селения. Когда машина остановилась у крайнего дома с высоким глухим забором и коротко просигналила, ворота открылись и оттуда вывели... живую и невредимую его сестрёнку Гульнару.

Валеджан, тут же потеряв самообладание и забыв о всякой осторожности, с криком «Гулька!!!» на полной скорости помчался в её сторону. Вышедшие из машины мужчины на миг оцепенели, затем, быстро схватив девушку, затолкнули её внутрь и, резко рванули с места. Валеджан, бросив мотороллер, успел уцепиться за ручку одной из микроавтобусовых дверц, но сорвался. Снова вскочив на не успевший заглохнуть мотороллер, устремился в погоню.

Извилистая дорога поднималась выше и выше в горы. Когда Валеджан начинал настигать машину, та принималась то бешено вилять из стороны в сторону, то резко притормаживать, то снова набирать скорость. У Валеджана в голове была только одна мысль – догнать. Что будет потом, и так ясно: он

размозжит головы этим подонкам и спасёт сестру. А потом они вместе найдут вторую, если она, конечно, жива...

Когда перед возникшим на пути крутым поворотом преследуемые вынуждены были пригасить скорость до минимальной, одно из боковых окон

микроавтобуса приоткрылось и из него выглянула Гулька, отчаянно крикнувшая:

– Валеджанка, уезжай, тебя убить хотят! Ой, мамочка-а!..

Волосатая мужская рука, высунувшаяся из окна, грубо схватила девушку за лицо, впихнула её голову обратно внутрь машины.

– Отпустите Гульку, сволочи! – что есть мочи заорал Валеджан и начал быстро обгонять микроавтобус, который, как только мотороллер поравнялся с его передним бампером, резко вильнул. От сильного бокового удара мотороллер потерял управление и, не вписавшись в поворот, полетел в пропасть...

XXX

Кто, где и как схоронил Валеджана, долгое время оставалось загадкой. Лишь через несколько лет незнакомый чабан, пасший овец в день происшествия неподалёку от того места, показал Тамаре-ханум небольшой холмик из камней на дне пропасти. На макушке холмика торчали воткнутые между камнями три сухие веточки бессмертника, каким-то чудом остававшиеся всё это время нетронутыми ни людьми,

ни пасущимися животными или диким зверем, ни исковерканными непогодой.

Помешавшаяся рассудком от горя мать время от времени, по мере просветления разума, навещавшая эту скромную могилу своего сына, однажды встретила здесь незнакомую красивую молодую женщину с не менее очаровательной девочкой на руках. Почему-то ёкнуло сердце.

– Ма-а-м, пойдём домой! – захныкала, боязливо поглядывая на Тамару, девочка. – Зачем ты меня сюда привела? Я боюсь эту бабушку с белыми волосами...

– Хорошо, Мукарамочка, пойдём. Да и папа там уже, наверное, починил машину, и сейчас отвезёт нас домой.

Тамара долго, с каким-то непонятно бередящим душевные раны чувством смотрела вслед взбиравшимся по крутому склону женщине и девочке. Когда те, наконец, уселись в ожидавшую их на дороге модную легковую автомашину «Жигули» и уехали, она вздохнула, достала из сумочки зеркальце и, впервые за эти страшные несколько лет после потери сначала дочерей, а затем и сына, внимательно посмотрела на своё отражение. Из зеркала действительно глядела мутноватым взором «бабушка с белыми волосами» – седая измождённая старуха, которой... на самом деле не было и сорока.

– Да-а... и в самом деле есть чего испугаться ребёнку! – задумчиво проговорила бывшая мечта любого встречавшего на её пути не импотентного мужчины. – Нет, милая, ес-

ли хочешь добиться своего, заставить инстанции, вплоть до Москвы, поиметь совесть и принять, наконец, меры к преступникам, да независимо от государственного расследования и судебных решений сотворить и собственной возмездие, так распускаться нельзя. Надо немедленно брать себя в руки и начинать выглядеть если уж и не так, как прежде (это бесполезно теперь даже пытаться), но по возможности подобающим образом. Да, а что, интересно, делала на могиле Валеджана эта красotka с

ребёнком? И почему при встрече с ними так защемило сердце?..

XXXI

Долгое и изнурительное хождение Тамары по приёмным руководителей органов государственной власти – от районных до высших всесоюзных, включая Верховный Совет СССР и Центральный Комитет КПСС, так и не увенчалось успехом: расследование похищения её дочерей и убийства сына, многократно возобновлявшееся и ровно столько же раз под незримым воздействием какой-то таинственной силы приостановленное, окончательно зашло в тупик.

Не нашла Тамара, приложив все усилия, и никаких следов исчезнувших дочерей самостоятельно: ни могилки, которые бы красноречиво свидетельствовали об их смерти, ни каких-либо свидетельств того, что они

живы. Правда, однажды её вызывали в прокуратуру на

опознание обнаруженного в кустах где-то в предгорьях под Самаркандом пропитанного кровью рваного фрагмента платья, расцветкой и структурой ткани очень похожего на те, что носили в последнее время Гульнара с Динарой. Но для безусловного подтверждения факта смерти кого-либо из них этого было явно недостаточно, во всяком случае, по убеждению Тамары, которую можно понять – ни одна на свете мать не поверит, что её ребёнок умер, пока не убедится в этом собственными глазами. Тем не менее, в связи с данной окривавленной находкой распространились домыслы, что одну из девочек похитители, надругавшись над ней, убили. Возможно, так оно и было.

Перезахоранивать Валеджана Тамара не захотела: пусть место его гибели останется навсегда и его могилой. И она, мать, вплоть до момента справедливой мести, после которого готова сразу же умереть и сама, будет регулярно приходить сюда как к святому месту. И – отчитываться перед духом сыночка, как выполняет свой священный долг перед ним и его сёстрами, а в целом – хранит, уже в одиночку, честь семьи.

Со своим необъяснимо-сладчайшим из всех в её жизни мужчин –

– любовником-сожителем, блеклым снаружи, но удивительно сильным в постели Николаем Захаровичем Сухоруквым Тамара так и не сочталась узами брака, рассталась сразу же после исчезновения дочерей, казнясь за эгоизм,

приведший к таким последствиям. Ведь если бы не её внезапная, сметающая всё на своём пути страсть к этому человеку, и не объявленное в связи с этим ими обоими табу на брак её дочерей с его сыновьями, дети, более чем вероятно, давно переженились бы. Пусть не очень выгодно, пусть, наконец, слишком рано – ещё до окончания школы, но никому в таком случае, а тем более, если бы свадьбы были сыграны до тех злополучных ноябрьских каникул, и в голову не пришло бы похищать ставших замужними женщинами Гульнару и Динару.

Николай Захарович, расставаясь, плакал молча, но так тяжело, как плачут только мужчины. Он ни на чём не настаивал, не канючил, как некоторые (чего она больше всего боялась), не вымаливал ни прощальных

ласк, ни свиданий в будущем. А просто, забрав с собой сыновей, уехал из Узбекистана в какую-то другую среднеазиатскую республику, может куда и подальше, и... судя по настроению – навсегда.

Вот, в итоге, и разлучились между собой все влюблённые, старшие из которых способны были построить своё счастье только за счёт лишения этого счастья младших, а младшие вполне могли быть счастливы, кабы не эгоизм старших...

И какая же она мать после всего этого?

XXXII

В жизни Тамары оставалась теперь только одна цель –

мечь. И ничто не могло поколебать её решимости эту мечь осуществить. Даже – то светлое, что способно было, при ином стечении обстоятельств, возродить в её душе смысл дальнейшего пребывания на этом свете: кровь Азимовых течёт, оказывается, в жилах ещё одного живого существа – совсем юного и чистого, ни о чём происшедшем ни сном ни духом не ведающего человечка. Этот человечек – та самая маленькая девочка по имени Мукарама, которая так испугалась случайно встреченной в тот день на могилке «какого-то дяденьки» седой растрёпанной Тамары.

Вскоре после той встречи Тамара разузнала, что красивую мать той

девочки зовут Роза, и родила Роза эту прелесть не от кого-нибудь, а – от Валеджана, пока тот отбывал срок в колонии. После родов Роза немного ослабла и была отправлена дядей Баймуратом Тохтамышевым для восстановления сил в один из курортных районов республики, где у них проживало немало родственников и было кому не только присмотреть за самой Розой, но и помочь ей в уходе за новорожденной. Когда, почувствовав новый прилив сил, Роза вернулась домой, успевшего за время её отсутствия освободиться из колонии Валеджана уже не было в живых...

Горевала Роза с её не бедным любовным прошлым, недолго. Благодаря благотворному воздействию курортных условий, она вновь похорошела и не чуралась общения с такими же приятными, как сама, мужчинами. В результате её до-

вольно быстро уговорил пойти за него замуж сохранивший к ней чувства ещё с отроческих лет, и всё сразу, включая раннее замужество и материнство от другого, ей простивший молодой перспективный адвокат по имени Юлдаш. Юлдаш с ходу удочерил девочку, дал ей свою фамилию, отчество. И все годы, пока отличница Мукарама подрастала, выросла и вызревала в редкие красавицы (истинно – в кровного отца и в мать), становясь ещё и очень-очень похожей, помимо Валеджана и Розы, на своего покойного деда Амирхана Азимова, о существовании которого и понятия не имела. Тамара, не смея вмешиваться, и даже просто навязываться со знакомством в сложившуюся счастливую жизнь этой благополучной семьи, время от времени позволяла себе любоваться девушкой издалека, со слезами в душе (глаза её уже давно своё выплакали), ласково шепча:

– Внученька моя!..

Когда Мукарама стала совсем взрослой, с отличием окончила университет и, поработав некоторое время учительницей математики, была назначена, к великой гордости Тамары, директором школы-интерната, Тамара однажды не удержалась и в начале октября, в День учителя, решила со скромным букетиком цветов приблизиться к внучке, принимавшей в это время на площадке перед входом в школьное здание многочисленные поздравления.

Не сумев сразу выдать из себя ни слова, она молча подала директрисе цветы, и когда та с лёгким недоумением и сму-

щением их приняла, пытаясь вспомнить, чья же из учеников это бабушка, на иссушенных горем глазах Тамары впервые за много лет появились слёзы. Робко пожав протянутую ей руку, странная бабушка негромко произнесла подрагивающими губами:

– Поздравляю вас, Мукарама Юлдашевна, с вашим профессиональным праздником! Успехов вам! Лучшего примера для учеников, чем вы, не найти.

Затем, не выпуская из своих ладоней руки Мукарамы, прислонилась к

этой руке горящими от волнения сухими губами и щекой, прошептала уже совсем тихо:

– Будь счастлива, девочка!

Возникший, как из-под земли, из-за спины так ничего толком и не понявшей, но призадумавшейся директрисы школьный завуч Карим-ака Умурдзаков мягко взял умиротворённую только что происшедшим Тамару-ханум за плечи и повёл к воротам...

Несколько последующих вечеров Тамара взахлёб, непрерывно с часа окончания школьных уроков и до поздней ночи, надиктовывала Кариму Умурдзаковичу все подробности своей прожитой жизни, насколько их помнила. Тот едва успевал менять магнитофонные кассеты и попутно конспектировать на бумаге услышанное. Она и раньше время от времени кое-что рассказывала этому внушающему доверие человеку, когда-то учившемуся вместе с её детьми. Но на этот

раз, непонятно почему, её словно прорвало, она лихорадочно спешила выговориться, изливая свою душу как на исповеди.

Может быть, только теперь, уже на седьмом десятке лет и в преддверии

всё того же рокового праздника – годовщины Октября, в непонятной магической привязке к которому, волей судьбы, и вертится адский круг трагических событий её жизни, Тамара почувствовала, что как никогда близка к цели. А значит – и к собственному концу?..

XXXIII

И вот опять мы с Каримом в чайхане. В той самой, и даже за тем же столом. На дворе глубокая осень – восьмое ноября, второй день когда-то великого советского праздника, ныне всерьёз отмечаемого лишь коммунистами старших поколений по многолетней, въевшейся в плоть и кровь привычке. Терраса к зиме застеклена, за окнами – туман. В чайхане тепло, но необычно даже для утратившего былое почитание и забытого молодёжью праздника – малоллюдно.

На нашем столе вместо привычного обильного угощения – гора бумаг. В этих бумагах – всё необходимое для того, чтобы дать, наконец, законный ход «похороненному» давным-давно уголовному делу для свершения в конечном итоге праведного суда над преступниками. Улики – неопровержимы, доказательства – «железны», оставшиеся к сегодняш-

нему дню в живых свидетели – найдены, и готовы честно послужить закону, дать столько лет, неизвестно по каким причинам, не востребованные правоохранительными органами соответствующие показания в какой угодно инстанции.

Но... от судьбы, правду люди говорят, не уйдёшь. Все наши с Каримом благородные потуги, направленные на поиски истины, не далее как вчера, менее суток назад, сделались чисто символическими, а собранные материалы – пригодными лишь для очистки нашей совести, да, может быть, для использования в качестве сюжета в каком-нибудь творческом произведении.

Высшая справедливость свершилась, надо честно признать, именно так, как и должна была свершиться...

XXXIV

Накануне праздника Тамара искупалась, переделась во всё чистое и в очередной – скорее всего последний, как подсказывало ей чувство, раз, навестила могилу своего сына Валеджана.

– Ну, вот, сыночек, чует моё сердце – всё вот-вот кончится, и душа твоя успокоится. Так тянет меня завтра, седьмого ноября, торжественно отужинать в чайхане, спасу нет! И он, – наш с тобой обидчик, – на этот раз обязательно будет там. Прощай, Валеджан, и прости за всё свою глупую мать!..

XXXI

Для знатного гостя из Ташкента Баймурата Тохтамышевича Тохтамышева, уроженца этих мест, давно работающего на высоких руководящих должностях в республиканских ведомствах и при любом удобном случае посещавшего родной район, не забывая, в первую очередь, любимую им чайхану, ко второй половине дня седьмого ноября был накрыт роскошный праздничный стол.

Чайханщики души не чаяли в этом выгодном посетителе, который за один скромный в его понятии банкет давал заведению такую выручку, не считая чаевых, какую обычно приносили все остальные клиенты вместе взятые за целый месяц. И, когда ближе к вечеру почтенный седовласый гость в сопровождении свиты не спеша вошёл и поместил своё дородное ухоженное тело в специально для него изготовленное, похожее на царский трон кресло, ему не знали, как угодить.

В разгар пира Баймурата Тохтамышевича и его весёлой компании, в этом же большом зале чайханы, стараясь не привлекать к себе внимания, появилась не совсем обычная пожилая женщина, бывавшая здесь в течение многих лет более-менее регулярно. При всей той регулярности, однако, пути её с путями-дорогами большого любителя этого заведения товарища Тохтамышева ни разу, волей Всемогущего, не пересекались – ни здесь, в чайхане, ни где-либо ещё. Каждый из них лишь умозрительно, по рассказам других людей представлял себе, как внешне выглядит другой, хотя, по причине

некоторых давнишних жизненных обстоятельств, они были хорошо знакомы заочно.

Необычность этой вечерней гостьи чайханы заключалась прежде всего в том, что она – женщина. А женщины, да ещё в одиночку, как известно, даже в высокоразвитых, наиболее цивилизованных странах современного Востока завсегдатаями подобных заведений бывают редко, несмотря на отсутствие прямых законодательных запретов. Следующая, ещё более серьёзная необычность заключалась в бросающейся в глаза экстравагантности её верхнего наряда – с улицы старуха входила сюда в слишком уж старого фасона грубом мужском брезентовом плаще с капюшоном, глубоких резиновых калошах и, что совсем уж непонятно – в таких же старомодных, как и плащ, больших солнцезащитных очках. Стоило ей, правда, эту неприглядную верхнюю оболочку скинуть, как взорам окружающих представала вполне приличная дама с аристократичными манерами. И, наконец, третья странность уже совсем жуткого свойства – при всей внешней адекватности поведения, безупречной координации движений и спокойной уверенности в разговоре, у дамы был совершенно пустой мёртвый взгляд, как у киношного слепого или каким-то чудом ожившего мертвеца-зомби, коих можно увидеть в зарубежных фильмах ужасов. Бр-р!..

Войдя и непринуждённо-быстро, как умеют светские львицы, приведя себя в порядок, женщина-зомби спокойно расположилась в углу зала за заранее заказанным ею сто-

ликом, и не торопясь приступила к довольно изысканной, хотя и несколько более скромной по сравнению с тохтамышевской, трапезе. Пила она большей частью тоже недешёвый армянский, в отличие от очень дорогого тохтамышевского французского, коньяк, который закусывала хотя и отечественным, но качественным плиточным шоколадом. И выглядела в ходе этого необычайно привлекательно. После принятия каждой коньячной порции расслабленно-изящно откидывалась на спинку стула, томно прикрывала глаза, вслепую нащупывала рукой на столе шоколадную плитку, отламывала кусочек, клала в рот и медленно, со вкусом, жевала. По мере того, как шоколад таял во рту женщины, рот её слегка приоткрывался, и она весьма эротично облизывала ярко покрашенные, всё ещё красивые, несмотря на возраст, губы неторопливыми лёгкими движениями кончика языка.

Тохтамышев, как человек в высшей степени наблюдательный, не мог не заметить появления в чайхане ещё одного нерядового гостя, тем более что особой этой была женщина. И как опытейший, на уровне эксперта, ценитель истинной женственности, он не мог пропустить мимо своего внимания эту хоть и древнюю, но красивую старуху, сила до сих пор – в её-то годы! – мощно излучаемого сладострастного магнетизма которой легко вогнала в пот даже такого испытанного ветерана любовных фронтов, каковым был почтенный Баймурат-ака.

Будь эта доисторическая секс-бомба в стиле «ретро» лет,

эдак, на полсотни моложе, участь её была бы решена мгновенно: ближайшей же ночью она усердно услаждала бы похоть бывшего неофициального, но безоговорочно признанного хозяина этого района, и имела бы все возможности понять и оценить, что такое настоящий мужчина. Но сейчас, в данном случае, об этой стороне дела не могло быть и речи – существа женского пола старше пятнадцати-шестнадцати лет его в постельном плане давно уже не интересовали. Что же касается более юных созданий... – при мысли об этом Баймурат-ака уже не первый год тяжело вздыхал: а почему бы и нет? И мысли не только о малолетних девочках будоражили и щекотали его нервную систему. В наивном детском возрасте – чем же хуже девчушек мальчики, например? Хоть на склоне лет отведать того, что может оказаться куда слаще банальной женщины – чистого и непорочного, целомудренного хлопчика. И чем чаще его посещала такая крамольная мысль, чем сладостнее замирало при этом нутро, тем решительнее гнал он эту мысль прочь. Хотя, в глубине порочной души, гнать не очень-то и хотелось.

Но, как бы ни отвлекали состарившегося сластолюбца – почётного гостя

чайханы педофильные грёзы, а необычная посетительница всё сильнее притягивала его внимание. Игривый её язык, так завлекательно облизывавший невероятно для такого возраста возбуждающие мужское воображение уста, сделал-таки своё коварное дело. Не в силах более совладать с соблаз-

ном (соблазном чего именно, он и сам пока ещё не уяснил), Баймурат-ака дал знак своим приближённым...

Недоуменно подняв брови при виде чайханщика, возникшего перед нею в полупоклоне с подносом в руках, на котором красовалась бутылка французского шампанского «Вдова Клико» в паре с вазой цветов, между стебельками одного из которых была воткнута визитная карточка одного из крупнейших хозяйственных руководителей республиканского уровня, Тамара, после секундного замешательства, спокойно-небрежно произнесла:

– Спасибо! А от моего имени и за мой, разумеется, счёт преподнесите, пожалуйста, подателю сего бутылку лучшего армянского коньяка с неременным условием, чтобы он выпил полный бокал на моих глазах и закусил плиточным шоколадом. После этого я готова познакомиться с ним.

Тохтамышев, получив встречный презент и слегка подивившись такой оригинальной встречной просьбе, тем не менее, эту просьбу исполнил, и приготовился к контакту с интригующей незнакомкой...

Ну, должна же быть у этой элегантной старухи, – напряжённо соображал Баймурат Тохтамышевич, – хоть одна внучка (или, наверное, всё же, лучше внучок), унаследовавшая её внешнюю эротичность и быющую прямо-таки фонтаном внутреннюю сладострастную силу? Если это так, то остаток его жизни может обрести новый смысл, окраситься в ещё более яркие тона, чем даже в лучшие из прожитых им

и так-то не скучных лет.

Когда по неуловимому сигналу Баймурата Тохтамышевича из установленных по углам чайханы акустических колонок полилась задушевная танцевальная музыка и раздался возглас «Белый танец! Дамы приглашают кавалеров!» Тамара встала из-за стола и грациозной, как когда-то в молодости, походкой направилась туда, где, приосанившись, восседал главный гость вечера. Баймурат-ака галантно поднялся с кресла-трона.

Эlegantным движением положив руки на плечи партнёра, Тамара жеманно произнесла полушёпотом с интимным оттенком:

– Такой солидный, приятный кавалер, а перед танцем с дамой нацепляете тёмные очки?.. Уж не мистера ли Икса из той оперетты изображать собрались?

– Извините, уважаемая. Глаза устают от непомерной работы, и яркий свет им давно в тягость. Только поздней ночью, в постели, и расслабляешься по-настоящему.

– Выходит, вы – ночная птица?

– Кто любит жизнь по-настоящему, для того ночь – блаженство. В это время суток человек не просто спит-отдыхает, восстанавливает потраченную за день энергию. Он ещё и наслаждается близостью с любимыми... которым готов отдать не только остаток той же собственной энергии, которая, между прочим, путём эротического взаимообмена и восстанавливается быстрее, но и нечто большее.

– Деньги, например?..

– А почему нет? Деньги – не такая уж и плохая штука, как внушала нам официальная пропаганда все семьдесят лет Советской власти. И воспринимать их в подобных случаях следовало бы не как подачку в оплату за ночные ласки, а как подарок от души, средство улучшения благосостояния любимой. А как, кстати, лично вы относитесь к соотношению «день-ночь»?

– Представляете, я тоже предпочитаю ночное блаженство дневной суете. Но тёмные очки всё же позволяю себе только там, где это уместно. Или – для ритуала, например...

– Спасибо уважаемая, вы умеете ставить людей на место. Я восхищён, и только ради вас, так украсившей своим присутствием это гостеприимное заведение и способной так тактично добиться своего... готов подавить в себе некоторые, даже застарелые, привычки.

Тохтамышев снял очки, и партнёрша по танцу без малейшего удивления,

более того – с чувством удовлетворения убедилась в различности цвета его глаз, один из которых был серым, а другой – зелёным.

Игриво обнимая плечи партнёра-танцора, Тамара как бы произвольно отвела одну свою руку, слегка при этом подавшись в сторону, изобразив что-то вроде лёгкого спотычка из-за неровности пола. Тот спешно и с видимым удовольствием подхватил, поддерживая открытой ладонью, её ру-

ку. Мягко и нежно, будто принимая безмолвное приглашение пофлиртовать на старости лет, взявшись за эту ладонь и повернув её к свету, женщина явственно различила на ней большой старый шрам. Оставалось только убедиться, для полной идентификации преступника, в наличии шрама на второй ладони, и это тоже не составило ей труда. Точечный шрам на переносице партнёра она обнаружила ещё раньше, сразу, как только он снял очки.

– Жаль, танец заканчивается, – с грустью произнесла Тамара, – сейчас так редко удаётся встретить стоящего напарника. И не только чисто по танцам... вы понимаете, надеюсь, о чём я?

– Дорогая гостья моей любимой чайханы! Всё здесь к вашим услугам! – Тохтамышеву настолько не терпелось плотнее познакомиться с этой удивительной старухой и, используя её видимую ностальгию по изысканным плотским удовольствиям, в какой-то мере, может, и подыграв ей, как можно скорее, сегодня же вызнать побольше о ней, о наличии у неё юных внуков уже неважно какого пола, в общем, всю подноготную... что он готов был весь вечер посвятить ей одной.

На следующий танец, незамедлительно последовавший за первым, он пригласил незнакомку сам. В ответ на её ненавязчивую просьбу рассказать о себе, торопясь приступить, в свою очередь, к расспросам о ней самой, ограничился кратким «дежурным» сообщением:

– Я, вообще-то, родом из здешних мест. Возглавлял когда-то, и вывел в передовые предприятия республики районную заготовительную контору, за что и удостоился звезды Героя Социалистического Труда. Первой звезды... вторую мне вручили уже в Ташкенте, когда я ушёл на повышение в «Узбекбрюляшу»¹³. Между делом помогал здесь становлению юных талантов, опекая местный интернатский ансамбль песни и танца, о чём вспоминаю всегда с особым удовольствием и грустью. Ах, уважаемая, знали бы вы, какие красивые и многообещающие юные дарования были в этом ансамбле! Всё бы отдал, чтобы хоть на часок вернуться в те времена... пообщаться... Теперь, вот, руковожу потихонечку на республиканском уровне, но без этой моей любимой чайханы долго не выдерживаю, навещаю сюда при любой возможности. Правда, возможности такие выпадают в последнее время всё реже. Жизнь – сложная штука.

– Говорят, человека всегда, всю жизнь тянет туда, где у него прошли лучшие годы. Или, наоборот, произошло что-то страшное, в том числе и им самим сотворённое, – Тамара натянута, с трудом владея собой, хохотнула. – Ну, например, какое-нибудь кровавое злодейство...

– Несравненная, о чём вы! Ну, какие могут быть злодейства, да кровавые, в таких благословенных краях и с такими людьми, которым посчастливилось, волей Аллаха, в этих краях жить и... любить? – ещё более натянута хохотнул в

¹³ Республиканский Союз потребительской кооперации

ответ Тохтамышев, у которого вдруг запершило в горле, а в лёгких неожиданно обнаружилась катастрофическая нехватка воздуха. Да и живот неожиданно начало пучить – как бы не оконфузиться перед дамой...

– А вы, достопочтенный, э-э... дядя Баймурат – так, кажется, называли вас опекаемые вами юные дарования... – случайно не помните, в том интернатском ансамбле были две симпатичненькие девочки-близняшки? И ещё у них был брат, тоже их близнец, хулиганистый такой, – вкрадчиво, очень тихо, почти шёпотом поинтересовалась женщина.

Тохтамышев обмер. Вдобавок к удушью и невыносимой тяжести в животе всё его нутро похолодело, как под взглядом кобры. Земля поплыла из-под ног, а переступить вправо или влево, чтобы удержаться от неминуемого падения, он не мог – члены его намертво оцепенели. Время как будто остановилось, и с бешеной скоростью понеслось в обратную сторону. Неужели эта ставшая вдруг похожей на смерть ужасная, жутко улыбающаяся старуха – и есть та самая пресловутая Тамарка-шофёрка, встречи с которой ему все близкие советовали остерегаться до конца дней своих? Вот, наверное, и пришёл, вместе с нею, этот конец... не-ет!!!

Внезапная острая боль в сердце на мгновение вернула Тохтамышева к действительности. Всё вокруг, пребывая в наступивших отчего-то не ко времени потёмках, кружилось перед глазами, то отдаляясь, то – быстро-быстро приближаясь. Чувство пространства потерялось – где верх, где низ, где

право, где лево...

Ещё более страшная боль, пронзившая мозг, заставила его глухо захрипеть, на губах выступила пена. Жизнь покидала большого её любителя Тохтамышева. Начавшие смыкаться, чтобы заснуть вечным сном, его глаза в последний момент были насильно приоткрыты и в них глянуло искажённое счастливо-исступлённым злорадством лицо красивой старухи, только что нежно обнимавшей его в медленно-сентиментальном танце. Старуха с адской

улыбкой проговорила зловещим, казавшимся громовым, голосом:

– Ну, что, вспоминаешь?..

Бившийся в предсмертных конвульсиях Тохтамышев уже не видел и не слышал, как очнувшаяся от короткой растерянности толпа его соратников-прихлебателей разом со всех сторон набросилась на и не думавшую сопротивляться женщину и начала остервенело избивать её кулаками, ногами и всем, что тяжёлого успело подвернуться под руку. Шансов не то, чтобы уцелеть, а и просто выжить в такой ситуации, у жертвы не оставалось. Да они, эти шансы, ей были и не нужны – свой святой долг она выполнила. Не испачкав рук кровью, дала возможность погубителю её детей самому околеть от страха, подспудно копившегося в нём все годы после совершения преступления.

Когда подоспевшие традиционно к развязке происшествия сотрудники милиции и работники «скорой помощи»

сумели пробиться сквозь разгорячённую только что сотворённой расправой свиту Тохтамышева и толпу оцепеневших от созерцания происходящего остальных посетителей чайханы к эпицентру события, перед их очами развернулась леденящая кровь картина. На полу рядом друг с другом лежали в неестественных позах два пожилых человека. Одним из них был распространявший вокруг себя зловонный запах испражнений крупный мертвенно бледный мужчина с застывшей гримасой отчаянного страха. Вторым – седая, с распухшим от побоев, но сохранившим природную красоту лицом и замершей счастливой улыбкой женщина.

Поскольку оба не дышали и не подавали иных признаков жизни, следовало заключить, что они мертвы. И, судя по картине происшествия, смерть обоих не была лёгкой. Что ж, для выдавших в своей работе всякое милицейского наряда и врачебной бригады – картина не столь уж и диковинная. Но и милиционеры, и медики были, однако немало озадачены по крайней мере двумя факторами. Кто, во-первых, в этих краях мог рискнуть поднять руку на такой авторитет, можно сказать – легенду района, как всем известный и всеми уважаемый Баймурат Тохтамышевич Тохтамышев, если он, конечно, не скончался скоропостижно своей смертью?.. И второе – чему может так лучезарно улыбаться только что умершая в физических муках женщина? Быть может, смерть в каких-то редких случаях являет собою счастье для человека? И сейчас как раз одна из подобных редкостей? Кто знает...

Вместо эпилога

Мы с Каримом стояли молча над тремя небольшими холмиками из камней на дне глубокого горного ущелья. Первый из этих холмиков был сооружён около тридцати лет назад – это могила Валеджана, похороненного незнакомым ему человеком, случайным очевидцем его гибели.

Второй холмик возвышался над могилой Тамары, которую только что похоронили мы с Каримом ввиду отсутствия хоть каких-то её родственников и полного равнодушия к судьбе тела покойной со стороны всего ныне здравствующего человечества. На вершину этого холмика Карим выложил и придавил камешком, чтобы не унесло ветром, где-то раздобытую им фотографию первого мужа Тамары, её первой любви и первой молодости – Амирхана Азимова.

И, наконец, третий холмик обозначал символическую могилу неизвестно где и кем похороненных (если похороненных вообще) близняшек Гульнары и Динары, злодейски умерщвлённых, по всей видимости, тогда же, когда погиб и Валеджан. Но... умерщвлённых ли на самом деле?.. Скорее, всё-таки – да. Иначе, за три почти десятка лет они хоть раз, хоть как-то, да дали бы о себе знать...

– Слушай, Илья, – Карим достал из сумки бутылку водки и кое-какую закуску, – а не кажется ли тебе, что мы констатируем сейчас печальный конец некоей династии?

– Династии мстителей?

– Именно.

– Нет, не кажется. Во-первых, видишь, на могиле Валеджана были три ветки бессмертника, распределённые сейчас по всем трём могилкам? Эти ветки уцелели в течение многих лет...

– А во-вторых, Илюха, я понял твою мысль: ведь жива-здоровая красавица и умница Мукарамка! И когда-нибудь она должна всё узнать и о корнях своих истинных, и о событиях...

– Вот видишь, Карим, ты – мудрый как змей, всё понимаешь. Но вот здесь-то я бы не стал торопить события. Нужны ли Мукараме Юлдашевне (обрати внимание на отчество) эти знания. Она счастлива в своём неведении и, дай Бог, чтобы жизнь её была такой же безоблачной и до-о-лгой-долгой.

– Согласен, Илюша. А ты когда-нибудь напишешь обо всём этом? Хотя бы в иносказательной форме, без подлинных имён и фамилий, и даже без фактического названия местности?

– Обязательно напишу, Каримчик, если какая-нибудь злая сила не подкинет причину воздвигнуть здесь ещё один, четвёртый холмик – на этот раз уже мой.

– Не будь таким самонадеянным, Илья Николаевич! Есть для такой чести персоны подстойнее тебя. Так что, в очереди сюда ты – не первый.

– Если имеешь в виду Мукарамку, то давай не будем. Мы же договорились не втравливать её в эту историю. А если

себя... что ж, могу уступить как другу.

– Не ёрничай! Не все виноватые наказаны, и кто знает, какое может быть продолжение у всей этой эпопеи.

– А может, не надо никакого продолжения? Ну, хотя бы ради той же невинной Мукарамы. Давай-ка, лучше, помянем, – не зря же ты тащил сюда бутылку с закуской, – всю эту семью, такую многообещающую при жизни. И такую...

– Давай, Илья. Пусть земля им будет пухом!

– Да будет...